
Барбара Пим
Почти ангелы

Почти ангелы
Барбара Пим

Аннотация
Барбара Пим. Почти ангелы
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23

Аннотация

Эксцентричные нравы образованных повес и милых барышень, забавные ситуации, яркие характеры – в изящном, полном тонкого, истинно британского юмора романе Барбары Пим!

Кто сказал, что антропологи только и делают, что разъезжают по экзотическим странам, занимаясь долгими и трудными раскопками, порой подвергая собственную жизнь опасности?

Они исправно посещают светские вечеринки, состоят в престижных клубах, водят модные автомобили. А еще – кто бы мог подумать – вовсю ухлестывают за хорошенькими студентками и отчаянно интригуют, сражаясь за солидные средства на экспедиции и написание очень важных трудов.

Но поскольку они довольно много времени проводят в компании красоток в буквальном смысле «ископаемых», отношения со вполне живыми и веселыми подругами у них складываются настолько сложные, что трудно даже описать…

Барбара Пим
Почти ангелы

Barbara Pym
LESS THAN ANGELS
Печатается с разрешения наследников автора, литературного агента Laura Morris и литературного агентства The Buckman Agency.
© Barbara Pym, 1955
© Перевод. А.А. Комаринец, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

1

«Точь-в-точь английские туристы, что бесцельно шаркают по церкви в Равенне, рассматривая мозаики…» — невольно подумала Кэтрин Олифент, пока рассеянно сидела за чаем. Но грезы развеялись, и стало ясно, что, конечно же, ни в какой она не в Италии, а шаркающие фигуры вовсе не туристы, а сотрудники окрестных контор, которые отходят с подносами от стойки и устраиваются за столиками, даже взглядом не удостаивая мозаики на стенах. А на них распускали хвосты большие и яркие павлины, каждый в собственной маленькой нише — точно в боковых часовенках старинного собора. Но почему люди с подносами не кланяются и не оставляют на полу в качестве подношений булочки, яйца-пашот и салаты?.. По всей видимости, культ павлинов, если он когда-либо и существовал, пришел в упадок.

Она налила себе еще чашку: чай потемнел и настоялся — как раз такой, как она любит. Кэтрин не чувствовала никакой вины из-за того, что праздно сидит за столиком у окна, глядя, как лу-

чи солнца льются через аметистовые и золотые бордюры витражного окна, а люди кругом поспешно глотают пищу и спешат на поезд домой, поскольку на жизнь зарабатывала рассказами и статьями для женских журналов и вдохновение черпала в повседневной жизни, хотя сама эта жизнь временами бывала довольно крепковата и грубовата и следовало облагообразить ее фантазией — как мясо, которое становится мягче, если его хорошенько отбить.

Кэтрин была невысокой и худенькой и считала (не без удовлетворения), что похожа на Джен Эйр или на викторианскую девочку, которой из-за скарлатины остригли волосы. Ей свойственно было выглядеть чуть растрепанной и небрежной, и нынешняя мода, когда женщины за тридцать могли одеваться как двадцатилетние девушки, носить туфли без каблука и свободные жакеты, а прически иметь такие, словно сами себя постригли маникюрными ножницами, очень даже ее устраивала.

Теперь людские потоки устремились к автобусным остановкам. Понемногу они начали терять гомогенность, распадаться на отдельных людей, — возможно, среди них даже нашлись бы знакомые. Это представлялось гораздо вероятнее

(пусть и не так романтично) в Лондоне, чем в Париже, про который говорят, что, если достаточно долго сидеть за столиком уличного кафе, рано или поздно мимо пройдут все, кого когда-либо знал или любил. Ну ведь не все-все-все, думала Кэтрин, такое количество эмоций кого угодно вымотало бы.

Она знала, что Тома, свою нынешнюю любовь, этим вечером точно тут не увидит, ведь он в Африке, изучает примитивное племя, а самым странным было то, что, когда в толпе стали проступать отдельные лица и пришло мгновение кого-то узнать, она заметила двух пожилых антропологов, с которыми как-то познакомилась на собрании научного общества, куда ее водил Том. Антропологи двигались наперекор спешащему потоку, и Кэтрин их даже не вспомнила бы, если бы они не выглядели довольно курьезной парой — как комики в мюзик-холле. Профессор Фэрфекс был худым и высоким, с небольшой, словно скукожившейся головой. По странному стечению обстоятельств племя, которым он занимался, большое значение придавало высушиванию голов, на что не указывал только самый ленивый студент. Спутник Фэрфекса доктор Вер был низеньким и кругленьким — полная ему проти-

воположность.

Кэтрин задумалась, куда бы они могли направляться в такое время да еще против общего людского потока. Возможно, это важно, что два антрополога, чье дело изучать поведение в человеческих сообществах, идут против течения? Она даже не знала, что следует из такого наблюдения, и не попыталась сделать вывод, только еще раз спросила себя: куда они направляются? У любопытства есть не только радости, но и муки, и одна из них, наверное, — неспособность проследить то или иное событие до его логического завершения. Профессор Фэрфекс и доктор Вер еще несколько сот ярдов проталкивались в толпе, а после свернули в переулок и скрылись из виду. Допив чай, Кэтрин неохотно встала и собралась уходить.

Когда сменился свет светофора, на противоположной стороне улицы притормозило такси. Кэтрин не могла знать, что представительный, академического вида пожилой мужчина в такси, который как раз поглаживал серебристую бородку, был Феликсом Байроном Мейнуорингом, профессором, принадлежащим к сливкам антропологии прошлого поколения, а теперь живущим на пенсии за городом.

Такси свернуло в переулок, и профессор Мей-

нуоринг с приятным предвкушением подался вперед. Он велел водителю остановиться на дом раньше того, который был нужен ему на самом деле, чтобы рассмотреть здание снаружи. Он попробовал вообразить, каким оно видится его коллегам, вывернувшим из-за угла в своих жалких драндулетах или идущим пешком, нагруженным причиндалами своего академического призвания: плащами, портфелями, папками заметок, с которыми они не желали расставаться даже на светских приемах. Поднимают ли они глаза на прекрасный георгианский (а они вообще поймут, что он георгианский?) фасад и завидуют ли тому, как он изловчился убедить Минни Форсайт, что по меньшей мере часть состояния ее покойного мужа следует употребить на самое благородное в мире дело, а именно на основание нового антропологического научного центра с библиотекой и учреждение нескольких грантов для молодых ученых? Уж они-то точно такого не сумели. Ему вспомнился вагон первого класса и далекие шпили Лемингстон-спа, представшие перед ним в прошлом году в зеленоватом свете весеннего вечера, и то, как миссис Форсайт (трудно было мысленно называть ее Минни, надо же, какое неподобающее имя!) откинулась на

кружевную салфеточку на спинке кресла, как ее большие голубые глаза наполнялись восхищением и недоумением, пока он говорил, объяснял и убеждал… Феликс Мейнуоринг чуть не хохотнул от такого воспоминания и, выходя из такси, дал водителю непомерно щедрые чаевые.

Труся к тому же дому по противоположной стороне улицы, Фэрфекс и Вер громко разговаривали. У обоих были пронзительные голоса: у Уильяма Вера — потому что ему как беженцу пришлось строить новую жизнь в незнакомой стране и объясняться на чужом языке, а у Джарвиса Фэрфекса — потому что он рос младшим в большой семье и ему всегда приходилось самоутверждаться. Сейчас они обсуждали своих студентов — ни в коем случае не злобно, поскольку между ними существовало дружеское соперничество за тех молодых людей, кто сумел обзавестись исследовательскими грантами, то есть средствами на экспедицию и «полевые работы», в Африку, в Малайю, на Борнео или какой-нибудь другой далекий остров, где еще осталось племя, которое можно изучать.

— Номер двадцать три, — коротко сказал Фэрфекс. — Наверное, это тут.

— Думаю, да.

Элегантные пропорции и георгианский фасад здания они никак не прокомментировали, поскольку даже на них не взглянули — разве только на номер на двери. Им было любопытно осмотреть научный центр («Фантазию Феликса», как окрестили его между собой антропологи), но у обоих выдался трудный день и обоим требовалось выпить.

— Надеюсь, внутри все готово. — Фэрфекс взглянул на часы. — Ничего нет хорошего в том, чтобы прийти слишком рано. Интересно, Эстер Кловис и ее помощницы уже нарезали бутерброды или же у Феликса хватило предусмотрительности пригласить кого-нибудь со стороны?

— Сомневаюсь, что он стал бы затруднять себя хозяйственными делами, — отозвался Вер. — Но будем надеяться на лучшее. — Он сказал жене, что сегодня плотный ужин готовить не стоит.

Закусок и напитков заготовили вдоволь, но назревал кризис. Библиотека уже несколько дней была открыта для читателей и в данный момент оказалась занята молодыми антропологами, кое-кто еще даже диплома не получил, и, разумеется, на фуршет, который должен был состояться в этом самом читальном зале, их не приглашали.

Мисс Кловис и ее подруга мисс Лидгейт, спе-

циалист по африканским языкам, несколько раз входили и выходили к ним с тарелками закусок, полагая, что при виде съестного, которого никто не ожидает в библиотеке любого рода, посетители поймут, что тут что-то намечается, и соберутся уходить. Но молодые антропологи продолжали читать и делать заметки.

— Придется принять меры, — твердо сказала мисс Кловис. — Пошли, Гертруда, — обратилась она к подруге, — поговорим с ними начистоту.

Когда женщины вошли в комнату, от длинного стола поднялись шесть пар глаз. Мисс Лидгейт была очень высокой, со снежно-белыми волосами и настолько худой, что одежда колыхалась на ней, точно гардины на ветру, зато одетая в твидовый костюм мисс Кловис была кряжистой, с неровно подстриженными короткими волосами.

— Добрый день, — громко сказала она. — Я так рада, что вы уже пользуетесь нашей великолепной новой библиотекой. В ней действительно есть нечто совершенно особенное.

Она замолчала в ожидании ответа.

Ответил Брэндон Дж. Пербрайт, невысокий, щеголеватый молодой человек, в элегантном лавандово-сером костюме с безукоризненной белой нейлоновой рубашкой и галстуком-бабочкой.

— Пожалуй, вы правы, мисс Кловис, — отозвался он. — Нигде больше нам угощения не предлагали, верно, Мелани?

— Ах, нет, конечно! — подала голос его жена, смуглая, энергичного вида женщина, на несколько дюймов выше мужа и далеко не столь элегантно одетая. — По-моему, прекрасная мысль.

— Тут что-то празднуют? — спросил другой читатель, Жан-Пьер ле Россиньоль, красивый молодой француз в вельветовом костюме цвета бисквита.

— Наверное, можно и так сказать, — признала мисс Кловис, вспомнив, что помимо денег Форсайтов центр получил также щедрый грант из Соединенных Штатов и наследство видного французского антрополога. Возможно, будет только правильно пригласить на фуршет и молодых ученых. — Соберутся несколько человек выпить хереса, — сказала она. — Мне было бы очень приятно, если бы вы к нам присоединились.

Тут мисс Кловис с некоторым сомнением посмотрела на оставшуюся троицу читателей, которые при этих ее словах выжидательно встрепенулись. Девятнадцатилетняя Дейдре Свон и двое молодых людей — Марк Пенфолд и Дигби Фокс. Марк и Дигби были близкими друзьями и

на первый взгляд казались неотличимы друг от друга в своих потертых твидовых пиджаках и серых фланелевых брюках, но у Марка волосы были темными и вьющимися, а у Дигби — посветлее и попрямее, а еще он считал, что характер у него помягче. Для мисс Кловис это были просто двое из множества безликих студентов, с которыми она сталкивалась по работе: положительными, усердными, достойными и довольно скучными. Пусть уж и они остаются, подумала она в приступе щедрости, как представители многих сотен будущих пользователей библиотеки. Им, несомненно, не по карману одеваться так элегантно, как француз или американец, но это не делает их хуже, и вообще она не из тех, кто судит о человеке по внешности. Да и как она могла бы, когда и своей-то явно уделяла мало внимания.

В прошлом Эстер Кловис была секретарем одного научного общества, но недавно ушла с этого поста из-за некоторых разногласий с президентом. Бытует мнение, что те, кто живет и работает в академических или интеллектуальных кругах, превыше мелких дрязг, которые преследуют большинство из нас. И все же возвышенная деятельность вынуждает их время от времени спускаться на землю, чтобы, так сказать,

освежиться мелкими склоками. Предмет ссоры мисс Кловис с президентом был известен лишь немногим избранным, и даже осведомленность избранных не шла дальше того, что дело было как-то связано с завариванием чая. Нет, конечно, никто не назвал бы заваривание чая делом мелким или тривиальным, и мисс Кловис, похоже, действительно серьезно провинилась. Была использована горячая вода из-под крана, чайник не вполне закипел, заварочный чайник не был предварительно подогрет… Каковы бы ни были подробности, прозвучали некие слова, и в результате на свет вышло другое, много более серьезное и мрачное. Разговор шел на повышенных тонах, и в итоге мисс Кловис пришлось подать заявление об уходе. Ей очень повезло, что ее назначили своего рода смотрительницей нового исследовательского центра, поскольку так уж вышло, что распоряжавшийся вакансиями профессор Мейнуоринг не жаловал президента научного общества. Эстер Кловис, возможно, не слишком хорошо умела заваривать чай, зато обладала недюжинными организаторскими способностями и знала, как повести себя в критической ситуации, как, например, сейчас, когда она столкнулась с антропологами, которые никак не желали уходить.

— Вы тоже к нам присоединитесь? — просияла она, несколько пугающая в своем дружелюбии. — Надо же, чтобы у нас были и представители молодого поколения. Миссис Форсайт было бы очень интересно посмотреть, на что пойдут ее деньги, — туманно добавила она.

— Спасибо, — откликнулся Марк, который первым обрел дар речи. — С удовольствием. Даже хорошо, наверное, что мы одеты совсем не для праздника, — шепнул он своему другу Дигби. — Теперь миссис Форсайт сразу поймет, что мы очень даже нуждаемся.

Дигби пригладил волосы, равнодушно глянул на свои грязные руки и чуток поправил галстук.

— Пожалуй, уберу-ка я их, — сказал он, заталкивая заметки в портфель.

Дейдре Свон, предположившая, что приглашение мисс Кловис относится и к ней тоже, пожалела, что не успела сбежать. Это была высокая худышка с большими карими глазами и потерянным выражением лица. Она не очень хорошо понимала, что тут делает, и начала задаваться вопросом, а не ошибкой ли было взяться за изучение антропологии вместо, скажем, истории английской литературы. Она забилась в угол, точно стараясь слиться с книжными полками,

и с испуганным удивлением смотрела, как прибывают гости.

— А, Феликс! — взвизгнула мисс Кловис, когда вошел профессор Мейнуоринг. — Как я рада вас видеть. Хорошо, что вы пришли пораньше.

— Моя дорогая Эстер! Я едва-едва опередил остальных. Труженики науки не понимают искусства модно опаздывать. Если в приглашении говорится «шесть часов», можете быть уверены, что мои коллеги явятся вовремя.

Его прогноз оказался совершенно точным: едва стрелки библиотечных часов установились на «6» и «12», как в двери просто ворвался целый табун ученых. Первыми появились доктор Вер и профессор Фэрфекс, все еще громко обсуждавшие студентов. По пятам за ним следовал отец Джемини, миссионер и эксперт-лингвист, чья несколько взъерошенная окладистая борода и наслоения затхлых черных одежд казались чересчур теплыми для апрельского вечера. За ним вошли остальные, слишком многочисленные, чтобы описывать каждого в отдельности, — по большей части мужчины, но и женщины тоже, добившиеся определенного признания в какой-то конкретной области. Некоторые выделялись странной внешностью, но большинство выгля-

дели утешительно заурядными — таких в любой день можно встретить в автобусе или подземке. Замыкали нашествие благостного вида человечек, сгорбленный под весом двух чемоданов, словно набитых свинцом, и высокий худой мужчина с кошачьей походкой. После их прихода в процессии гостей возникла прореха, а затем появился беспокойный с виду мужчина в темном пиджаке и полосатых брюках, который занимал какой-то пост в министерстве по делам колоний и сейчас нервно оглядывался по сторонам. Он не любил херес, который считал «вредным для печени», и боялся мисс Кловис, а еще ему очень хотелось вернуться в свой садик в Северном Дулвиче, но он никогда не уклонялся от призыва, когда его звал долг.

— Так, так, так! — воскликнул профессор Мейнуоринг, потирая руки. — Ком[1] и его сброд!

Чиновник из министерства по делам колоний быстро нырнул в угол, но профессор как будто и не ждал ответа на свое замечание.

— Какая жалость, что не все наши друзья смогли сегодня прийти, — продолжал он с легким сарказмом. — Мой дорогой друг Тирелл Тодд в

---

[1] Примечания: 1

Ком — древнегреческий бог пиршеств. — *Здесь и далее примеч. пер.*

настоящий момент, вероятно, прорубает себе дорогу через джунгли Конго в поисках своих вечно неуловимых пигмеев. Эпфельбаум стоит на голове у антиподов… — Тут воображение ему отказало, и он одним махом опустошил бокал хереса. А после ловко очутился у двери, чтобы принять почетную гостью — миссис Форсайт.

— Ах, Минни! — произнес он, причмокнув, словно смаковал комический привкус имени. — Какое великое событие!

Миссис Форсайт, невысокая полноватая блондинка в бледно-голубом, переступила порог, заморгав от такого стечения народу. После того как ее всем представили, она позволила усадить себя в одно из креслиц, расположенных в стратегических местах для гостей постарше и попредставительнее. Таким образом она очутилась возле мисс Лидгейт и решила завязать, как она надеялась, легкую светскую беседу.

— Вы только что вернулись… э… с полей? — выдавила она, стараясь вспомнить, уместно ли тут слово «поля» и что именно люди в «полях» делают.

Конечно же, она это знает. Феликс так ясно объяснил, чем занимаются антропологи, или это казалось ясным в тот момент, когда они неслись

по Хай-Уикому в вагоне-ресторане, весело подшучивая над тем, как трудно на такой скорости элегантно наливать чай. Антропологи ездят в далекие места и изучают обычаи и языки людей, которые там живут. Потом возвращаются и пишут книжки и статьи про то, что там видели, и учат других, как делать то же самое. Проще простого. И очень даже хорошо, что про языки и обычаи будут знать, во-первых, потому, что они сами по себе интересные и есть опасность, что они будут забыты, а во-вторых, потому, что миссионерам и правительственным чиновникам необходимо как можно больше информации о людях, которых они стараются окрестить или которыми стараются управлять.

Эти мысли — правда, не совсем в таком порядке — складывались в голове миссис Форсайт, а еще перемежались с тривиальными впечатлениями от людей вокруг, но она считала, что запомнила большую часть того, что Феликс рассказывал за чаем в поезде и во время их последующих встреч. На лице у нее, пока мисс Лидгейт излагала планы записок и статей о своих лингвистических исследованиях, застыло выражение несколько преувеличественного интереса. Как раз с таким выражением женщины часто слушают

мужчин, но у миссис Форсайт достало женственности, чтобы немного обидеться, что столько сосредоточенности требуется в разговоре с представительницей ее собственного пола. Почему-то это казалось пустой тратой сил.

— Как мило, что вы с мисс Кловис вместе снимаете квартиру, — вежливо заметила она.

— Ах, все вышло до крайности удачно. Когда Эстер ушла со своего поста в научном обществе, ей, конечно же, пришлось освободить служебную квартиру, а новая оказалась великовата для нее одной. Так что я заполнила брешь. Легла на амбразуру, так сказать.

— Очень хорошо для вас обеих.

— Да, мы вполне счастливо уживаемся. Ни одна из нас в готовке не смыслит, и к порядку мы обе не склонны, так что никто не в обиде.

— Наверное, главное общие интересы, — с сомнением откликнулась миссис Форсайт, испытывая благодарность, что уж ей-то не приходится жить ни с Эстер Кловис, ни с Гертрудой Лидгейт, поскольку она любила вкусно поесть и находиться в окружении всяких «приятных вещей». — И как же вы управляетесь с готовкой?

— Питаемся консервами и замороженными полуфабрикатами, верно, Гертруда? — ответила как

раз подошедшая мисс Кловис. — И мясо всегда выбираем такое, какое можно быстро пожарить, отбивные и тому подобное.

— Тушеное мясо тоже бывает очень вкусным, и готовить его несложно, — начала миссис Форсайт, но ее прервал отец Джемини, который практически подбежал к мисс Лидгейт: кончик его бороды полоскался в хересе, в руке подпрыгивал бутерброд.

— Мисс Лидгейт, мисс Лидгейт! Очень прошу меня простить за лексикон, который я вам прислал! — завывал он. — Это был ужасно неудачный пример, но на этом языке говорят сейчас всего пять человек, и моим единственным источником был очень старый мужчина, такой старый, что у него уже зубов не было.

— Затруднения, конечно, оказались очень велики, — неприветливо отозвалась мисс Лидгейт.

— Да, да, к тому же в тот момент он был пьян. Столько трудов, столько трудов!

— Меня заинтересовало то, что выглядело совершенно новым, — сказала мисс Лидгейт, чуть ли не за бороду уводя отца Джемини в более уединенный уголок библиотеки. — Это действительно так и было?

Она издала весьма любопытный звук, который

совершенно невозможно воспроизвести посредством букв. Будь она в обществе обычных людей, они непременно предположили бы, что ей кусок не в то горло попал и она подавилась, но здесь никто не обратил особого внимания ни на нее, ни на отца Джемини, когда тот возбужденно закричал:

— Нет, нет, вот так! — И издал звук, который непосвященные не отличили бы от хрипов мисс Лидгейт.

— Ну вот, теперь им счастья на несколько часов хватит, — с ласковой снисходительностью заметила мисс Кловис. — Иногда мне думается, какая жалость, что Гертруда и отец Джемини не могут пожениться.

— Вот как? — переспросила миссис Форсайт. — А что тут невозможного?

— Он римско-католический священник, а они обычно не женятся, верно?

— Нет, конечно, им запрещено, — согласилась миссис Форсайт. — Однако мисс Лидгейт гораздо выше его, — не к месту добавила она.

— Это в академических кругах значения не имеет, — отрезала мисс Кловис. — В счет идет союз истинных умов, знаете ли.

— И эта борода… Такая неопрятная, — с отвращением добавила миссис Форсайт. — Жена

заставила бы ее подстричь… Мне кажется, что профессору Мейнуорингу борода очень даже идет. Цвета «серебряный империал», так, думаю, ее можно назвать.

— Да, Феликс — видный мужчина. Он в любом собрании смотрится главным, и не только благодаря росту.

Предмет их разговора стоял в центре комнаты, попивая херес и думая, что если это и не лучший херес, то для здешнего общества очень даже сойдет. Эстер мудро поступила, что не стала тратить деньги Форсайтов на самый лучший: дамы все равно бы не оценили, а его коллеги такого не достойны. Многие тут, по его собственному выражению, «не из высшего общества» — выражение, конечно, немного устарело, но как нельзя лучше передает его мысль. Однако ему хватало здравомыслия не бросаться им направо и налево в наши просвещенные времена, и в обращении с подающими надежды молодыми людьми, которые еще собирались вокруг него, он был приветлив и частенько благосклонен. В конце концов, не его вина, что отец послал его учиться в Итон и Баллиол[2] или что его юность

[2] Примечания: 2

Баллиол — один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета.

пришлась на расцвет эдвардианской эпохи. Он даже проявил своего рода смелость, пойдя наперекор желаниям родителей, предназначавшим его для дипломатии, и посвятив себя профессии, о которой никто слыхом не слыхивал и которая требовала путешествий в отдаленные уголки империи не для того, чтобы править, что было бы естественно и уместно, но чтобы изучать обычаи живущих там примитивных туземцев.

— В нем и впрямь есть что-то роскошное, — сказала Мелани Пербрайт. — Могу представить, как в Штатах он кружит головы в женских клубах. Интересно, он когда-нибудь думал о лекционном турне? И опять же, странно, что он так и не женился.

— Да, на то как будто нет причин, — согласился ее муж. — Интересно, нет ли чего между ним и Минни Форсайт? Но, возможно, на него давит груз второго имени. Тяжело, наверное, зваться Байроном. Приходится, знаете ли, соответствовать.

— Вы так думаете? — с обычной скромной улыбкой спросил Жан-Пьер ле Россиньоль.

— Для француза, возможно, это и не имеет значения, — очень серьезно откликнулась Мелани.

— Имя, по сути, значения не имеет. Мужчина может иметь сколько угодно романов, как бы его

ни звали.

— А о каких-нибудь романах профессора Мейнуоринга вы слышали? — спросила Мелани тоном человека, жаждущего научной информации. — От слухов ведь никуда не денешься.

Жан-Пьер пожал плечами, и уголки рта у него опустились в гримасе, намекавшей на кладезь тайных знаний. Но он промолчал.

— В целом кажется, что это англичанки замуж не выходят, — продолжала Мелани. — Было бы интересно знать, почему именно?

— Ты еще спрашиваешь? — Жан-Пьер обвел глазами комнату. — Для начала их слишком много.

— Да, это проблема. Много чего можно сказать в пользу полигамии.

— Но некоторых никто не захочет взять даже вторичной женой, — вставил Брэндон.

— В том ли смысле ты употребил термин «вторичная жена», дорогой? — спросила Мелани. — У него может быть довольно специфическое значение, знаешь ли.

— Только послушай ее! — шепнул, поворачиваясь к своему другу Марку, Дигби. — Неужто она просто отдохнуть не в состоянии? Может, стоит перемолвиться словечком с профом Мей-

нуорингом?

— Перемолвиться словечком? О чем нам с ним говорить? По-моему, ни у кого не может быть меньше общего, чем у нас троих.

— Ну, я просто о светской болтовне… Показаться на глаза и все такое… В конце концов, нам нужно где-то деньги на экспедиции брать.

— Какой же ты благоразумный… Ладно, пошли.

— Ты будешь говорить. — Дигби внезапно вытолкнул Марка вперед.

— Добрый вечер, профессор, — бодро начал Марк. — Нам просто хотелось сказать, как нам понравился ваш последний доклад в научном обществе.

— Очень вдохновляющий, — промямлил Дигби.

— Дайте-ка вспомнить… что это был за доклад… «Антропология — что теперь?» или это был «Привет, антропология»? — хохотнул профессор. — В них начинаешь путаться, знаете ли. Что-то не припомню, чтобы видел вас в зале.

— Мы сидели в заднем ряду, — быстро нашелся Марк.

— Ах да, чтобы легче было улизнуть. Стулья у двери всегда востребованы. Надеюсь, вы тихо

улизнули? Я и правда шума в зале не помню. Я часто спрашиваю себя, почему люди так часто сбегают. С женщинами, пожалуй, все понятно: запеканка в духовке или еще что. Может, мужчинам надо успеть на поезд или на встречу с дамой?

— Нам надо курсовые писать и доклады к семинарам, — флегматично отозвался Дигби.

— И вы надеетесь получить деньги на собственную экспедицию? — Феликс пригвоздил их проницательным взглядом.

— Ну да, надеемся, — согласился Марк.

— Очень трудно… — начал Дигби, но его прервало появление профессора Фэрфекса, который вклинился в группку, воскликнув:

— Боже, мой дорогой Феликс, надеюсь, вы не забыли, что завтра днем обедаете у меня в клубе?

— Джарвис, старина, ничуть не забыл. Просто жду не дождусь.

— Добрый вечер, профессор Фэрфекс, — почти в унисон поздоровались Марк и Дигби.

— А, мистер Фокс, мистер Пенфолд, как поживаете? — небрежно поинтересовался профессор Фэрфекс.

Даже Марк и Дигби, неопытные в тонкостях светского тона, оказались не столь толстокожи,

чтобы не понять, что профессор Фэрфекс ни в малейшей степени не желает знать, как они поживают, а потому украдкой отступили в свой угол.

— Старина! Мой милый Феликс, мой милый Джарвис! — презрительно фыркнул Марк. — Это фамильярничание просто омерзительно.

— Мы пока еще не приобрели то положение в обществе, когда называют по именам, — немного мягче отозвался Дигби. — Интересная тема, если подумать. Чем ниже ты по статусу, тем более официальное обращение используется, если только ты не слуга, возможно.

— Однако Фэрфекс знает наши фамилии, а это уже что-то.

— Но знает ли он, кто из нас кто? — встревожился Дигби.

— Об этом подумаем потом. Главное сейчас — вбить им фамилии в головы.

— Не самая гениальная твоя идея — вспомнить про тогдашний доклад, — сказал Дигби. — Мог бы хотя бы выбрать тот, на который мы действительно ходили и он мог нас видеть.

Молодые люди препирались до тех пор, пока один из них не взял графин с шерри и храбро не налил обоим. Это еще больше их раззадорило, и

они принялись опустошать тарелки сандвичей и маленьких острых канапе.

«Вот уж кто умеет расположиться по-свойски», — думала Дейдре Свон, стискивая пустой бокал и жалея, что ей не хватает смелости уйти домой. В свои девятнадцать она была еще юна и достаточно чувствительна, чтобы понимать, что стоит совсем одна и без шерри, и из-за этого расстраиваться. Казалось, все, кроме нее, нашли, чем себя занять. Она чуть-чуть знала мисс Кловис и пару раз разговаривала с Марком и Дигби, но они уже учились на четвертом курсе университета, а она на первом. Скоро друзья уедут в Африку или в какое-то еще подходящее место, и тогда даже они, такие ординарные, приобретут ореол славы побывавших «в поле».

Дейдре оглядела группки гостей, и ей пришло в голову, что хотя она слишком высокая, слишком худая и одета не слишком элегантно, но из женщин она тут, без сомнения, самая красивая и, безусловно, самая молодая. Это немного ее утешило и почти придало смелости подойти к одной группке, но она заметила там мисс Лидгейт, с которой ей совсем не хотелось разговаривать. Недавно по соседству со Свонами в их лондонском предместье поселился брат мисс Лидгейт Аларик,

и, невзирая на все старания матери и тетушки Дейдре, семьи еще не познакомились. Аларик Лидгейт был, по всей видимости, колониальным чиновником в отставке, и Дейдре, изредка встречавшая его на улице, считала, что различила «особую манеру», которой пребывание в Африке наделяет некоторых людей, — эдакий странный блеск в глазах в духе «старого моряка», героя поэмы Сэмюэля Кольриджа, повествующей о сверхъестественных событиях, произошедших в ходе затяжного плавания. Такой блеск обычно свидетельствует о неугомонной, донимающей, как пчела, навязчивой идее. Дейдре совсем не хотелось выслушивать рассказы Аларика про Африку, и она боялась, что, если познакомится с мисс Лидгейт, это, в свой черед, приведет к знакомству с ее братом.

Поэтому она так и стояла с пустым бокалом и безмолвной мольбой, пока наконец кто-то из молодых людей над ней не сжалился.

Но вот, оставив своих собеседников, к ней подошел Жан-Пьер ле Россиньоль.

— Интересное мероприятие, на мой взгляд, — заметил он, по обыкновению тщательно выговаривая слова.

— Совсем не похоже на другие вечеринки, — с

изрядной долей отчаяния ответила Дейдре. — Наверное, тут интересно, если воспринимать это отстраненно.

— О, так многое приходится воспринимать отстраненно! Иначе как же французу пережить английское воскресенье?

— Трудно, наверное. По воскресеньям мало чем можно заняться, разве только в церковь ходить.

— Именно! Зато какое разнообразие церквей! Такой богатый выбор, я совершенно теряюсь.

— Да, наверное, много из чего есть выбирать, если живешь прямо в Лондоне. Там, где я живу, всего две.

— На прошлой неделе я был в методистской молельне… восхитительно! — Жан-Пьер восторженно закатил глаза. — А на позапрошлой — в квакерском «Доме друзей». На следующей неделе мне рекомендовали посетить заутреню и проповедь в одной модной церкви в Мейфэр.

Дейдре показалось, что она не на месте и вообще не понимает, о чем речь. В ее семье посещение церкви считалось делом серьезным: на службы либо ходили, либо нет, и легкомысленное экспериментаторство, в которое как будто ударился Жан-Пьер, не допускалось.

— Полагаю, — продолжал тем временем тот, —

меня можно назвать томистом[3]. — Пожав плечами, он стал рассматривать ногти, ухоженные гораздо лучше, чем у Дейдре.

— Кажется, начинают расходиться, — пробормотала она, сбитая с толку тем, что не знает, кто такой томист, а спрашивать не хотелось.

— Думаю, некорректно оставаться до самого конца, — сказал Жан-Пьер, — поэтому я тоже пойду. Люблю по возможности поступать корректно.

Гости начали расходиться так же стремительно, как и появились, и к тому же довольно странными парами. Разумеется, следовало ожидать, что профессор Мейнуоринг проводит миссис Форсайт до машины и уедет с ней, но чиновник из министерства по делам колоний очутился на улице бок о бок с отцом Джемини и тут же получил приглашение «отобедать чем придется» с мисс Кловис и мисс Лидгейт. Он пытался протестовать, но безуспешно.

— Потом легко сядете в поезд до Дулвича, они ходят очень часто, — твердо заявила мисс Кловис.

---

[3] Примечания: 3

Томист — последователь философии Фомы Аквинского, подразумевающей главенство разума над волей и чувством, известную степень свободы воли и познаваемости Бога по результатам его деятельности в реальном мире.

— Но мне надо в Северный Дулвич, — жалобно возразил чиновник.

— А такого вообще не существует! — с грубоватым юморком отрезала мисс Лидгейт, уводя его и отца Джемини.

Дейдре осталась одна с Марком и Дигби.

— Леди и джентльмены, пора! — воскликнул Дигби, привалившись к столу.

— Вам понравилась вечеринка? — вежливо поинтересовалась Дейдре.

— Да, под конец стало гораздо лучше, — отозвался Марк. — Мы приземлились у столика с бутылками и позволили себе чуть-чуть.

— Мы не привыкли много пить, — сказал Дигби. — Как по-твоему, на нас подействовало?

— Я же не знаю, какие вы обычно, — честно ответила Дейдре, встревоженная их странной, расхлябанной походкой. Возможно, и правда подействовало.

— Обычно мы довольно тупенькие и прилежные, — продолжал Марк. — Знаешь, — добавил он, поворачиваясь к Дигби, — я и правда думаю, нам следовало помозолить глаза Дэшвуду.

— Дэшвуду? А, это тот тип из министерства по делам колоний. Да, наверное, надо бы с ним задружиться.

— Ладно, пока, — застенчиво сказала Дейдре. — Мой автобус отходит отсюда.

— Наверное, надо было пригласить ее посидеть где-нибудь, — сказал Дигби, глядя вслед отъезжающему автобусу.

— Зачем это?

— Просто из вежливости.

— Нам профа Мейнуоринга надо было бы пригласить… это было бы еще вежливее. И вообще, думаю, ее мама с ужином дома ждет.

— Скорее всего. Она как будто ничего себе, но…

— Не слишком интересная.

— Не слишком.

Молодые люди остановились у кинотеатра, где их поджидал плакат, на котором молодая женщина, явно более щедро одаренная природой, чем Дейдре, соблазнительно раскинулась в прозрачном неглиже поперек Ниагарского водопада.

— Мне надо доклад к семинару готовить, — неохотно протянул Марк.

— Да, конечно, — кротко согласился Дигби.

Поэтому они пересекли улицу и стали ждать автобуса, который отвез бы их на съемную квартиру в Кэмден-тауне. Но и в автобусе они чувствовали, что за учебу садиться не хочется.

— А, знаю, — сказал Дигби, — пойдем, навестим

Кэтрин. У нее скорее всего есть новости о Томе.

— И, возможно, она что-нибудь готовит, — практично добавил Марк. — Невесело ведь готовить для одного, — так во всяком случае говорят. Поехали, дадим ей повод приготовить хороший ужин.

2

По дороге домой Кэтрин строила догадки о профессоре Фэрфексе и докторе Вере. Она жила на улочке по ту сторону Риджентс-парка, которая давно обветшала и стала немодной, в квартире над газетной лавочкой, которую нашла по дешевке в конце войны. Карабкаясь по лестницам со стертым линолеумом, она иногда думала, что достойна более элегантной обстановки, но среди нас найдется мало таких, кто не придавал бы себе ценность большую, чем та, какой его наделила судьба. Обычно Кэтрин была всем довольна, поскольку обладала сангвиническим темпераментом, а такие квартиры, как у нее, — три комнаты, кухня и отдельная ванная, — пользовались столь большим спросом, что она понимала: ей просто повезло. Обставлена квартира была, что называется, на «богемный лад», который часто говорит об отсутствии возможности купить достаточно мебели и ковров. Однако впечатление она производила уютное, поскольку Кэтрин обучили искусству вести дом, а еще она хорошо готовила. Ее маленькие руки часто грубели от

домашней работы и иногда пахли чесноком. Том обычно подшучивал над ней: как же хорошо, что в Англии не в ходу обычай целовать руки.

Кэтрин познакомилась с Томом на пароме через Ла-Манш, который в дурную погоду плыл из Дьеппа в Ньюхейвен. Когда они тем вечером добрались до Лондона, Том не знал, куда податься, и Кэтрин предложила ему переночевать в свободной комнате. После одной или двух ночей ему как будто уже не было смысла искать жилье, учитывая, что он собирался к родителям в Шропшир, а вернувшись в Лондон, он совершенно естественно приехал к Кэтрин, точно в собственный дом. Они привязались или, возможно, привыкли друг к другу: это почти походило на супружескую жизнь, вот только детей не было, а Кэтрин чувствовала, что была бы не против. То, что обычно к большинству мужчин и к Тому в особенности она относилась как к детям, не заполняло пустоту. Кэтрин всегда мечтала, что ее муж будет сильной личностью и станет определять ее жизнь, но Том в свои двадцать девять был на два года младше нее, и решения всегда принимала она, — даже электрические пробки сама меняла. Тому как будто не приходило в голову, что они могли бы пожениться. Кэтрин часто спрашивала себя,

неужели антропологи настолько погружаются в изучение обычаев иных обществ, что забывают о принятых в их собственном. С другой стороны, по ее наблюдениям выходило, что многие среди них настолько респектабельны и традиционны, что возможно и обратное: они, похоже, четко сознавали, как важно соответствовать «норме», или как бы это ни называлось на их жаргоне.

Войдя в гостиную, она заметила, что тюльпаны на подоконнике выпустили стрелки. Они расцветут как раз к тому времени, как вернется Том. Пока на концах стрелок гордо торчали бутоны, похожие на яйца вкрутую, но такие, в которых больше желтка, чем белка. Потянувшись за блокнотом, она записала метафору: такие мелочи часто оказывались полезными. В печатной машинке ждал наполовину исписанный лист, и она села за стол, надеясь закончить рассказ. Но вдохновение как будто улетучилось, и запланированный неестественно счастливый конец казался невыносимо банальным и далеким от жизни. Она воображала себе, как в парикмахерской женщины, сидя под феном, лениво листают страницы и доходят до «Розового сада» Кэтрин Олифент. Они читают первую страницу, ту, на которой рисунок, изображающий девушку с ро-

зой в руке и мужчину, гораздо более красивого, чем бывают мужчины в реальной жизни. Мужчина стоит чуть позади девушки, на лице у него мука… Но пролистают ли они журнал до конца, до того места, где следует искать продолжение и концовку, уныло спросила себя Кэтрин. «Так странны дни, которых больше нет. Желанные, как сладость поцелуев…»[4] — лениво напечатала она, но какова вероятность, что ее герой читал Теннисона и вслух процитировал бы эти строки? Невелика, подумала она, вставая, и начала расхаживать по комнате.

Ее взгляд остановился на столике, где она держала напитки, когда таковые имелись. В графине было на полдюйма хереса, джин закончился, а вот липкая бутылка апельсинового сока с мякотью оказалась наполовину полна. А еще столик запылился. Чуточку повеселев, Кэтрин пошла на кухню за метелкой и шваброй. Она любила убирать, когда у нее было на то настроение, и часто идеи для романтических сюжетов приходили к ней, когда она отряхивала в окно швабру или полировала стол.

Окно гостиной выходило на ряд магазинчиков,

---

[4] Примечания: 4
Перевод К. Бальмонта.

над которыми располагались квартиры. Почти напротив находился ресторан, который держали киприоты и в который Кэтрин часто заходила поесть или купить дешевого вина. Она как раз задумалась, может ли сегодня позволить себе ужин в ресторане, когда увидела появившихся из-за угла Дигби и Марка. Помахав им шваброй, она поспешила вниз. Придется посмотреть, есть ли у нее чем их угостить, ведь они приходили, как доверчивые зверьки, ожидающие кормежки, и она не могла их разочаровать.

— Она убирает по вечерам? — недоуменно спросил Марк, когда они почти подошли к ее двери. — У нее, кажется, швабра в руках была.

— Да, странно как-то. Обычно этим занимаются по утрам, — почти неодобрительно сказал Дигби. — Уж и не знаю, что сказала бы мама.

— Тебя это правда волнует?

— Мне бы не хотелось, чтобы моя жена занималась уборкой по вечерам, а тебе?

— Нет, наверное, но женщины обычно поступают как хотят.

В это время Кэтрин распахнула дверь, приглашая их войти.

— Мы принесли пиво, — сказал Дигби. — В «Фантазии Феликса» была вечеринка, и мы реши-

ли, что обидно было бы перестать пить.

Последняя фраза не вполне в его духе, подумалось Кэтрин. Дигби с Марком были исключительно трезвыми и прилежными мальчиками, хотя Марк иногда бывал язвителен на словах.

— Так вот куда направлялись два антрополога, — улыбнулась Кэтрин. — Я видела их, когда пила чай. Как мило, что и вас тоже пригласили.

— Ну, не совсем пригласили, — возразил Дигби. — Так уж получилось, что мы там занимались, и не могла же мисс Кловис нас не позвать. Тогда вечеринка происходила бы вокруг нас.

Они обосновались на кухне, где Кэтрин начала готовить ризотто из тех остатков, какие смогла собрать. Холодное вареное мясо она пропустила через мясорубку, которая именовалась «Беатрис», — странно женственное и изящное название для злобного железного приспособленьица, чьи крепкие зубы безжалостно кромсали волокна и сухожилия. Кэтрин мясорубка всегда напоминала африканского божка с квадратной головой и коротенькими ручками, а еще она походила на грубо вырезанных идолов со злобными лицами и агрессивно выпяченными грудями, которых Том привез из Африки. Когда он уехал, она заперла их в стенном шкафу, но теперь, на-

верное, придется достать, не то он обидится.

Накрывавший стол в гостиной Дигби задержался прочитать лист в печатной машинке.

«О моя дорогая, драгоценная любовь, — вздохнула она, кладя голову ему на плечо, — столько времени прошло». «Знаю… Так странны дни, которых больше нет. Желанные, как сладость поцелуев», — мягко отозвался он». «Неужели люди правда такое друг другу говорят?» — удивился Дигби. Учеба пока не оставляла времени на то, что он называл «амурными увлечениями». Либо они ничего не говорят, «растворяясь в его объятиях», как (предположил он) могла бы написать Кэтрин, либо возмущенно отталкивают обнимающего.

Вбежавшая в комнату Кэтрин выхватила из машинки лист.

— Не смотри! — воскликнула она. — Эта история не в твоем духе.

— Ты и Тому это скажешь, когда он вернется? В конце концов, не так уж много времени прошло — меньше двух лет. Когда ты его ждешь?

— На следующей неделе, по крайней мере тогда корабль причаливает. Возможно, сначала он навестит мать, ему это будет по дороге.

— Мы решили, что когда соберемся в экспедицию, то обязательно полетим, — сказал

Марк. — Тогда не будет опасности, что от нас потребуют переодеваться к обеду. Мы считаем это устаревшим обычаем, но, наверное, Тома так воспитали и ему трудно это стряхнуть.

— Но ведь смокинг он с собой в экспедицию не брал, правда? — шокированно спросил Дигби.

— Конечно нет. Том весьма успешно избавился от семейного воспитания. Например, выглядит он еще более потрепанным, чем вы двое, — добавила Кэтрин, не подразумевая ничего обидного.

— Полагаю, ты назвала бы его обедневшим молодым человеком из хорошей семьи, верно? — спросил Марк. — Я слышал, у семейства Моллоу большое поместье в Шропшире, которое теперь приходит в упадок. — В его голосе прозвучала нотка удовлетворения.

— Да, но это печально, — ответила Кэтрин. — Поместьем управляет его брат, и, думаю, его мать тоже очень много сил в него вкладывает.

— Ты знакома с его… э… родными? — спросил Дигби.

— Нет. Наверное, по правде, такого не следовало бы ожидать. И вообще Том ездит домой лишь изредка, из чувства долга. Понимаете, они думают, будто он сбился с пути. Для них стало большим разочарованием, что он занялся антропологией.

Он мог бы пойти служить в министерство по делам колоний. Тогда в семье его поняли бы, ведь один его дядя был губернатором где-то в Африке, в двадцатых. Но чтобы Том «отуземился», как они это называют… в общем, можете себе представить…

— Наверное, его отца это сломило, — самодовольно заметил Марк.

— Его отец давным-давно умер. Но с ними живет старый дядюшка. Не знаю, сломленный он человек или нет, и вообще про дядюшек такое обычно не говорят.

— Он дядя со стороны матери? — спросил Дигби.

— Кажется, да.

— Какая ирония, если учесть, что Том столько времени проводит за изучением роли брата матери в своем племени.

— Уж я-то точно ничего в этом не смыслю, — раздраженно отрезала Кэтрин и занялась сервировкой стола: поставила блюдо с тертым сыром и вазу с фруктами.

Она всегда завидовала, что у Тома есть семья, ведь у нее самой было лишь несколько кузенов, которых она давным-давно потеряла из виду. Если бы они с Томом поженились, она приобрела

бы мать, а еще брата и сестру. Сестра Тома была весьма внушительная женщина и «хорошо» вышла замуж. Кэтрин воображала ее в жемчугах и твиде: в хорошем качественном твиде, конечно, и в настоящих жемчугах, и со счетом в «Хэрродс». Еще у него были две тетушки в Лондоне: одна жила в Южном Кенсингтоне, а другая — в Белгравии, но, естественно, Кэтрин не повели к ним знакомиться. Вздохнув, она начала раскладывать ризотто.

— В чем дело, Кэтрин? — сочувственно спросил Дигби.

— Не знаю. Я просто подумала, что подобная жизнь была бы довольно приятной. У Тома когда-то дома была подружка, он, наверное, мог бы жениться на ней и зажить счастливо… своего рода деревенским сквайром. Ее звали — пожалуй, и сейчас зовут — Элейн, и она разводила золотых ретриверов. — Кэтрин хихикнула. — Смешно звучит, не знаю почему. Есть что-то жалкое и комичное в англичанках-собачницах, однако в действительности они, возможно, совсем другие.

— На вечеринке была девушка, которую мы могли бы прихватить с собой, — сказал Дигби. — Мы даже начали обсуждать, не повести ли ее куда-нибудь на ужин, но не успели решить, да

или нет, как она поспешно укатила на автобусе на какую-то дальнюю окраину.

— И вообще нам бы денег не хватило, — резко вмешался Марк.

— Жаль, что не привели, — отозвалась Кэтрин. — Мне бы хотелось познакомиться с кем-нибудь из ваших подружек.

— Никакая она нам не подружка, — сказал Дигби, — хотя мы подумали, что она довольно милая. Не слишком много болтала.

— На мой вкус, высоковата, — вмешался Марк.

— Да, если бы зашла речь о том, чтобы она клала голову кому-то на плечо, наверно, мне пришлось бы предложить свое, — сказал Дигби, ехидно глянув на Кэтрин. — Хотя плечо Тома подошло бы еще лучше.

3

— По всей лужайке ковры разложены, — прокомментировала Мейбл Свон. — Наверное, миссис Скиннер их выбивать собирается.

— Это следует делать по утрам, — отозвалась ее сестра Рода Уэллкам. — Мистер Лидгейт должен понимать, что он теперь не в африканских джунглях живет. Бог знает, не хочется быть узколобой занудой, но если все станут выбивать ковры по утрам, только подумай, сколько шуму будет!

— Пожалуй, как туземные барабаны, — мягко ответила Мейбл.

— Бедная миссис Скиннер, думаю, ей несладко приходится. Скорее всего мистер Лидгейт не позволяет ей прибираться, пока он дома. Думаю, теперь он ушел, и она сочла, что вот он, ее шанс.

«Почему бы Роде прямо не сказать, что она знает, что его нет дома?» — со вспышкой раздражения подумала Мейбл. После обеда она сама слышала, как хлопнула соседняя калитка, и знала, что сестра стояла у окна столовой. Она не могла не видеть, как он уходит. Какой смысл жить в предместье, если не можешь проявлять

здорового любопытства к собственным соседям?

— Скоро Дейдре вернется, — сказала Мейбл вслух. — Наверное, пора браться за ужин.

— Тебе помочь?

— Нет, нет, спасибо, я все спланировала.

Сестры сидели в спальне-гостиной Роды, откуда открывался прекрасный вид на задний садик соседского дома. Они часто так сидели между чаем и ужином удлиняющимися весенними вечерами, поскольку обе весь день проводили дома, а хозяйственные обязанности были не особенно утомительными. Вполне естественно, что холостой и, очевидно, эксцентричный Аларик Лидгейт казался им интереснее соседей по другую руку, супружеской пары с тремя маленькими детьми, чьи жизни следовали привычному уже распорядку, хотя некогда сестры находили их чудаковатыми. Мистер Лидгейт нечасто показывался в саду, но всегда оставалась надежда, что он появится, особенно когда потеплеет. Внешность его была весьма многообещающей: высокий и худой, он выглядел довольно болезненно; и действительно поговаривали, что он ушел со службы в колониях по состоянию здоровья и поселился здесь в предместье, где унаследовал дом одного родственника. Очевидно, он должен был вы-

полнять «легкую работу», что бы ни значило применительно к мужчинам это выражение, обычно ассоциируемое с женщинами высших слоев, которые не желают пачкать руки «тяжелой». Миссис Лидгейт не было и следа, зато имелась экономка миссис Скиннер, маленькая седенькая женщина с любопытно-возмущенным выражением лица, которая обычно носила крупные серьги с искусственным жемчугом.

Мейбл Свон спустилась вниз. Она была рада, что сестра не помогает ей с ужином, поскольку любила все делать по-своему, а Рода вечно предлагала другие способы, которые, следует признать, зачастую были эффективнее, но ведь это дом Мейбл, и нельзя же ожидать, что она изменится после того, как управлялась тут почти тридцать лет. Она неспешно возилась на кухне, — высокая рассеянная женщина чуть за пятьдесят, с длинным, бледным лицом и карими глазами, которые от нее унаследовала Дейдре. Хлопоча, она бормотала себе под нос:

— Большие ножи, малые ножи, ложки для пудинга, интересно, десертные вилки им тоже понадобятся? О, столовые вилки, ложки для накладывания, подставки, бокалы, так… по два, наверное, на случай если Дейдре и Малькольм

будут пиво, Рода скорее всего не будет… Теперь помыть салат…

Приятно, думала она, когда становится тепло, и салаты можно приберечь к ужину, хотя и не знала, почему именно это приятно. Мыть зеленые листья, потом резать все, что к ним прилагается, почти так же хлопотно, как готовить горячее, а сама она так и не преодолела старомодной неприязни к сырой зелени. Пока был жив муж, они всегда по вечерам — будь то зима или лето — ели горячее. После дня в Сити он нуждался в плотных блюдах. Теперь его нет, и Рода живет с ней вот уже почти десять лет, и все говорят, мол, как мило, что они есть друг у друга, хотя, разумеется, есть еще и дети. Малькольм — очень положительный молодой человек, совсем как отец, надежный и (хотя, конечно, она никогда вслух этого не говорила) немного скучный. Он как будто не против горячего по утрам. Но Дейдре другая — умная и переменчивая, пожалуй, как она сама в том возрасте, пока ее не заставил остепениться брак с добрым скучным человеком и жизнь в предместье.

— Мне накрыть на стол? — спросила, появляясь на пороге кухни, Рода.

— Ох, спасибо, было бы очень кстати. Я состав-

лю все на тележку.

— Ты забыла про блюдца, — невозмутимо заметила Рода, доставая четыре с сушилки.

— Разве? Ну, я еще не закончила сервировку. Только выставила кое-что для начала. Потом подумала, что лучше будет помыть салат.

Укатив тележку в столовую, Рода начала накрывать на стол. Ее раздражало то, как рассеянно и неделовито Мейбл возится на кухне. Иногда только невероятным усилием воли она заставляла себя не вмешиваться, но на этот счет было уже много чего сказано, когда Рода только переехала к Свонам. Впрочем, и у Роды хватало ума признать, что это дом Мейбл и надо позволить ей делать все так, как ей нравится. В конце концов, они так хорошо ладят. Обе любили приходские дела, бридж и радио по вечерам. И они были так похожи: обе высокие, с карими глазами. Трудно поверить, что Рода старшая, ведь она была более подтянутой и лучше одевалась, можно даже сказать, лучше сохранилась. Но опять же, она не была замужем и у нее не было двоих детей. Она всегда жила с полным комфортом, вела хозяйство для родителей, после их смерти недолгое время жила одна, а потом поселилась здесь, с Мейбл и детьми. В целом ситуация очень и очень удовле-

творительная, и Рода нисколько не завидовала более полной жизни сестры, ведь теперь, когда обеим перевалило за пятьдесят, между ними не было особой разницы. Возможно, ей и хотелось бы приобрести, как она это называла, «опыт брака» — туманное выражение, которое словно бы охватывало все те аспекты, о которых не принято говорить, но она предпочла бы кого-то непохожего на бедного Грегори Свона. Ее еще иногда смутно интересовали мужчины, как сейчас Аларик Лидгейт, но она сама едва ли могла сказать, чем именно. О браке она определенно больше не помышляла.

Каждый вечер можно было ждать возвращения Малькольма и Дейдре. После дня на работе они привозили (или им следовало бы привозить) уйму интересных мелких сплетен и сведений о том о сем, и если временами молодые люди казались замкнутыми и молчаливыми, совсем нетрудно было их расшевелить путем тактичных вопросов и ненавязчивого упорства.

Малькольм вошел, когда Рода накрывала на стол. Это был симпатичный молодой человек двадцати пяти лет с темно-русыми волосами и карими глазами — впрочем, ничего в его внешности взгляд не привлекло бы. Положив на стол

в коридоре котелок и аккуратный плоский портфель, он ушел в гардеробную помыть руки.

— Хороший был день? — окликнула его Рода.

— Неплохой, спасибо, — ответил он как всегда, а потом пошел прямо на кухню за обычным бокалом пива.

Выйдя в коридор, Рода забрала его вечернюю газету — аккуратно сложенная, она лежала поверх портфеля. Отвратительное убийство или череда убийств: тела женщин обнаружили не в самом лучшем районе Лондона, и Рода вместе с огромным числом мужчин и женщин всех профессий и слоев общества жаждала прочесть последние подробности. В коридоре было сумрачно, поскольку витражные окна по обеим сторонам двери пропускали мало света, но она все равно села и принялась жадно читать.

— Что-то Дейдре сегодня задерживается, — сказала Мейбл, проходя в столовую с салатником.

— М-м… да, — пробормотала Рода, переворачивая страницу. — Тут сказано, ощущался сильный запах, и немудрено.

— Поскольку едим просто салат, думаю, нам лучше начать без нее, — продолжала Мейбл. — Полагаю, она вот-вот будет.

Дейдре в этот момент сидела на верхней пло-

щадке автобуса, который очень медленно полз по предместью. Выпитые коктейли словно обострили ее восприятие, и она отрешенно смотрела по сторонам, точно была чужаком, впервые очутившимся в здешних краях. Но она еще недостаточно отрешилась, чтобы по достоинству оценить красоты пейзажа. Дома казались ей уродливыми, а ухоженные садики — традиционными, обыденными и неинтересными. Желтофиоли и тюльпаны были каждый год одни и те же, а лилии и «золотой дождь» как будто вообще способны расти только в настоящих сельских садах. Даже магнолии совсем не того сорта — без блестящих листьев и огромных кремовых цветков, какие видишь у георгианских домов в деревнях.

Выйдя из автобуса, она быстро пошла по своей улице. Живший напротив мистер Дулк подстригал газон, но она сделала вид, что его не заметила, и прошла мимо, втянув голову в плечи из страха перед веселым приветствием или любезным замечанием. Ближе к концу улицы дома становились все больше, и там же находилась церковь, современное строение красного кирпича с жилищем пастора ему под стать. Дом Свонов стоял чуть в стороне от дороги, и садик перед ним зарос деревьями и кустами. Сразу за калиткой растопы-

рился куст калины, — ребенком Дейдре любила зеленовато-белые шары соцветий, но теперь куст следовало бы подстричь, а в цветах, когда они появлялись, роилась тля. Ах, мое детство, мое наивное детство, подумала она, вспомнив недавно виденную пьесу Чехова. Посреди садовой дорожки лежала безголовая кукла, скорее всего оставленная тут кем-то из детей Лоувеллов, живших по соседству. Дейдре отпихнула ее ногой.

— Это ты, милая? — послышался голос матери, когда она толкнула входную дверь.

— Да. Надеюсь, вы не ждали с ужином?

— Нет, как раз собирались садиться.

В столовой Рода и Малькольм уже сидели за столом, рассматривая свои салаты.

— Я на ленч салат ела, — сказала Дейдре.

— Вот как, милая? Надеюсь, ты не против поесть его снова.

— Да что-то не хочется.

— Можешь съесть яйцо, — предложила тетка.

— Не буду я яйцо, — упрямо сказала Дейдре. — Хотелось бы чего-то другого.

Над столом повисло выжидательное молчание.

— Риса, масленого-премасленого и желтого от шафрана, с баклажанами, красным перцем и уй-

мой чеснока, — запальчиво продолжала Дейдре.

— Ну, милая, где-где, а тут такого точно ждать нечего, — с оттенком облегчения откликнулась мать.

— Ты как будто порозовела, сестричка, — шутливо сказал Малькольм. — Почти как если бы выпила.

— Три бокала хереса, — с вызовом отозвалась Дейдре. — Я занималась в новой библиотеке… мы ее «Фантазией Феликса» называем… и там была вечеринка.

— Наверное, ее устроили для антропологов. — Рода с некоторым усилием выговорила последнее слово.

— Да, их там была тьма.

— А тот, который тебе нравится… он там был? — спросила Мейбл.

— Тот, который мне нравится? — холодно переспросила Дейдре. — Ума не приложу, о ком ты. Никто из них мне особо не нравится.

— Я думала, был один, который одолжил тебе конспекты или еще что, — попыталась спасти ситуацию миссис Свон. — Уверена, ты что-то такое говорила.

— Один из них мог разок оказаться чуть повежливее остальных, но сомневаюсь, что от этого он

мне стал особо нравиться.

— Полагаю, рано или поздно подходящий появится, — с уверенностью произнесла тетка Рода.

Ей нравилось думать, что за ее племянницей ухаживают достойные молодые люди, впрочем, если судить по тому, что она о них слышала, сомнительно было, что антропологов можно считать «подходящими». Было что-то тревожащее в том, как они уезжали в Африку изучать туземцев. Она бы предпочла, чтобы Дейдре вышла за кого-нибудь из друзей Малькольма и благополучно устроилась в милом домике неподалеку.

— Ты должна как-нибудь приготовить нам рис, про который рассказывала, — быстро перевела разговор на другое Мейбл. — Рискну предположить, будет вкусно, и если мы в тот день не пойдем играть в бридж или встречаться с отцом Талливером, то и от чеснока беды не будет, верно, Рода?

Она повернулась к сестре, стараясь предотвратить дальнейшие замечания о том, как появится «тот самый». Старые девы понятия не имеют, как обращаться с молодежью, и даже матери довольно часто говорят невпопад.

— Ладно, куплю как-нибудь все, что нужно, в

Сохо, — вполне миролюбиво согласилась Дейдре.

— Ты случайно не в курсе, сестра мистера Лидгейта живет у мисс Кловис, не платя за квартиру? — спросила Рода.

— Откуда мне знать? Тебе лучше спросить у мистера Лидгейта, — откликнулась Дейдре. — Хотя представить себе не могу, чтобы мисс Кловис дала кому-то что-то за так.

— Странно, что она не живет с братом, — задумчиво продолжала Рода. — Дом, конечно, меньше нашего, но место точно нашлось бы.

Старшая из сестер еще строила догадки, когда Малькольм, покончив с ужином, встал из-за стола. Вечера он обычно проводил, возясь с машиной, или в местном клубе, где ради загадочных мужских целей собирались молодые люди округи. Дейдре это напоминало мужские ассоциации Африки, про которые она читала, готовясь к занятиям. Но назначением большинства африканских обществ было подавлять и держать в подчинении женщин, а здесь женщинам позволялось принадлежать к какой-нибудь секции клуба, и они почти считались одним из его «плюсов». Возможно, это они подавляли и держали в подчинении мужчин. Нет сомнения, что они брали их в плен — то есть в мужья, и Малькольм

недавно обручился с девушкой, с которой познакомился, когда играл в теннис. Дейдре едва не высказала свои мысли вслух, но тут же сообразила, что ни мать, ни тетка их глубины не оценят и сочтут, что она пытается быть «циничной», а цинизм в молодой девушке девятнадцати лет, у которой счастливый дом и вся жизнь впереди, они осуждали.

После ужина Дейдре предложила матери помочь с мытьем посуды.

— Нет, милая, не трудись, — отозвалась Мейбл. — Ты весь день работала, мы с Родой сами справимся.

— Ты всегда так говоришь, Мейбл, — напомнила ей Рода, когда они остались одни у раковины. — Что она станет делать, когда у нее будет собственный дом?

— Наверное, будет оставлять как есть, пока не кончится чистая посуда, — ответила Мейбл, которой самой иногда хотелось так поступить.

— Не могу спокойно сидеть и слушать радио, когда знаю, что посуду надо помыть, — сказала Рода. — Меня это и в самом деле мучает.

— Можно мучиться и из-за чего-то похуже, — откликнулась младшая сестра.

— Похуже?

— Да, из-за того, что в мире происходит, это поважнее посуды.

На мгновение лицо Роды посерьезнело. Она знала, что есть вещи похуже немытой посуды, а еще знала, что на самом деле сестра из-за них нисколько не мучается. Так же было и с книгами или радиопрограммами. Встречались книги, которые, как они считали, надо прочесть и которые иногда заносили в библиотечные списки, но обе втайне испытывали облегчение всякий раз, когда приходили за означенной книгой, а библиотекарь протягивала очередной роман. Ведь если по воле случая библиотекарь предъявила бы искомое серьезное политическое или литературно-критическое сочинение, для него никогда не нашлось бы подходящего времени, оно не подходило для уикенда, для каникул или для полуденных часов жарким летом или холодной зимой. И так получалось, что подобно многим благонамеренным людям они переживали не столько из-за ужасных событий, сколько из-за собственной неспособности из-за них переживать.

Закончив в кухне, они, как всегда, уселись у радиоприемника в гостиной, каждая с каким-нибудь шитьем или вязаньем.

— По третьей программе дискуссия о попрании

свобод, — сказала Рода, словно чтобы загладить вину, что мучается из-за таких банальных мелочей, как грязная посуда. — Возможно, это будет… — Умолкнув, она начала настраивать радио, поскольку собиралась сказать «интересно», но само слово показалось неуместным. — Кажется, уже началось, но, думаю, мы скоро разберемся, о чем речь.

Они уютно сидели в креслах, а на них лились потоки слов. Мужской голос с феноменальной скоростью говорил про столы и про то, почему они не поднимаются в воздух.

— Надеюсь, это та программа, — с сомнением протянула Рода. — У него, наверное, в горле пересохло. Так быстро говорить, да еще почти час. Или у него под рукой стакан воды есть.

— Это запись, — сказала, сверяясь с программой передач, Мейбл. — Может, ее поставили на слишком большой скорости?

Они еще немного послушали, а потом Мейбл осторожно сказала:

— Жаль было бы пропустить начало пьесы.

Без единого слова сестра покрутила настройку.

— Малькольм с Дейдре тут что-нибудь поняли бы, а нам и надеяться нечего.

Было в этом высказывании сестры своего рода

трагическое достоинство. Какое отношение к свободе имеют столы, беспомощно думала Рода. Однако они не вольны подниматься в воздух по собственному желанию, поэтому какая-то связь, вероятно, существует.

Вскоре их захватила пьеса, поскольку была про людей, похожих на них самих, — адаптация известной и успешной театральной постановки. Некоторое время спустя сестры сообразили, что уже слышали ее раньше, но ни одна не могла вспомнить, чем же дело закончилось. Поэтому жизнь как будто шла по кругу, и в воздухе носились столы.

У себя в комнате, находившейся как раз над гостиной, Дейдре слышала гудение радиоголосов, что мешало ей сосредоточиться на учебнике антропологии, который она пыталась читать.

— Ритуальное чудовище, называемое мбусиа, — серьезным голосом прочла она вслух.

Чтение давалось ей тяжело, поэтому нельзя было отвлекаться ни на минуту, и так не по себе от того, что все время хочется отвлечься. Она часто недоумевала, почему атмосфера ее собственной комнаты гораздо меньше способствует учебе, чем атмосфера библиотеки. Возможно, из-за кровати, которая никак не желала быть

диваном и даже надеяться не могла выглядеть чем-то иным, нежели кроватью, даже если ее замаскировать покрывалом в этническом стиле и завалить подушками. Дейдре давно собиралась попросить Малькольма отпилить изголовье и изножье, но брат обычно, если не уходил в клуб, бывал занят собственными мелкими делами. В комнате имелась полка с книгами, а картинки по стенам отражали то, как менялись вкусы Дейдре, пока из подростка она превращалась в молодую женщину: над широким устьем реки летел дикий селезень, как будто совершенно не замечая натюрморт Брака по соседству. Большая часть мебели была выкрашена в бирюзово-голубой — в шестнадцать лет ей хотелось необычных цветов, но гардины и ковер выцвели настолько, что цвет мог быть любым. Повзрослев, Дейдре утратила интерес к комнате, и ей было безразлично, как она выглядит, поскольку в чем-то она своего предназначения не выполнила. Домашние задания, которые тут следовало сделать, стихи, которые следовало написать, даже маленькие вечеринки, которые следовало устроить, — все они своего не исполнили, не принесли удовлетворения. Сидя за придвинутым к окну письменным столом, на котором лежала открытая книга, Дейдре сознавала

лишь звучание радио внизу и то, что мистер Дулк наблюдает за ней из своего сада напротив. Или если не наблюдает, то стоит там, и ей слышно, как щелкают ножницы. Он когда-нибудь ужинать уйдет? Давно ведь пора выйти миссис Дулк и позвать его в дом… Подняв глаза от книги, Дейдре встретилась со стариком взглядом. Он ей помахал — почти залихватским жестом. Мистер Дулк знал ее с детства, ведь он был одним из самых давних обитателей предместья. Он никогда не уставал рассказывать всем и вся, что больше сорока лет жил в этом самом доме: он сам и миссис Дулк, и двое его сыновей, и три дочери, теперь все они выросли и завели собственные семьи. Он помнил времена, когда предместье было всего лишь поселком, а от его дома простирались поля. Потом стали строиться другие дома, и наконец церковь и дом священника. Дейдре не могла отделаться от мысли, что в месте, которое разрослось на памяти живых его обитателей, есть нечто унылое. Ей бы хотелось жить в сердце Лондона или далеко в провинции. Не может быть ни достоинства, ни красоты, ни даже интересных трущоб в кварталах, от которых девять пенсов на автобусе до Пикадилли-серкус, не больше и не меньше.

Наконец в садике напротив появилась миссис

Дулк в цветастом халате, чтобы позвать мужа ужинать. Обычно это было какое-нибудь простое блюдо — яичница-болтунья или макароны с сыром, — объясняла всем, готовым слушать, миссис Дулк: дескать, Эдгар любит хорошо покушать в середине дня, а по вечерам тяжелой пищи не переносит.

Дейдре закрыла учебник, предусмотрительно заложив страницу, поскольку книга была не из тех, какие берут запросто и тут же вспоминают, докуда дочитали, и спустилась в гостиную. Пьеса закончилась, и Рода как раз заварила чай. Было что-то успокаивающее в этой сцене: мать и тетка шьют и вяжут в приятной, отделанной ситцем комнате, загроможденной безделушками и фотографиями, на дубовом столике — серебряный чайный поднос и жестянка для пряников в веселую шотландскую клетку. Дейдре почувствовала себя утешенной, даже не осознав, что нуждается в утешении.

Внезапно с улицы пронесся приглушенный стук. Как рубка деревьев в «Вишневом саду», подумала Дейдре, вот только для топора звук недостаточно резкий.

— Неужели миссис Скиннер сейчас ковры выбивает? — вырвалось у Роды. — Она, верно, с ума

сошла!

— Возможно, это сам мистер Лидгейт, — предположила ее сестра. — Он порой, знаешь ли, довольно странный.

Наверное, дело в том, что он так долго жил в Африке, размышляла позднее Рода, стоя в темноте у незанавешенного окна своей комнаты и глядя в соседский сад. Она едва-едва различала силуэт соседа в каком-то длинном балахоне. Будь он лицом духовным, она бы предположила, что это сутана, а так ей пришлось прийти к довольно шокирующему выводу, что это халат. Сосед расхаживал по лужайке, собирая лежавшие на траве коврики. Когда он вернулся в дом, она задернула занавески, зажгла свет и начала готовиться принимать ванну. Готовилась она медленно и деловито, следуя давно и тщательно выработанному ритуалу. Ванну после себя она оставляла такой, какой хотела бы ее застать, всегда складывая полотенца свои и всех остальных так, как ей было приятно. Ее немного беспокоило, что Малькольм еще не вернулся, поскольку он нарушит симметрию развешанных полотенец и наплещет воды на пол, как свойственно мужчинам, когда они принимают ванну. Однако если он вернется очень поздно, то всегда есть и другой

выход: просто не принимать ванну.

Перед тем как вернуться в свою комнату, Рода тихонько спустилась посмотреть, удовлетворительно ли сестра накрыла к завтраку. Мейбл очень постаралась, но одного-двух предметов не хватало: ложечки для мармелада и подставок под кофе. Исправив эти упущения, Рода тихонько поднялась к себе.

«И зачем она так крадется?» — недоумевала Мейбл, лежа в постели и прислушиваясь к осторожным шагам Роды. Потом она услышала, как поворачивается в двери ключ Малькольма, и, расслабившись, заснула.

Малькольм тоже прокрался тихонько. Ни резкие хриплые голоса, ни пьяные крики не нарушали покой предместья, где от случайного уханья совы могло показаться, будто ты за городом. Луна светила в витражное окно на лестничной площадке, когда Малькольм, сняв обувь, начал взбираться по лестнице.

4

Дейдре разбудили звуки органной музыки и распевающие гимн голоса. Поначалу она решила, что все еще видит сон, но потом сообразила, что скорее всего сегодня день какого-нибудь святого или еще какой церковный праздник, и отец Талливер, наверное, служит раннюю мессу с певчими. Ей было чуточку не по себе, что совсем близко от ее кровати церковь, да еще такие «высокие» гимны, — певчие зачастую не вытягивали верхние ноты. Разумеется, голоса были преимущественно женские.

— Очень надеюсь, что у преподобного будет плотный завтрак, — заметила, садясь за свой, Мейбл Свон. — Что-нибудь горячее, надо думать, даже овсянки едва ли достаточно.

— Даже смешно, что ты на это надеешься, мама, — сказал, поднимая глаза от газеты, Малькольм.

— Ну, дорогой, ему полагается плотный завтрак после такой ранней службы.

— А я думаю, мне тоже что-нибудь горячее полагается, — заявила Рода, входя в пальто и шляпе.

— Неужели ты уже была в церкви? А я и не знала, что там сегодня служба.

Мейбл явно была уязвлена, поскольку в том, что касалось посещения церкви, между сестрами существовала изрядная доля соперничества, да и отец Талливер был настолько «выше» предыдущего священника, что иногда трудно было за ним угнаться.

— Разве сегодня церковный праздник? — спросила она чуточку смущенно, поскольку новые выражения еще нелегко ей давались.

— Не просто церковный, а праздник ревностных, — откликнулась, не удержавшись от толики самодовольства, Рода.

— Ну надо же! — еще пуще разобиделась Мейбл. — Надо полагать, чай ты перед службой не пила?

— Не успела, — ответила Рода, но и она вспомнила службы старой «низкой» церкви их детства, когда для тех, кто шел на службу пораньше, выставляли поднос с чаем и тонкими ломтиками хлеба с маслом. — Пожарю-ка я себе яичницу, — возвестила она.

Она слегка надулась, точно это сестра должна была предложить ей яичницу, но Мейбл, уязвленная тем, что сочла хитрой уловку Роды,

осталась на месте, упорно продолжая читать «Дейли график».

Закончив завтрак, Малькольм и Дейдре собрались уходить. Малькольм всегда ездил в Сити подземкой, но Дейдре предпочитала автобус, хотя тот шел намного медленнее. Она сидела в полудреме, с раскрытым учебником по антропологии на коленях, сознавая, какое прекрасное сегодня утро, но не думая ни о чем конкретном. Она испытывала смутную тоску, слабое ощущение недовольства, но в этом не было ничего необычного. Она хотела быть красивее, умнее, иметь собственную квартиру, а еще не помешало бы влюбиться. Она вспомнила, что сегодня вечером идет в театр с другом Малькольма, которому, пожалуй, нравится на скучный манер, но такая перспектива не вызывала у нее особой радости. Бернард Спринджа был из тех молодых людей, которых мать с теткой считали «подходящими», а одного этого было достаточно, чтобы очернить его в глазах Дейдре. С другой стороны, представится подходящая возможность надеть новое платье с открытыми плечами и без бретелек.

У школы антропологии, а точнее, на углу здания, где она располагалась (две-три комнаты — вот и все, что могли допустить власти колле-

джа для изучения этого нового и рискованного предмета), она нагнала двух студенток-третьекурсниц, Ванессу Ивс и Примроуз Катбаш, которые собирались на семинар. Эта варварская церемония, возможно, отголосок тех дней, когда христиан бросали на съедение львам, устраивалась каждую неделю. Кто-нибудь готовил и зачитывал доклад на заданную тему, после чего все с величайшим удовольствием рвали и его, и автора на части и вносили собственную лепту, излагая свою точку зрения на различные предметы, не всегда относящиеся к делу.

Дейдре с легким восхищением прислушивалась к разговору девушек. Примроуз, высокая белокурая амазонка, обладала ясными и громко выражаемыми политическими взглядами, а темненькая и томная Ванесса обычно терзалась из-за того или иного любовного романа. Из услышанного выходило, что сегодня у нее похмелье, а ей предстояло читать доклад на семинаре.

— Я сегодня вся на нервах, — стонала она, — мне кажется, я такая хрупкая, точно из венецианского стекла, рассыплюсь, только дохни.

— Если ты действительно доклад не закончила, пощады от Фэрфекса не жди, — бесцеремонно отрезала Примроуз.

— Знаю… Но подумай, какая изощренная пытка! Едкий сарказм тона, который он с нами берет… Как по-твоему, он его заранее репетирует? Интересно, на нем будет костюм из грубого твида… Так мужественно, да?

— Ума не приложу, что ты нашла в профессоре Фэрфексе, — благоразумно отозвалась Примроуз. — Он даже внешне некрасивый.

— Знаю, благослови его, Боже, — пробормотала Ванесса глупо влюбленным тоном, — но уроды бывают так отчаянно привлекательны, помяни мое слово.

Дейдре пренебрежительно скривилась. Она-то считала, что так манерно разговаривают только студентки Оксфорда, но тут же вспомнила, что Ванесса живет в Кенсингтоне, а оттуда чего угодно можно ожидать. Она уселась за работу в темной, наводящей тоску комнате, где на полках вдоль стен стояло множество потрепанных книг и повсюду были развешаны траченные молью африканские маски, попавшие сюда с целью вдохновлять студентов в учебе или потому, что все музеи от них отказались. Тут даже имелся скелетик какого-то зверька, реликт тех дней, когда помещением пользовался факультет зоологии.

Утро набирало ход, и к Дейдре понемногу при-

соединялись другие, поскольку помещение не только служило свалкой для ненужных антропологических образчиков, но также считалось ничейной землей, где выпускники прошлых лет, которые не знали, куда податься со своей работой, могли притулиться обрабатывать полевые заметки. Один-два стола всегда были завалены бумагами, и эти столы время от времени спешно захватывали как раз такие захудалые иждивенцы. Жили они обычно в самых нищих кварталах Лондона или на невероятно далеких окраинах на гранты, которых всегда прискорбнейшим образом не хватало. Их творческие порывы вечно душили бедность и семейные проблемы. Потребовалось бы перо Достоевского, чтобы воздать должное их жалкой жизни, зато сами они были высокообразованными людьми и часто собирались в этой комнате или в пабе по соседству, чтобы поговорить о своих неврозах и психологических проблемах, которые мешают им оформить собранный материал в диссертацию. Кое-кому из них посчастливилось завоевать любовь преданной женщины — такой, кто может однажды стать женой, но, будучи брошенной, примет свою участь с веселой миной и без горечи. Такие женщины рано узнают, что значит нести груз

любви, терпеливо выслушивать проблемы своих мужчин и всегда быть наготове с пишущими машинками, на случай если рукопись или хотя бы короткая статья дойдет до стадии написания.

В описываемое утро один бледный, несчастный с виду молодой человек бормотал на странном языке в диктофон, а другой с четверть часа яростно стучал на машинке, потом вырвал лист, смял и бросил на пол, после чего выбежал из комнаты, удрученно прижимая руку ко лбу. Никто не обращал внимания на Дейдре, но она поймала себя на том, что ей трудно сосредоточиться, и обрадовалась, когда подошло время ленча. Она как раз собирала свои книги, когда дверь открылась и вошел очередной молодой человек. Этот был приблизительно в возрасте отчаявшихся — двадцати восьми или девяти лет, — но Дейдре не припоминала, что видела его раньше. Он был высоким и смуглым, с тонкими аристократичными чертами и яркими серыми глазами, — так во всяком случае Дейдре всегда его потом описывала. Возможно, в то время она заметила только поношенный плащ, потертый портфель и тот факт, что он стоял над ней довольно пугающе, точно ожидал радостного приема.

— Полагаю, мы незнакомы, — сказал он нако-

нец, улыбнувшись ей. — Меня не было почти два года, и я чувствую себя Рипом ван Винклем[5].

Дейдре была несказанно поражена, что молодой человек удостоил ее своим вниманием, и даже не нашлась, что сказать. Впрочем, и в лучшие времена она слишком стеснялась, чтобы легко выдать остроумный ответ.

— Думаю, большинство на семинаре, — выдавила она.

— Ну, конечно! Пятничный семинар! С тем же успехом можно вернуться в Судный день, думая, что застанешь мир прежним, правда, все мы этим грешим. Кстати, я Том Моллоу.

Он начал расхаживать по комнате, снимая с полок книги и отпуская на их счет уничижительные замечания, словно не мог решить, уйти или остаться.

— А вас как зовут? — спросил он.

— Дейдре Свон, — промямлила она, думая, какое дурацкое ей досталось имя.

— Дейдре — дочь печалей[6], — сказал он, и

---

[5] Примечания: 5

Рип ван Винкль — персонаж одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга, двадцать лет проспавший в горах.

[6] Примечания: 6

«Дейдре — дочь печалей» — пьеса ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга (1871–1909).

почему-то она не обиделась на бородатую шутку. — И вид у тебя довольно грустный, когда сидишь тут совсем одна. Пойдем выпьем?

— О… спасибо… с удовольствием…

Она пробормотала первое, что пришло в голову, поскольку не привыкла пить вообще и посреди дня в особенности. Она надеялась, что не производит впечатление дурочки, слишком уж жаждущей с ним пойти. Однокурсники никогда не приглашали ее с ними выпить, хотя на курсе имелась пара девушек, за которыми ухлестывали, считая их «выгодным вложеньицем», что бы ни подразумевала такая довольно зловещая формулировка.

— Я всегда считал, что тоскливо пить одному.

Значит, подумала она про себя, он все равно собирался пойти выпить. Ну, разумеется, собирался. Он рассчитывал застать тут толпу знакомых. Пожалуй, стоит считать комплиментом в ее адрес, что он не стал дожидаться их с семинара. Правда, возможно, ему так надо выпить, что сил нет терпеть.

— А я никогда и не пробовала пить одна, — сказала она.

От самой мысли ей захотелось рассмеяться. Она вообразила, как сидит дома у себя в комнате

с бутылкой джина, а мама или тетка кричат: «Ты чем занята, милая?» Или мистер Дулк наблюдает за ней из сада.

А Том улыбнулся ей и сказал:

— Да уж, полагаю, ты слишком юна, чтобы вообще научиться пить.

— Мне девятнадцать, — довольно холодно возразила она.

— Да, целых девятнадцать! — передразнил он на ходу. — Ага, вот сюда, кажется, принято ходить, или предпочитаешь другую забегаловку?

Они остановились возле одного из многих в окрестностях школы антропологии пабов. Дейдре не знала, «обычная» это забегаловка или нет. Для нее все пабы походили один на другой, отличие заключалось лишь в том, что одни выглядели старыми и уютными, а другие, вроде того что у реки возле дома, новенькими и сверкающими. Этот был уютной разновидности, с круглыми столами и потертыми банкетками, набитыми конским волосом. Внутри было людно: сплошь, как показалось Дейдре, «бизнесмены», которые чересчур громко смеялись над шуткой, которую, вероятно, отпустила обслуживавшая их толстая немолодая женщина. Хотя, наверное, не обязательно нужна шутка, чтобы заставить мужчин

громко смеяться в пабе.

— Нам придется пить пиво, — извиняясь, сказал Том. — Надеюсь, ты не против.

— Прекрасно, — отозвалась она, храбро делая большой глоток тепловатого горького. — Я его просто обожаю.

Повисло молчание, и Том спросил себя, почему пригласил эту странную девушку, а не подождал, когда выйдут с семинара Марк и Дигби или кто-нибудь еще из знакомых. Он оставил Кэтрин дописывать рассказ, ей как будто было не до него, а ему было разом приятно и лестно, что рядом с ним Дейдре, что на него устремлены ее огромные карие глаза, и лишь изредка ее заинтересованный или сочувственный шепоток прерывает его рассказ о самом себе и о своей работе. Тому никогда не приходилось прилагать особых усилий, чтобы расположить к себе женщин, которые проникались к нему естественной и немедленной приязнью, поэтому он не потрудился показаться Дейдре интересным или расспросить девушку о ее жизни.

Любовь с первого взгляда редко бывает взаимной, хотя и может казаться таковой, когда о ней вспоминают или обсуждают потом. Том, разумеется, видел в Дейдре всего лишь сносную

слушательницу, но для нее дело обстояло совсем иначе. Она испытала прилив счастья, такого, что могла бы вечно слушать его голос, вещавший о хитросплетениях сегментации родства. Отсвет этого счастья, вероятно, отразился у нее на лице, потому что, когда она повернулась к нему с улыбкой и отрешенным мечтательным взглядом, он улыбнулся в ответ, сказал, что, наверное, ей наскучил, и пошел еще за пивом.

За вторым горьким они рассматривали сделанные им фотографии. Темнокожие фигуры в белых балахонах, набедренных повязках или вообще без ничего были запечатлены за теми или иными делами — по большей части подсмотренными издалека. Иногда, разнообразия ради, встречался крупный план грозной фигуры в маске и одеянии из листьев или красивой девушки, голой по пояс, но с множеством бус, — на эти Дейдре смотрела из чувства долга, однако с некоторой неловкостью, не зная, как лучше реагировать. На последнем снимке сам Том стоял у хижины с остроконечной крышей из пальмовых листьев.

— Думаю, эта мне нравится больше всего, — робко произнесла она, надеясь, что он подарит ей снимок, но он просто рассмеялся и со словами, что самым дурным вкусом считается показывать

свое фото в полевых условиях, убрал снимки в папку.

Глянув на часы, Дейдре с изумлением обнаружила, что уже больше двух.

— Мне надо идти, — сказала она. — Я обещала маме вернуться сегодня пораньше.

— Тогда, надеюсь, она не будет волноваться. Матери, как мне кажется, к этому склонны.

«Неужели у него тоже есть мать?» — с восхищением подумала Дейдре.

— А твоя мама за тебя волнуется? — спросила она, расхрабрившись от горького.

— Очень даже. Купила себе книгу о тропических болезнях и провела несколько отвратительных часов, читая обо всем, что я мог бы подхватить. Надеюсь, ты не слишком проголодалась, — продолжал он, когда они уже шли по улице. — Следовало бы купить тебе сандвич, но сам я поел раньше, поэтому, боюсь, забыл.

Дейдре спросила себя, что же такого он мог есть. Ранний ленч казался маловероятным, поэтому, наверное, это был очень поздний завтрак? Над этим она могла поразмышлять в автобусе по пути домой, вспоминая все восхитительные минуты и его дружеское, пусть и небрежное «Увидимся как-нибудь». «Когда?» — хотелось спросить ей, она

ведь думала, как ей вынести вечер с Бернардом Спринджем и все последующие дни, омраченные неопределенностью, состоится ли эта новая встреча.

Мало найдется испытаний для женщины более тягостных и мучительных, чем вечер, проведенный в обществе одного мужчины, когда она тоскует по другому, и тем вечером скучность Бернарда выкристаллизовалась так, что превратилась почти в физическую муку, подобную той, когда сверло дантиста касается чувствительного зуба. Однако Бернард был высок, хорошо одет и выглядел лучше Тома Моллоу, а его остроты и реплики, если их проанализировать, были, пожалуй, поинтереснее, чем у Тома. Он повел Дейдре на пьесу, которую она хотела посмотреть, а после накормил вкусным ужином. Более того — у него была машина, а это означало, что поездка домой в предместье будет комфортной и не придется нервничать из-за последнего автобуса или утомительной толчеи в душной подземке.

Выпитое за ужином вино повергло Дейдре в молчаливую задумчивость, и довольно долго они ехали молча. Она старалась вообразить себе, каким был бы вечер, проведенный с Томом. Конечно, денег у него нет, поэтому они бы пошли

поесть в какую-нибудь дешевую забегаловку или, возможно, просто сидели бы в пабе, пили пиво и говорили о его работе. Сегментация родства, дробление и приращения, думала она в отчаянии и без тени юмора.

— О чем задумалась? — мягко спросил Бернард.

Они могли бы вместе поехать на верхней площадке автобуса, но, разумеется, она пока не знает, где он живет. Может, кто-нибудь в колледже знает… Неужели она не сумеет как-нибудь перевести разговор на Тома Моллоу, при этом себя не выдав?

— Ты и впрямь витаешь в облаках, — не унимался Бернард. — Такое ощущение, будто ты за много миль отсюда.

— Ах, извини. Я думала про пьесу. Такая печальная.

— Остановимся на минутку посмотреть на реку? — предложил он с дрожью в голосе.

— Ладно, — безразлично согласилась Дейдре.

Тем, кто не жил в этих местах, ночной вид реки казался восхитительным, но для нее берег был просто местом, где мистер Дулк и мистер Лоувелл выгуливали собак, а молодые люди из клуба — своих девушек. Выглянув в окно, она и

теперь увидела мистера Лоувелла, который шел, пожалуй, слишком быстро для своего Снежка — старого терьера, пытавшегося то ли вприпрыжку, то ли враскачку, как маленькая лошадка-качалка, бегом угнаться за хозяином.

— Ты ничем не расстроена, милая? — спросил Бернард.

— Нет, нет, прости, просто разговаривать не хочется, — ответила Дейдре.

Она терпеть не могла, когда ее называют «милая», и к тому же рука Бернарда заползла ей на плечи, а пальцы пробирались гораздо дальше, чем хотелось бы. Но внезапно они остановились, и их прикосновение исчезло так быстро, точно шалуны встретили гремучую змею или скорпиона. Наверное, Бернард наткнулся на косточку в корсаже платья, который придавал лифу без бретелек такую странную форму. Вот уж где он никак не ожидал найти кость, подумала она, давясь смехом.

— На самом деле формы у меня совсем не пышные, знаешь ли, — внезапно сказала она игриво. — Наверное, на ощупь как скелетик цыпленка. Такая неожиданность!

Бернард, вероятно, несколько смутился, поскольку не нашел ответа, поэтому она продолжа-

ла с той же несвойственной ей веселостью:

— Цыплячий скелетик, полый, как купол собора! Возвышенно, правда?

— Какие странные вещи приходят тебе в голову! — почтительно сказал он. — Наверное, надо отвезти тебя домой, уже за полночь.

За полночь — значит, уже завтра! И она, возможно, увидит Тома. С сияющими глазами Дейдре повернулась к Бернарду поблагодарить за прекрасный вечер. Испытав огромное облегчение, поскольку ее странные слова его встревожили, он ее поцеловал, а она не протестовала, что делала довольно часто. Забавная девчонка, так он в целом ее про себя характеризовал. В следующий раз они пойдут смотреть мюзикл по его выбору, а не мрачные пьесы с проблемами, которые предпочитает она.

— Смотри, свет по соседству горит, — удивилась она, когда они подъезжали к ее дому. — Интересно, что делает мистер Лидгейт?

— Решил пропустить рюмочку на сон грядущий? — предположил Бернард, поскольку мало что знал про чиновников из колониальной администрации, и его представления о том, чем они могут заниматься, были прискорбно ограниченными и традиционными.

— О нет, он совершает какой-то жуткий ритуал, чтобы умилостивить своих предков, — бурно возразила Дейдре.

— Господи помилуй! Ты это видела? — Бернард указал на освещенное окно, в котором возник гротескный силуэт, задержался на минуту, потом скрылся снова.

— Похоже, на нем африканская маска, — сказала Дейдре. — Странно расхаживать в ней в такое время суток — соседи скорее всего будут жаловаться.

Попрощавшись с Бернардом, она тихонько прокралась вверх по лестнице, но и мать и тетка еще не заснули, и мать, как обычно, окликнула: «Это ты, милая?»

Подтвердив, что это действительно она, Дейдре ушла к себе и покрутилась перед зеркалом, чтобы со всех ракурсов рассмотреть себя в платье с лифом на косточках. Потом она сняла платье, небрежно бросила его на спинку стула и, как была, в нижней юбке опустилась на колени у книжного шкафа. Ей вспомнились строчки, любимые школьницами разных возрастов и применяемые ко всем мыслимым разновидностям любви — четвертый сонет Данте Габриэля Россетти «Взгляд любви», который начинался словами

«Как вижу я тебя, тобой любимый?».

Перечитав сонет, она стала готовиться ко сну. «Политические системы Африки», ее нынешняя постельная книга, той ночью осталась неоткрытой.

5

Уродливые часы черного мрамора на каминной полке в кабинете Аларика Лидгейта пробили час. Часы принадлежали еще его отцу, подарок от коллег из миссии. Более сорока лет они исправно показывали время, не отставали и не забегали вперед в ужаснейших условиях, например, когда их трясли по ухабистым дорогам сгибающиеся под тяжкой ношей носильщики, и потом, уже после того как их унаследовал Аларик, прилежно тикали в жарких и влажных днях и ночах Африки.

Можно было бы предположить, что при мысли об Африке лицо Аларика Лидгейта смягчилось, — если бы его было видно, но оно скрывалось под маской из красных бобов и пальмового волокна, которая придавала ему пугающий вид, так удививший Бернарда и Дейдре. Он часто сидел по вечерам, отгородившись от мира за душной темнотой маски: так он словно бы возвращался в свой построенный туземцами дом и слушал, как за стенами падает дождь. Ему часто думалось, как хорошо бы было, если бы у людей старше опреде-

ленного возраста вошло в обычай носить маски или головы животных. Каким привольным стало бы общение, если бы лицо не обязано было принимать то или иное выражение — натужную заинтересованность, наигранные удивление или радость, встревоженное сочувствие, — которого на самом деле не испытываешь. В разговоре Аларик часто избегал встречаться с людьми глазами из страха перед тем, что может в них увидеть: какую личину или маску ни натягивай, жизнь все равно ужасна, и только глаза очень молодых или очень старых и мудрых могут смотреть на мир с безмятежной ясностью.

Аларик Лидгейт считал себя неудачником. По состоянию здоровья он уволился со службы в колониях, где не получил повышения, которое считал заслуженным. Он ничего не достиг на поприще антропологии или лингвистики, и даже сундуки и ящики неразобранных заметок на чердаке служили ему постоянным упреком. Еще он считал, что большинство знакомых его недолюбливает за то, что он не умеет вести бессодержательные вежливые разговоры, не способен даже выдавить пустые, неискренние банальности, которые помогают сглаживать углы повседневной жизни.

Однако в одной области Аларик добился приятной, пусть и ограниченной славы. Он приобрел известность как автор саркастических рецензий и сегодня ночью как раз заканчивал такую для одного научного журнала. Его жестокое обращение с авторами, возможно, объяснялось тем, что сам он оказался неспособен произвести на свет оригинальное сочинение. Какое-то время он расхаживал по комнате, даже постоял перед окном в поисках свежего вдохновения, но теперь отбросил маску и вернулся за стол.

«Жаль, — написал он, — что автор не потрудился ознакомиться с элементарными фактами, лежащими в основе структуры общества этого народа. Тогда он не насажал бы ляпов вроде «глава клана» (тогда как на самом деле никаких кланов не существует), «роль, какую играет брат матери в переговорах о заключении брака» (тогда как главную роль в них играет брат отца)…». Он поискал на страницах книги новых ляпов, раззадоренный мыслью, что «эти антропологи» (мысленно он заключил слово в жирные презрительные кавычки) считают, что могут за три недели изучить племя, когда тогда как одиннадцать лет его собственных жизни и работы там породили всего лишь несколько статей по таким

незначительным аспектам местной культуры, как начиненные пряностями полые тыковки и железные предметы неведомого назначения.

В своих поисках он наткнулся на неверно транскрибированное туземное слово. Его перо набирало обороты. «Жаль, — написал он, — что гранки не прочел кто-нибудь, обладающий хотя бы зачаточным знанием языка, дабы можно было избежать постоянных орфографических ошибок в терминах повседневного обихода».

В разгромных рецензиях рецензенту положено иногда под конец смягчиться, бросить автору крохи утешения, но это было не в духе Аларика Лидгейта. Его последний абзац стал не менее суровым. «Жаль, — написал он, — что такое уважаемое учреждение допустило под своей эгидой публикацию подобной работы. Его репутацию, безусловно, не упрочит ненаучный мусор подобного толка, и едва ли оно обрадуется, узнав, что его фонды, как известно, ограниченные, были растрачены попусту».

Он провел на листе жирную черту, сложил страницы и убрал в конверт. Через день или два редактор журнала, мягкий, терпеливый человек, сядет выправлять стиль и чуть сбавлять тон. «Жаль, — произнесет он мысленно, — что три

подряд абзаца начинаются со слова “Жаль”». Он, возможно, вспомнит, что Аларику Лидгейту означенное уважаемое учреждение, чьи фонды были растрачены попусту, некогда отказало в гранте. Возможно даже, он пойдет дальше и спросит себя, можно ли растратить фонды попусту и вообще можно ли их растратить на какую-то цель. И, несомненно, как редактор он не испытает того радостного подъема, какой ощутил по окончании рецензии Аларик Лидгейт.

Вскочив, Аларик бегом бросился из комнаты. Его экономка миссис Скиннер, всегда спавшая чутко, проснулась и зажгла бра. Потом она сообразила, что это всего лишь мистер Лидгейт поднимается на чердак, и хотя довольно странно ходить туда среди ночи, она уже достаточно к нему привыкла, а потому приготовилась заснуть снова.

Толкнув дверь, Аларик зажег свет. Чердак был заставлен огромными ящиками из-под чая, набитыми масками, керамикой и прочими сувенирами его жизни в Африке. Стояло тут и несколько черных жестяных сундуков и деревянных ящиков с его тропическим инвентарем и скопившимися за одиннадцать лет заметками. Он подергал замок одного жестяного сундука.

Заржавевший замок остался у него в руке. Петли тоже проела ржавчина, и поднять крышку было совсем просто. От гор блокнотов и разрозненных страниц внутри исходит затхлый запах. Взяв стопку листов, Аларик увидел, что уголки у них раскрошились и обгрызены. Мыши или белые муравьи оказались усерднее его. Когда-нибудь, подумал он, найму кого-нибудь все это перепечатать, и тогда материалы удастся хоть как-то упорядочить. Но сейчас уже почти два часа ночи. Радостный подъем, какой он испытал, закончив рецензию, уступил место огромной усталости. Опечаленный, он пошел в кровать и, хотя на то не было причины, поставил будильник на шесть утра.

— Знаешь, — сказала следующим утром за завтраком Рода, — такое ощущение, что сегодня утром у мистера Лидгейта звонил будильник. Часов в шесть, наверное. Я уже какое-то время как проснулась.

— Хорошо провела с Бернардом вечер, милая? — спросила у дочери Мейбл.

— Неплохо. Он довольно скучный тип, но пьеса мне понравилась.

— Очень рада это слышать, — отозвалась мать, — хотя мне в твоем возрасте было бы нелов-

ко смотреть такого рода пьесу с мужчиной. Не слишком-то приятно звучит. Но, возможно, даже к лучшему, я про то, что вообще можно смотреть такие пьесы.

«Но к лучшему ли?» — задумалась она, не в силах ответить на собственный вопрос. Люди сейчас не стали ни лучше, ни счастливее, чем были, да и отношения между мужчинами и женщинами не приносили большего, чем тогда, удовлетворения. Разумеется, в начале двадцатых годов, когда ей было столько же, сколько Дейдре сейчас, существовали очень и очень рискованные пьесы, но среди знакомых ей молодых людей не нашлось бы такого, кто повел бы ее их смотреть. Грегори Свону нравились «Розмари» и «Нет, нет, Нанетт», а в ее кругу вкусы женщин определяли мужчины. Сейчас, возможно, все как раз наоборот.

— Бернард, наверное, предпочел бы мюзикл, вроде того что идет в «Друри-лейн», — продолжала Дейдре, отвечая на вопрос матери, — но мюзиклы такие скучные. Сомневаюсь, что я высидела бы до конца.

— Дулкам очень понравилось, — вставила Рода. — И Малькольм собирается повести Филлис на ее день рождения.

— Вот видите, — откликнулась Дейдре. — Бо-

юсь, это просто не мое.

— Я бы сказала, что Бернард высоконравственный молодой человек, — сказала Мейбл, следуя собственному ходу мыслей.

— Что касается меня, ему пока не представился шанс показать себя другим, — бойко возразила Дейдре.

— Нет, милая, но он положительный, — ответила Мейбл, думая про себя: окончил малоизвестную частную школу, потом отличился в армии, а теперь занимает обеспеченную должность в фирме отца… — Он всегда провожает тебя домой и приводит вовремя.

— О да, и только жиденькие поцелуи на прощание. Нет, правда, он не так плох. Мне пора. — Дейдре встала. — Еще не хватало опоздать из-за разговоров про нравственные принципы Бернарда.

— У тебя сегодня много лекций? — спросила Рода.

— Только после полудня. Я думала провести утро в «Фантазии Феликса».

И, возможно, там она столкнется с Марком и Дигби, а те расскажут что-нибудь про Тома Моллоу. Она едва позволяла себе надеяться, что увидит самого Тома.

В автобусе она размышляла, есть ли у Тома высокие нравственные принципы, как у Бернарда. Почему-то она была уверена, что он очаровательно их лишен.

В исследовательском центре она не застала никого и довольно мрачно уселась со своей стопой книг. Она проработала уже около часа, когда дверь распахнулась и вошел профессор Мейнуоринг.

— Мисс Кловис не у вас? — спросил он в пустоту. — Ага, она спряталась в своем святая святых, подальше от позорной суеты низменных толп.

Дейдре, сидевшая за столом совершенно одна (помощница библиотекаря работала с картотекой в дальнем углу), сочла намек несколько несправедливым, но решила, что ответа от нее не требуется, да и вообще сомневалась, способна ли дать адекватный…

— Надеюсь, к чаю я не опоздал? — продолжал профессор Мейнуоринг, обращаясь к помощнице библиотекаря.

Та заверила его, что чай сию минуту заварили, и предложила пройти в кабинет мисс Кловис, где ему непременно нальют чашечку.

— А, пригожая чаевница! — воскликнул он уже в кабинете. — Кажется, де Квинси так ее назвал?

Подергав себя за бороду, он испытующе глянул на библиотекаршу, от чего та захихикала и поспешила исчезнуть.

— Сегодня молодежи опиум не по карману, — деловито сказала мисс Кловис, возможно, не желая задерживаться на теме чая, которая однажды едва не обернулась для нее катастрофой.

— Да, на это даже щедрот Форсайтова гранта не хватит, — рассмеялся профессор Мейнуоринг. — Много уже заявок получили?

Мисс Кловис взяла на себя обязанности секретаря комитета по распределению грантов и от души ими наслаждалась, поскольку они позволяли ей удовлетворять природное любопытство, интерес к людям и стремление устраивать за них их жизни. Иногда возраст, семейное положение и образование позволяли вытащить на свет удивительные вещи. Например, кто бы мог подумать… Она улыбнулась какому-то воспоминанию, а вслух произнесла:

— Поступают понемногу. Комитет уже решил, когда будут проводиться собеседования?

Профессор Мейнуоринг подергал себя за бороду — практически тем же жестом, каким исполняют музыкальное пиццикато.

— Ах, это! У меня в этом году новый план, и,

думаю, Фэрфекс и Вер такой одобрят. Вам я его представлю в должное время.

— Трудно привнести что-то новое в отбор получателей гранта. Может, заставить молодых людей заработать его или развлекать комитет на какой-то неакадемический лад? — предположила мисс Кловис в надежде вытянуть из него что-нибудь конкретное.

Но профессор оказался невосприимчив к уловкам и вскоре оставил ее мрачно размышлять над оттисками, которые она начала разбирать перед его приходом.

Отдельные статьи, изъятые из научных журналов, в которых они были опубликованы, приобретают в академическом мире странную значимость. Более того, дарение или получение оттиска зачастую может положить начало особым отношениям между дарителем и одариваемым. Молодой автор, сбитый с толку и обрадованный, когда ему выдают двадцать пять с чем-то экземпляров его статьи, поначалу растрачивает их на тетушек и знакомых девушек, но, став старше и умнее, начинает понимать, что тщательно спланированное распространение способно принести ему немалые дивиденды. Многие считали «хорошим тоном» послать от-

тиск Эстер Кловис, хотя не всегда было известно, почему именно. В большинстве случаев она всего лишь проявляла вежливый интерес к произведениям автора, но в иных подарок был вызван смутным страхом, — так вождь туземного племени приносит в капище жертвы, чтобы заранее задобрить божка или предков.

На большинстве оттисков имелось какое-нибудь посвящение: «С наилучшими пожеланиями», «С вечной благодарностью», «С сердечным приветом», «С величайшим уважением», — тут были представлены все степени уважения и почитания. До любви дело не доходило: слишком уж невероятной она бы тут показалась, не то какой-нибудь автор счел бы уместным выразить и ее. Некоторые посвящения были на иностранных языках, а к одной статье была даже прикреплена фотография ее автора-африканца.

Каждая статья (а многие оттиски успели пожелтеть от возраста) потянула за собой собственные воспоминания, и Эстер переворачивала страницы задумчиво, иногда чуть улыбаясь лицам и случаям, о которых они напоминали. «Mit besten Grüssen[7], Герман Обст». Эту статью, напечатан-

[7] Примечания: 7
С дружеским приветом (*нем.*).

ную тяжеловесным немецким шрифтом, она получила одной из первых, и ее автор уже скончался. Бедный доктор Обст… Однажды, много лет назад, на какой-то научной конференции за границей, они гуляли как-то вечером после обеда, и он взял ее за руку самым недвусмысленным образом. Скажем, не тратя попусту слов: он попытался за ней приударить. Мисс Кловис улыбнулась. С тех пор она стала старше и терпимее и спрашивала себя, так ли уж было нужно возмущенно давать пощечину? Почему она это сделала? Потому что помнила о своих правах как женщины, равной мужчине, с которой нельзя обращаться как с игрушкой, или потому, что она считала доктора Обста не слишком привлекательным? А дала бы она пощечину Феликсу Мейнуорингу, если бы поцеловать попытался он? Вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа. Немецкий язык она подзабыла, но все равно разобрала заголовок — Blutfreundshaft, «кровное братство»… что же, вероятно, даже уместно, на трогательный лад… Но мысленно она вернулась в теплую бархатистую темноту, услышала плеск фонтанов и увидела смутные силуэты острых листьев какого-то экзотического растения с огромными красными цветами. «Это канна, я думай», — про-

звучал мягкий чужеземный говорок доктора Обста — а потом «инцидент». Мадрид, 1928-й или 1930 год, — она не могла вспомнить точно. С тех пор с ней такого не случалось и не случится снова. Убрав оттиск в папку, она открыла другой.

«С добрыми пожеланиями от Елены Нейпир и Иврарда Боуна». Какое было многообещающее партнерство, только вот закончилось ничем. Двое талантливых молодых людей работали вместе, но у Елены Нейпир был муж, и все труды мисс Кловис на благо антропологии пропали втуне. После короткой размолвки Нейпиры воссоединились, и Елена переехала за город. Иврард женился на довольно скучной женщине, которая, однако, была ему большим подспорьем в работе: будучи дочкой приходского священника, она, разумеется, прекрасно ладила с миссионерами, с которыми они теперь много общались, поскольку снова уехали в Африку.

«Эстер Кловис от Аларика С. Лидгейта», — гласило характерно лаконичное посвящение на следующем оттиске. Эстер не могла заставить себя испытывать теплые чувства к брату своей подруги Гертруды, особенно когда вспоминала про сундуки, набитые заметками, к которым он никого не подпускал. Собака на сене, сердито

подумала она — крайне не по-христиански. Сама она не была верующей, и Аларик скорее всего атеист, невзирая на то что сам сын и брат миссионеров, но «христианское поведение» — такая удобная мерка, когда речь заходит о ближних наших, пусть даже в кругах рационалистов, неприменимая. Наверное, следовало бы сказать «крайне неэтично». Ее рука сама собой потянулась к телефону, и Эстер набрала номер Аларика. Телефон все звонил и звонил, но ответа не было. Ну хотя бы трубку эта его никчемная миссис Скиннер может поднять? Неудивительно, что Гертруде не захотелось у него поселиться, хотя ему определенно следовало бы предложить. Эстер еще немного подержала трубку у уха — возможно, в качестве антидота к тревожащим воспоминаниям, вызванным статьей Германа Обста. А после раздраженно протопала в библиотеку посмотреть, нельзя ли помешать каким-нибудь читателям.

Тут ее ждало новое разочарование: читателей оказалось всего двое, и на первый взгляд они выглядели малообещающими: долговязый молодой человек в поношенном вельветовом пиджаке и молоденькая девушка, которая смотрела на него «овечьими глазами», как пренебрежительно

называла такие взоры Эстер. Потом она присмотрелась внимательнее и поняла, что девушка — это Дейдре Свон, жившая по соседству с Аларикам Лидгейтом, а молодой человек — Том Моллоу, один из самых многообещающих антропологов младшего поколения, работавший с племенем, которое одиннадцать лет по долгу службы курировал Аларик.

— А, мисс Свон и мистер Моллоу! — воскликнула мисс Кловис пугающе доброжелательным тоном. — Как раз вам двоим и надо сойтись поближе. Интересно, знаете ли вы, почему?

«Потому что я люблю Тома?» — подумала Дейдре, но, очевидно, ответом было совсем не это. Сначала удивительный сюрприз, что она вообще его тут встретила, а теперь их знакомство стало совсем респектабельным благодаря явному одобрению мисс Кловис.

Том посмотрел на нее недоуменно и не нашел ответа даже поверхностно галантного свойства, поэтому мисс Кловис победно его просветила.

— Мисс Свон — соседка Аларика Лидгейта, — многозначительно возвестила она.

— Так ты с ним знакома? — спросил Том, поворачиваясь к Дейдре.

— Да нет… То есть он совсем недавно переехал.

— Но через забор-то вы наверняка разговаривали, — уверенно заявила мисс Кловис. — Одолжить газонокосилку и все такое. — Она знала (пусть даже с чужих слов), какова жизнь в предместьях, где люди вечно болтают через забор и что-то друг у друга одалживают.

— Он как будто газон подстригать не трудился, — ответила Дейдре, чувствуя, что они отклонились от темы, какой бы она ни была.

— Знаете, что он прячет у себя на чердаке? — спросила мисс Кловис.

— Свою африканскую подружку? — быстро, даже не подумав, предположил Том.

— Ах вы, озорник! — Мисс Кловис издала короткий лающий смешок. — Нет, я-то, конечно, говорила про его одиннадцать лет работы над вашим племенем. Он забрал себе в голову дурацкую мысль, что никому не позволит взглянуть на свои заметки, пока сам не напишет книгу, но я-то знаю, что он ее никогда не напишет. У него может найтись кое-какой материал, который как раз вам будет полезен.

— Ну, возможно, — с некоторым сомнением протянул Том. — Но эти дилетанты мало что смыслят в структурах общества, понимаете ли. Не хватает подкованности.

— Вы про семинары профессора Фэрфекса? — уточнила мисс Кловис тоном, который сама считала саркастическим. — Может, и так, но я точно знаю, что Аларик увлекался землепользованием. Попросите, чтобы мисс Свон занялась ради вас любовью с ним, пусть хорошенько его приручит.

И, одарив молодежь таким пугающим советом, она, тяжело топая, удалилась — в наилучшем расположении духа.

Дейдре расстроенно повернулась к Тому.

— Но он меня и слушать не станет, — запротестовала она.

— Не волнуйся, — утешил ее тот. — У Эстер Кловис вечно всякие интриги да заговоры на уме. А теперь, — он глянул на часы, — мне правда пора.

— Тогда пока.

Дейдре не могла придумать, что бы сказать, лишь бы задержать его. Как будто не было ни единой причины, зачем бы им еще встречаться, если только сам Том не захочет: возможно, ей все-таки придется взяться за Аларика Лидгейта.

Встав, Том собрал книги. В ее глазах он прочел невысказанный вопрос, тот, какой так часто появляется в глазах женщин: «Когда я тебя снова увижу?» Первым его импульсом было спросить:

«А ты печатать умеешь?» — поскольку у Кэтрин, похоже, сейчас была уйма своей работы, но сельское воспитание привило ему добросердечие и любовь к животным, а Дейдре была довольно миленькой, как щенок или жеребенок. Поэтому вслух он сказал нечто совсем другое.

— Ты в субботу вечером свободна? — спросил он. — Мы устраиваем вечеринку. Может, хочешь пойти?

6

Кэтрин налила себе солидную порцию джина.

— Мне нужно вдохновение на кухне, — объяснила она, — а в романах повара всегда пьяные, верно ведь?

Том поднял взгляд от пишущей машинки.

— Откуда взялся джин? — спросил он. — Мы на вечеринках обычно пиво и сидр предлагаем. Если выставить джин, можно создать прецедент.

— Да, конечно. Этот только для частного использования, чтобы собраться с духом встречать гостей. Сегодня пришел чек за рассказ, и я пошла снять кое-что на расходы, а потом, сама не знаю как, очутилась вдруг на Сент-Джеймс-стрит перед витриной роскошного винного магазина, ну знаешь, из тех, где в витринах даже бутылок нет. Я была совершенно поражена, обнаружив, что они и такие обыденные напитки, как джин, продают. Продавец был очень мил, подарил мне еще одну книжицу про вино.

Кэтрин коллекционировала карты вин и буклеты про вино и неизменно читала с чувством что-нибудь из них вслух любому, кто соглашался

слушать.

Том, чувствуя, что надвигается как раз такая декламация, быстро вернулся к работе, но ему не шло на ум, что бы напечатать, поэтому пришлось слушать, как она щебечет про вино, про портвейн, наверное, «долгой выдержки, в дубе и тончайшего вкуса».

— Звучит почти как псалом, правда? — спросила она. — Я про долготерпеливую выдержку и добродетель вкуса. А когда ты закончишь диссертацию, Том, купим бутылку «Пуйи-Фюиссе».

— Бутылку чего? — переспросил он, хотя и развеселившись, но и с ноткой раздражения, поскольку иногда Кэтрин бывала очень утомительной и — для интеллигентной, умной женщины — временами удивительно фривольной.

— Ох, не смогу еще раз повторить! И вообще оно всего двенадцать шиллингов бутылка. Так… что бы мне приготовить? Они, к несчастью, всегда голодны. Иногда я даже жалею, что мы не вращаемся в кругах, где люди просто грызут соленый миндаль и чипсы…

Кэтрин стояла посреди кухни, которая сообщалась с гостиной аркой, и потому могла вести разговор за готовкой. Точнее, она говорила, а Том сидел за столом, мрачно вперившись в пишущую

машинку, словно если глядеть на нее достаточно долго, то можно заставить написать слова, которые в итоге сложатся в диссертацию.

Мы совсем как старые супруги, печально думала Кэтрин, поскольку подразумевала ту неприятную сторону супружеской жизни, когда лейтмотивом отношений становится не уют, а скука. Первые восторги миновали, но приятно, что он снова дома, ванная в беспорядке, а на полу гостиной валяются страницы машинописи.

— Соус нужной консистенции я могу приготовить, только когда чуточку пьяна! — весело воскликнула она. — Потому что тогда мешаю его, как помешанная, меньше сдерживающих комплексов.

— Никогда бы не подумал, что они у тебя есть, — суховато отозвался Том, бросая попытки работать и выходя на кухню.

Став у Кэтрин за спиной, он прижался щекой к ее щеке. Она казалась совсем маленькой, поскольку была в туфлях без каблука. Шлепала по квартире в туфлях на веревочной подошве — совсем как старая француженка, хотя это очень вредно для ног, если верить статьям, которые она часто писала в свои журналы. Даже когда Кэтрин старалась приодеться, всегда оставалась какая-то

не укладывающаяся в общий стиль деталь, и хотя она понимала, что бывает небрежна, это не особенно ее тревожило. Она слишком осознавала себя как личность, чтобы трудиться что-то в себе менять, и так привыкла писать о подобных вещах, что могла бы коротко характеризовать себя на бодро-журнальный манер: «Красная юбка и черный верх (возможно, бархат), длинные гагатовые серьги (если ваш рост меньше пяти футов, решительно не стоит) и (о боже!) жуткие голубые туфли на веревочной подошве, купленные как-то ясным июньским утром на рынке в Периго».

— Думаю, сойду для вечеринки, если не считать ног, — сказала она.

— А что не так с твоими ногами?

— Ну, наверное, надо бы надеть чулки и туфли на высоком каблуке.

— А эти черные висячие серьги, — с сомнением сказал Том, — ты оставишь?

— Почему нет? Они тебе не нравятся?

— Но они такие черные…

— Разумеется! А мужчины не любят женщин в черном, да? Это предвещает смерть, или они боятся, что тут есть нечто депрессивное, как Маша в «Чайке», которая носит траур по своей

жизни? Или как у Тербера[8]? — Тут она рассмеялась. — Помнишь, как у него скучнейшая повесть о несчастной любви заставляет героя схватиться за шляпу?

— Не припоминаю… — нахмурился Том.

Он сел на кухонный стол, притянув ее к себе. Кэтрин как-то сказала ему, что человек, которого она любила, погиб на войне, а он откликался на несчастье других людей, особенно если они говорили о нем легко. Потом вдруг ему вспомнилось, как его бабушка подрезала в зимнем саду виноградные лозы. В доме царила какая-то давящая атмосфера… наверное, это было сразу после смерти дедушки.

— А разве гагат носят не в знак траура? — спросил он. — Моя бабушка как будто…

— Так я напоминаю тебе бабушку! — весело откликнулась Кэтрин. — Интересно, что бы сказали на это психоаналитики?

— Просто странное от них ощущение. Они выглядят такими тяжелыми и черными, а когда коснешься, такие легкие.

— Не думаю, что она носила бы в то время гагат. Это ведь было всего лет двадцать пять назад.

---

[8] Примечания: 8

Тербер, Джеймс — американский журналист и карикатурист, известный своим остроумием.

— Ну, она была старой, понимаешь, и жила не в Лондоне.

— Да, конечно.

Детство Тома в большом доме в Шропшире с братом и сестрой всегда служило предметом зависти Кэтрин, которая потеряла родителей в раннем детстве. Вырастила ее тетка, ныне давно покойная.

— Но мы не слишком-то продвигаемся с вечеринкой по случаю твоего возвращения, — сказала она, выпутываясь из его объятий.

— Лучше бы ее вообще не было.

— Брось, когда начнется, повеселишься.

— Кстати, я пригласил одну студентку-антрополога, совсем девочку, ее зовут Дейдре. Нашел ее всеми брошенную в библиотеке.

— Хорошо. Какие красивые имена у твоих подружек, — сказала Кэтрин, деловито натирая сыр. — Когда навещал своих, виделся с Элейн?

— Нет, она была в отъезде.

— Собак с собой взяла?

— Не знаю… не думаю. Наверное, за ними какая-то из ее сестер присматривала.

— Но любят ли сестры собак? И кстати, о собаках. Я всегда считала, что они чересчур преданы хозяйке и могут затосковать. А у Элейн собаки

поджарые, как гончие, или тяжелые и плотные, с широкими спинами — таким жестянки для благотворительного сбора мелочи на спины привязывают, понимаешь?

— Кэтти! Я правда не знаю, и мне нет никакого дела!

— Ладно, ладно, пойди посмотри, как там в гостиной? Собери все ошметки своей диссертации, пожалуйста.

Тому комната казалась вполне прибранной. Он затолкал корзинку с рукоделием Кэтрин под кресло, высыпал окурки из пепельницы в камин и поправил подушки, — он видел, что женщины так делают. Кэтрин сновала из кухни в гостиную и обратно с тарелками снеди, бутылками и стаканами. Потом позвонили в дверь, поэтому она убежала к себе в спальню, где спрятала под туалетный столик бутылку джина. Присев перед зеркалом, она как попало нанесла духи, смочила губы кончиком языка, взбила руками коротко стриженные волосы и поправила одну гагатовую серьгу. Но она не сменила туфли на веревочной подошве, и именно этот изъян ее туалета успокоил Дейдре, когда она пришла чуть позже и очутилась в комнате, полной совершенно незнакомых людей, а Кэтрин вышла поздороваться

с ней самым дружеским и очаровательным образом.

— Какая чудесная комната! — воскликнула Дейдре, с удивлением оглядываясь по сторонам.

При дневном свете гостиная со светло-зелеными стенами смотрелась совершенно ординарно и вроде бы нуждалась в декоре, но приглушенный свет льстил ей так же, как большинству людей, и Дейдре, привыкшей к бежевым стенам и ситцу в цветочек у матери, она показалась самой прекрасной на свете. Большие кувшины с листьями или даже ветками деревьев стояли на шкафах, явно полных «интересных» книг, но на самом деле комната была ничем не примечательнее многих подобных в Челси, Хэмпстеде, Кенсингтоне или Пимлико. Да и кто может сказать, не бывает ли таких комнат в районах не столь фешенебельных, например, в Болхэме, Ист-Шине или Паддингтоне?

И люди в комнате, которых тоже смягчил и облагородил приглушенный свет, оказались совсем не чужими. К изумлению своему, Дейдре вдруг сообразила, что два симпатичных молодых человека в углу на фоне листьев не кто иные, как Марк Пенфолд и Дигби Фокс. В этой обстановке они совершенно расслабились, и даже

Дигби, который, войдя в комнату, бросил всполошенный взгляд на голые плечи Ванессы Ивс и нырнул поскорее в дальний угол, теперь очутился в небольшом кружке, который она возле себя собрала. Что до Тома, то он не нуждался ни в приглушенном, льстящем свете, ни в экзотическом фоне, поскольку когда мужчину любят, его обожают даже больше, когда он предстает в чуть невыгодном свете — в резком свете дня. Дейдре об этом не подозревала и была разочарована, увидев, как он обходительно обходит гостей с напитками и тарелками закусок, как и положено хорошему хозяину. Всякий раз, проходя мимо, он улыбался ей пустоватой неопределенной улыбкой, но однажды все-таки ободряюще коснулся ее локтя.

В реальной жизни болтовня на вечеринке обычно не слишком остроумна и не стоит того, чтобы быть записанной, а когда собираются представители одной профессии, разговор с большой долей вероятности становится невразумительным для всех, кроме них самих. Чувствовавшая себя на самой окраине антропологического мирка, Дейдре словно окунулась в самый омут, и ощущение в целом оказалось приятным. Она поймала себя на том, что присоединилась к высказываемым вслух

догадкам, кому достанутся гранты Форсайтов, что смеется над мелкими язвительными анекдотами про профессоров и ведет глубокомысленную дискуссию с американской четой, Брэндоном и Мелани, и Жан-Пьером ле Россиньолем об обращенном статусе полов, поскольку теперь, как утверждал Брэндон, женщины с большей вероятностью поедут в Африку стрелять львов — в качестве лекарства от безответной любви, — чем в старые времена, когда это было привилегией мужчины.

— Но во французских колониях диких зверей осталось больше, — заявил Жан-Пьер. — И это, на мой взгляд, к лучшему, потому что гораздо вероятнее, что женщины будут безнадежно влюбляться во французов.

Дейдре посмотрела на него сияющим взором, думая, что сама почти готова в него влюбиться.

— У меня есть намерение посетить как-нибудь в воскресенье вашу церковь, — сказал он довольно чопорно. — Феномен воскресного утра в английском предместье мной пока не изучен. Когда лучше всего пойти?

— Думаю, лучше всего на Троицу. Обычно на одиннадцатичасовой службе устраивают крестный ход, и народу приходит больше.

— Ах да, Пятидесятница, — тоном великого превосходства заявил Жан-Пьер. — А после бывает традиционный английский воскресный обед с бараньей ногой?

— Да, большинство семей едят мясо по воскресеньям.

— А потом сон? Думаю, это тоже обычай?

— Ну, для пожилых людей, возможно!

— Восхитительно! — сказала, присоединяясь к ним, Кэтрин. — Обожаю спать в воскресенье после полудня. Где вы живете? — спросила она у Дейдре.

Дейдре объяснила.

— Полагаю, с родителями?

— Да, с мамой, братом и тетей.

— Как вам повезло, что у вас есть родные! У меня уже никого нет, — грустно сказала Кэтрин.

— Они так донимают, — вздохнула Дейдре. — Как бы мне хотелось собственную квартиру!

— Но они же о вас заботятся, — отозвалась Кэтрин. — Беспокоятся, когда вы задерживаетесь или приходите поздно. Наверное, ваша мама лежит без сна, пока вы не вернетесь, и окликает вас, когда вы стараетесь беззвучно прокрасться наверх.

Дейдре рассмеялась:

— Именно так.

— А по воскресеньям вся семья собирается на большое чаепитие. В Лондоне по воскресеньям после полудня просто отвратительно. Квартира завалена скомканными воскресными газетами, а после чая — грустный звон колоколов.

— Приезжайте к нам как-нибудь на чай, — стеснительно предложила Дейдре. — Если, конечно, осилите дорогу. Боюсь, придется довольно долго ехать на автобусе.

— С удовольствием! Мне правда можно приехать как-нибудь в воскресенье?

— Разумеется, мама будет рада с вами познакомиться. Как по-вашему, рискнуть мне и Тома пригласить? — вырвалось у Дейдре, ободренной дружеской манерой Кэтрин.

— Ну конечно! Он слишком занят своей злосчастной диссертацией, ему будет полезно от нее оторваться.

Кто-то поставил на патефон пластинку, и несколько человек начали танцевать. Когда Ванесса встала, все увидели, что на ней плотно облегающие брючки расцветки под леопардовую шкуру. В сочетании с длинными серебряными серьгами и черной водолазкой-американкой без рукавов они производили потрясающее впечат-

ление.

Жан-Пьер откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и, молитвенно сложив руки, слушал джаз, точно это был Бах.

Внезапно Дейдре поняла, что Том приглашает ее танцевать.

— Без всяких антраша, как у Ванессы и ее эфиопского малого, — успокоил он ее. — Танцевать я умею только самые обычные танцы: в обход комнаты и поворачивая на углах. Мы ведь такие танцы предпочитаем, верно?

Взяв правую руку Дейдре, он приложил ее к своему сердцу.

— Мы же вообще никогда раньше не танцевали, — ответила Дейдре, чувствуя себя довольно неуклюжей, но совершенно счастливой, что он так необычно выделил ее среди всех.

Она закрыла глаза, стараясь удержать мгновение, но оно, разумеется, не задержалось. Вскоре пластинка закончилась, и, хотя тут же поставили другую, она тоже закончилась, и, наконец, гости начали расходиться.

После благодарностей и прощаний Дейдре очутилась на улице с Марком и Дигби, которые как будто шли в ее сторону.

— А неплохая получилась вечеринка, — бес-

страстно заметил Марк. — Уйма еды и выпивки.

— Да, у Кэтрин вечеринки обычно хорошие, — отозвался Дигби. — Женщина, которая умеет и готовить, и печатать… Что еще нужно мужчине для счастья?

— Мне она показалась ужасно милой, — внесла свою лепту Дейдре теплым тоном, к какому безотчетно прибегают женщины, когда хвалят перед мужчинами представительниц своего пола.

— Уж Том-то умеет хорошо устроиться, — сказал Марк. — Наверное, воспитание правящего класса дает о себе знать. Отхватил грант Коппер-смита, а они, пожалуй, самые лучшие, и уютную квартирку в придачу.

— Так он живет в том же доме? — спросила Дейдре.

— Он живет в той же квартире, — ответил Дигби.

— С Кэтрин, — добавил Марк.

— Он живет с Кэтрин? — Голос у Дейдре оборвался, она не могла поверить, что Марк и Дигби действительно имеют в виду то, что как будто подразумевали. — То есть он ее любовник? — продолжала она высоким неестественным голосом.

— Ну, мы его напрямую не спрашивали, но, надо полагать, так дела обстоят.

— Отношения должны быть взаимными: женщина выступает подательницей пищи и крова и еще печатает ему на машинке, а мужчина привносит бесценный дар — себя самого, — отозвался Марк и, чуть покачнувшись, налетел на дерево. — В нашем обществе это встречается чаще, чем думают.

— Интересно, а нам удастся найти кого-то, кто бы нас опекал? — задумчиво протянул Дигби. — Может, надо дать объявление в какой-нибудь научный журнал. «Два представительных молодых антрополога, чуть за двадцать, хотели бы познакомиться с умеющей сочувствовать женщиной не старше тридцати пяти с собственной квартирой и личным доходом; цель — проживание с питанием».

— Мисс Кловис и мисс Лидгейт могли бы нас взять, — предположил Марк. — Думаю, они на самом деле добрые, но, наверное, придется «помогать с тяжелой работой по дому», как говорится в объявлениях.

— И все равно Кэтрин очень привлекательная, — сказал Дигби. — Лучше бы нам метить на кого-то помоложе, чем Кловис и Лидгейт.

Пораженная Дейдре шла между ними в молчании, пропуская мимо ушей фривольные шуточки.

Ей никогда не приходило в голову, что у Тома может быть другая женщина. Она не задумывалась о том факте, что если она сразу в него влюбилась, то его могут любить и другие женщины.

— Наверное, они поженятся? — спросила она наконец.

— Кто? Том и Кэтрин? Нет, не думаю, — ликующе отозвался Марк. — Кэтрин не очень хочет ехать с ним в Африку, к тому же она не антрополог. Ему бы гораздо лучше жениться на Примроуз или Ванессе.

— Или даже на тебе, — сказал Дигби, дружески сжимая ей локоть. — Ты ведь достаточно молода, чтобы тебя сформировать.

— Надеюсь, поезда еще ходят, — выпалила Дейдре, когда они подошли к станции подземки. — Так что мне лучше поторопиться. Пока!

Она сбежала прежде, чем молодые люди успели предложить проводить ее до поезда, чего оба в любом случае не сделали бы.

— Как по-твоему, ее что-то расстроило? — спросил Дигби, когда они пошли дальше.

— Нет, а тебе что показалось?

— У нее был такой вид, точно она вот-вот расплачется… когда мы заговорили про Тома и Кэтрин.

— Но ведь она едва знакома с Томом.

— Да, но, думаю, он ей нравится. Интересно, с ней все в порядке? Кому-то из нас следовало бы проводить ее домой… Что, если нет такого позднего поезда, как она рассчитывала?

— Проводить домой? — изумленно переспросил Марк? — Тебе что, выпивка или ночной воздух в голову ударили? Да она, наверное, за сотню миль отсюда живет. Пора бы уж излечиться от таких старомодных мыслей.

— Да, конечно, вечно забываешь, что женщины теперь считают, что они нам ровня. Но иногда все-таки вспоминается, что когда-то мы были сильным полом, — почти грустно отозвался Дигби.

— Конечно, если ей действительно нужен Том, — продолжал Марк с сияющими глазами, как бывало всегда, стоило ему учуять толику интересных сплетен, — нет причин, почему бы ей его не заполучить. Ты заметил, что и он сегодня был как будто заинтересован? Несколько препятствий на пути только подсластят ей победу.

Они вышли на маленькую площадь, где полукругом стояли некогда красивые, а теперь облезшие и пришедшие в упадок дома, — в одном из них они снимали квартиру вместе со сту-

дентом из Африки. Когда они открыли входную дверь, их приветствовало клацанье его пишущей машинки. На кухне было полно немытой посуды, и молока к завтраку не осталось. За написанием подстрекательских статей для своей африканской газеты мистер Эфраим Оло любил пить какао.

7

Преодолев шок от известия, что Том и Кэтрин живут вместе, Дейдре снова немного повеселела. В девятнадцать надежды не остаются разбитыми надолго, и вскоре Дейдре сумела найти в ситуации много обнадеживающего. Марк и Дигби не верили, что Том с Кэтрин поженятся, да и впечатления по уши влюбленной эта пара не производила, хотя затруднительно понять, как бы они могли бурно проявлять свои чувства на вечеринке, где оба занимались гостями. И вообще Кэтрин не особенно красива, даже не слишком молода, поэтому вполне вероятно, что Том начинает от нее уставать, особенно учитывая, что она не антрополог, а потому не способна проявлять искренний интерес к его работе. Это последнее Дейдре считала чрезвычайно важным: право же, это ведь большая привилегия, особенно если вспомнить, что сам по себе труд антрополога труден и плохо оплачивается. Нет, ей не хотелось лишить Кэтрин любви Тома, ведь та ей понравилась: так молодая девушка часто восхищается женщиной постарше, которая, если смотреть со

стороны, живет интересной и достойной зависти жизнью. Ведь Кэтрин казалась Дейдре личностью поистине замечательной: ее богемные квартира и образ жизни, ее писательский труд заоблачно отличались от предместья, которое Дейдре находила удушающим и из которого, как ей теперь чудилось, она стремилась вырваться.

Визит Кэтрин и Тома на чай назначили на Троицкое воскресенье. За завтраком обсуждали посещение церкви. Миссис Свон расстраивалась, что Дейдре не пошла на раннюю службу. Священник называл ее «низкой мессой», но сама Мейбл пока не готова была принять эту непривычную и почему-то довольно шокирующую терминологию.

— Малькольм и мистер Дулк собирали пожертвования, — сказала она. — Такая приятная была служба, жаль, что ты не пошла, милая.

— Мне не хотелось, — уклончиво ответила Дейдре. — Правда, не знаю, верю ли я еще во все это.

За столом повисло молчание. Малькольм передал чашку, чтобы ему налили еще кофе. Рода взяла еще один тост. Никто не произнес ни слова, но Дейдре почувствовала, что ее замечание было довольно ребяческим и в дурном вкусе.

— Что там играл органист, когда мы причаща-

лись? — спросил Малькольм. — Мне подумалось, довольно приятная мелодия.

— Звучало как «Свадебный пир Гайаваты», — встревоженно сказала Рода. — Ну, знаешь, Тейлора Кольриджа. Но сомневаюсь, что это была та самая вещь.

— Мистер Льюис импровизировал, — внесла свою лепту миссис Свон. — К причастию пришли почти сто человек, и, рискну сказать, он мыслями был далеко. По-моему, музыка была не такая уж неподходящая, ведь и среди индусов много христиан.

— Гайавата был не индусом, а краснокожим индейцем, — возразил Малькольм.

Разговор грозил увести в дебри, поэтому Мейбл сменила тему, упомянув, что на одиннадцатичасовой службе будет процессия.

— На нее я, пожалуй, схожу, — заявила Дейдре. — Тот еще, наверное, получится спектакль.

Мейбл мудро воздержалась от комментариев и с радостью увидела, что, когда пришло время, Дейдре оделась выходить с Родой и Малькольмом. Сама она осталась готовить воскресное мясо, отличное телячье филе.

Вот если бы я жила одна в квартире, как у Кэтрин, думала Дейдре, сидя на их обычной ска-

мье между братом и теткой, мне не пришлось бы беспокоиться из-за мира в семье и как бы не обидеть кого-то.

Чтобы заполучить любимые места, они пришли даже чересчур рано, и заняться было нечем, только оглядывать церковь, которая, подобно множеству церквей в предместье, была построена в начале нынешнего века и не могла похвастаться ни старинными надгробиями, ни выдающимися красотами архитектуры. Все, что возможно, было начищено до блеска — от подсвечников на алтаре и кафедры до мемориальных досок покойных священников — Эрнста Хью Ла-Мотта-Споффорда, Джорджа Уильяма Брэндона и Джеймса Эдварда Фергюсона Лоу. Нынешнему держателю прихода Лоренсу Фолксу Талливеру довольно долго придется ждать, пока его увековечат в бронзе, поскольку он был очень и очень бодр для своих средних лет. Зато в службы он привнес множество разных моментов, обернувшихся поразительными новшествами для его паствы. Ему достало мудрости вводить их постепенно, так что к тому времени, когда его церковь завоевала право ставить после своего названия в «Церковном справочнике» Моубрейя

загадочные буквы DSCR[9], большинство прихожан даже гордились, что стали принадлежать к «высокой церкви», сами того не заметив. Только стариков еще немного пугали колокола и благовония, зато молодые были со святой водой (по весьма удачному выражению отца Талливера) в своей стихии.

Разумеется, если вообще надо ходить в церковь, говорила себе Дейдре, такого рода служба гораздо интереснее и более достойна сравнения с религиозными церемониями народов, про которые она читала в учебниках по антропологии. В церковь заглядывали и неместные, чего в былые дни мистера Лоу никогда не случалось. Прямо сейчас один такой «неместный» шел по проходу, выискивая себе местечко, поскольку отец Талливер покончил со старой системой карточек на скамьях, которые отмечали места постоянных прихожан и благотворителей по подписке на нужды прихода. Обычно на подходящие скамьи чужих провожал служка, мистер Дипроуз, но этот посетитель как будто от него ускользнул,

---

[9] Примечания: 9

DSCR — сокращения, ставившиеся после названия англо-католических церквей в справочниках первой половины XX в.: D — ежедневная месса; S — воскресная месса и приходское собрание по воскресеньям в фиксированное время; C — исповеди выслушиваются в заявленное время; R — постоянное, зарезервированное число облаток для причастия.

и, обернувшись на звук шагов, Дейдре увидела Жан-Пьера ле Россиньоля в светло-сером костюме и с желтыми перчатками в руке. С мгновение он взвешивал варианты, потом прошел к скамье поближе к алтарю, по всей очевидности решив, что оттуда будет лучше всего видно происходящее.

— Смотри, тот человек сел на скамью Дулков, — шепнул сестре Малькольм. — Может, следует попросить его пересесть?

Но не успел он что-то предпринять, как подошли сами Дулки, и все заметили, как они замешкались в проходе при виде незнакомца. Мало что может больше опечалить или даже выбить из колеи постоянного прихожанина церкви, которая обычно заполнена лишь наполовину, чем тот факт, что его обычное место уже занято. Возможно, за сорок лет посещения церкви с Дулками вообще такого не случалось. Правда, была свободна скамья впереди и еще одна сзади, но это совсем не одно и то же. Их скамья находилась точно напротив того места, откуда зимой из вентиляционной решетки исходили самые жаркие потоки воздуха. На дворе стояло лето, но это не имело значения.

— Что они будут делать? — шепнула Рода Дейдре.

С мгновение в воздухе висело напряжение, потом миссис Дулк как будто овладела собой и сделала шаг, точно собиралась подойти к скамье. Жан-Пьер с очаровательной улыбкой подвинулся и любезным жестом опустил перед ней подставку для коленопреклонений. Сняв перчатки и лисью горжетку, миссис Дулк преклонила колени для разочарованной молитвы. Мистер Дулк даже этого попытаться не успел, поскольку раздался звон колокольчика, органист заиграл что-то неопределенное и показалась процессия.

По случаю большого церковного праздника служки облачились в отороченные кружевом стихари, а отец Талливер был особенно великолепен в бело-зеленом. Жан-Пьер едва ли мог выбрать лучший повод посетить церковь и сейчас, похоже, напряженно следил за происходящим. Проповеди как таковой не было, то есть отец Талливер не поднимался на кафедру, но остался стоять в алтаре и произнес несколько слов о значении Троицы, кратко разъяснив смысл термина «Параклит»[10]. Служба получилась красивая, и прихожане единодушно почувствовали себя чуть возвышеннее от того, что ее посетили.

---

[10] Примечания: 10
Утешитель (*греч.*); эпитет Святого Духа.

Дейдре немного беспокоилась из-за Жан-Пьера, вспоминая свое поспешное приглашение — или полуприглашение — на вечеринке заглянуть на воскресный ленч. Ей и в голову не могло прийти, что он действительно объявится. Может, попросту ускользнуть, тогда не возникнет неловкой ситуации? Но из церкви все выходили вместе, и невозможно было избежать приветствий.

— Значит, вы все-таки пришли, — с запинкой сказала она. — Вам понравилась служба?

— Я нашел ее очаровательной. — Жан-Пьер поклонился.

Едва ли подходящее слово, подумала Дейдре, хотя поняла, что он имел в виду.

— Разумеется, я чувствовал себя почти как дома, хотя есть интересные различия в ритуале.

— Так вы католик, мистер… — Рода призывно посмотрела на Дейдре, которая пока не представила симпатичного молодого человека.

Дейдре всегда забывала, что людей нужно знакомить, или начинала не с того, но наконец выяснилось, кто такой Жан-Пьер, и Рода заметно повеселела.

— Обязательно останьтесь и пойдемте к нам на ленч, — сказала она. — Мы так любим знакомиться с друзьями Дейдре. Моя сестра, то есть

мать Дейдре, будет просто счастлива. Она дома, готовит еду… Разумеется, все не так, как прежде, — туманно добавила она.

Дейдре предположила, что она вспоминает старые времена, когда у них была кухарка.

— Думаю, в Англии произошла целая социальная революция, — вежливо отозвался Жан-Пьер. — Динамика культурных перемен.

— Такая жалость, — протянула Рода, гадая о смысле конца его фразы. — То есть кое в чем. Хочется, конечно, чтобы все распределялось более равномерно, это было бы хорошо…

— Конечно, если тебе достается большая часть, — ринулся открывать калитку Жан-Пьер. — Какой очаровательный дом!

— Разумеется, отдельно стоящий, — сказала Рода, — а это немалое преимущество.

— Да, отдельность — вещь хорошая, отстраненность, так сказать. Но ведь и ее может быть иногда в избытке?

— Как насчет коктейля? — предложил Малькольм.

Рода испытала некоторое облегчение, когда «молодежь», как она их мысленно называла, забрала джин с тоником в сад. Сама она поспешила на кухню рассказать сестре новости.

— Знаю, ты не будешь против, что я пригласила его на ленч. Кусок телятины на сей раз далеко не маленький, и мы ведь хотим, чтобы к нам ходили друзья Дейдре, верно? Конечно, он француз и выглядит довольно иностранно, особенно желтые перчатки, но по-английски говорит очень чисто и вообще кажется обаятельным. Как по-твоему, у нас хватит овощей? — продолжала она довольно суетливо. — Пойду-ка я накрывать на стол. Он по ошибке сел на скамью Дулков, но подвинулся, когда они пришли, так что ничего страшного не произошло. Он опустил миссис Дулк подставочку для ног… Пожалуй, не найдешь англичанина, который бы так поступал. Еще только двадцать минут второго… Как хорошо, что отец Талливер не прочел полноценной проповеди, просто рассказал про смысл Пятидесятницы.

— А в чем, собственно, смысл? — спросила Мейбл, сидевшая за кухонным столом и слушавшая счастливое скворчание жаркого в духовке. — Я часто себя спрашиваю.

— О, по происхождению она еврейская или греческая, — возбужденно пустилась объяснять Рода. — И «Параклит» тоже с греческого. «Приди святой Параклит-Заступник»? Помнишь? Так псалом называется. Наверное, салфетки лучше

положить кружевные…

— Бога ради.

Мейбл подумала, что Рода после проведенного в церкви утра кажется больше Марфой, чем она сама, проведшая мирное утро на кухне. Хорошо, что Дейдре пригласила друга на ленч, но будем надеяться, что сестра не слишком это раздует. В последнее время настроение у Дейдре слишком часто меняется, с ней тяжело, так что надо быть очень тактичными.

Ленч прошел просто замечательно, и всем понравился Жан-Пьер, который вопросы о жизни английского предместья задавал так очаровательно, что никому и в голову не пришло бы обидеться. После ленча Мейбл и Рода пошли мыть посуду, а остальные удалились с кофе в сад. Послеполуденные часы выдались жаркими, и воскресную тишину нарушал только далекий рев газонокосилки.

— Не буду мешать вам спать, — вежливо произнес Жан-Пьер. — Наверное, летом это будет под открытым небом?

Малькольм откинулся на спинку шезлонга.

— Только пожилые люди и старики спят после ленча, — объяснил он. — Я обычно хожу в клуб играть в теннис.

— И сегодня собираешься? — спросила Дейдре, размышляя, как будет поддерживать разговор, если останется одна с Жан-Пьером.

— Да, часа в три, наверное. Возможно, вы тоже захотите пойти? — повернулся он к Жан-Пьеру.

— Увы, спорт на открытом воздухе не в моем духе, — просто ответил тот. — И у меня тоже есть планы. На три назначено собрание в Бейсуотере, «Послание с того света». Отсюда можно добраться на автобусе?

— Да, конечно, — откликнулась Дейдре. — Я вам покажу.

— Я должен попрощаться с вашими матушкой и тетушкой, если их не потревожу.

— Они, наверное, на кухне, моют посуду.

— Понимаю, родственницы женского пола постарше трудятся на кухне, когда нет слуг. Мать и сестра отца?

— Нет, тетя Рода мамина сестра.

— А, да, понимаю. Женщины в более тесном родстве трудятся вместе… так устраняются ссоры.

После его ухода Дейдре устроилась в саду, с недобрым предчувствием ожидая появления к чаю Тома и Кэтрин. Мейбл и Рода еще не выходили из дома: либо отдыхали в своих комнатах, либо доставали лучший чайный сервиз. Предло-

жение Дейдре помочь было встречено отказом, и девушка даже слегка надулась. Она полулежала в шезлонге с книгой по антропологии и томиком стихов на коленях, но ни ту, ни другого не открыла. Закрыв глаза, она думала о Томе, стараясь вспомнить его лицо. Через несколько минут сосредоточенной медитации она перебрала все его черты в отдельности, но так и не смогла сплавить их вместе, так что результат походил на портрет в духе Пикассо: яркие серые глаза и острый нос возникали в самых неожиданных местах. Потом у нее появилось ощущение, что кто-то наблюдает за ней из-за изгороди, отделявшей их сад от сада Лоувеллов по соседству. Она открыла глаза, но поначалу ее ослепило солнце, и она ничего не увидела. Наконец она различила блеск пары ярких темных глазок, напряженно рассматривающих ее в просвет между листьями, и догадалась, что это ребенок Лоувеллов, девочка лет пяти. С мгновение она тоже ее рассматривала, но была вынуждена отвести взгляд, не вынеся несгибаемого детского любопытства. Подобрав одну из книг, она ее открыла.

— Что ты делаешь? — раздался хриплый шепоток.

— Ничего, — с достоинством ответила Дейдре.

— Почему?!

Дейдре не смогла придумать разумного ответа, который удовлетворил бы пятилетнего ребенка, и пожалела, что с детьми ей всегда не по себе. Вордсворт, подумала она, с отвращением вспоминая стихи, которые читала в школе, возможно, справился бы с ситуацией, но ей она не по плечу. Она листала страницы книги по антропологии, тонкого зеленого тома, довольно скверно написанного и с чересчур большим числом примечаний. Не самое подходящее чтение для прекрасного воскресного дня.

— Ты спала! — победно взмыл голосок и забулькал смехом. — Я тебя видела.

— Я не спала. Я думала.

— Почему?!

Такой обмен репликами мог бы продолжаться до бесконечности, если бы в этот момент в саду не появилась Рода с плетеной подставкой для торта.

— Думаю, чай будем пить в саду, — сказала она. — Надеюсь, твоим друзьям это понравится.

— Да, будет приятно. Тут стол поставим? Или подвинем под яблоню?

— Да, там, наверное, лучше всего.

Рода обрадовалась, что Дейдре это предложила,

так как втайне хотела пить чай в той стороне сада, что была ближе к дому мистера Лидгейта, поскольку считала его поинтереснее Лоувеллов. Мистер и миссис Лоувелл, их дети Рой, Дженни и Питер и старый терьер Снежок были скучными и привычными. Кто знает, что можно увидеть или услышать за изгородью мистера Лидгейта?

Кэтрин шла с Томом по улице, упиваясь безмятежной красотой полуденного воскресного пейзажа. Густые кроны деревьев вдоль улицы, аккуратные пестрые садики… Одни пустовали на солнышке, в других бодро хлопотали мужчины в футболках или женщины в хлопковых платьях и сандалиях. Голоса детей, лай собак, рев газонокосилок и щелканье садовых секаторов сливались в радующий слух шум.

— Наверное, вот это и называют мещанской жизнью, — сказал Том. — А выглядит, пожалуй, приятно.

Сам он жил в Лондоне, изредка навещая теток в Кенсингтоне и Белгравии, но был полнейшим невеждой относительно той территории, на которой проводят жизнь огромные массы людей.

— Ой, смотри! — воскликнула Кэтрин. — Этот дом называется «Нирвана»!

— Тише, Кэтти, тебя услышат, — вполголоса

одернул ее Том.

Сегодня она была, по его мнению, в худшем своем настроении, с которым ему труднее всего было справляться. Чем меньше он ее поощрял, тем безрассуднее и необузданнее становились ее фантазии и выходки. Сейчас, к его ужасу, она запела что-то про цветы лотоса и что найдет нирвану в его любящих объятиях.

— Как река течет в океан, так душа потечет к тебе, — победно закончила она, ласково прижимаясь к его плечу.

Еще несколько секунд они шли молча, а потом внимание Кэтрин привлек ряд домов, где у калиток на столбиках сидели каменные львы. Обрадованная, она остановилась перед ними и начала гладить львов по головам и спинам.

— Бедняжки, — заметила она, — носы и лапы у них совершенно стерлись, совсем как у мыльных львов после первого же использования. Помнишь, какой шекспировский сонет у меня любимый? Девятнадцатый — «Тупи и старь, о время, когти львов»[11]. Как по-твоему, может, он тоже видел затертого каменного льва и это навело его на мысль? У ворот какого-нибудь ари-

---

[11] Примечания: 11
Перевод М. Чайковского.

стократического дома?

— Я правда не знаю, — раздраженно отозвался Том. — Поторопись, пожалуйста, неудобно опаздывать.

— Конечно же, он был не против, что время снашивает когти льву, — задумчиво продолжала Кэтрин, — или даже что на костре горит Феникс. Суть в том, что время не должно касаться чела любви… «Не борозди морщинами лица моей любви». Помнишь? — Она подняла на него глаза, но он не ответил. — У тебя появилось несколько морщинок, которых я раньше не замечала, — с легкой ехидцей добавила она. — А у меня… Если подумать, у меня их уйма! Они придают лицу характер, вот что я всегда говорю, когда пишу статьи для тех, кому за сорок. Если лицо у тебя гладкое, значит, ты на самом деле ни радости, ни горя не испытал.

— Кажется, вот нужный дом, — довольно холодно произнес Том.

— А, да, уверена, что этот. Дома в этом конце выглядят гораздо приятнее, они тут побольше и поблагороднее. Как по-твоему, покойный мистер Свон был преуспевающим купцом в Сити на Минсинг-лейн и торговал вином или чаем, например?

— Смотри, там Дейдре в саду, — быстро сказал Том.

— И калина, про которую ты мне рассказывал, — подхватила Кэтрин, прибавляя шагу, чтобы поздороваться с хозяйкой. — Какая она чудесная!

— Надеюсь, вы добрались сюда без больших хлопот, — сказала Дейдре. — Мне всегда кажется, что такая скука тащиться куда-то в воскресенье.

— Мы прекрасно доехали, и Том был просто счастлив, что его утащили от диссертации, — весело отозвалась Кэтрин. — Он весь день над ней стенал.

— Бедный Том, — с нежностью произнесла Дейдре.

— Мужчинам порой так не хватает силы воли и сосредоточенности, — продолжала Кэтрин, когда они сели в саду в ожидании чая. — С чего бы это?

Дейдре никогда над такой проблемой не задумывалась и решила, что со стороны Кэтрин довольно бестактно так говорить о Томе. Она была еще слишком молода и неопытна, чтобы понимать: можно одновременно быть тактичной и критиковать.

— Трудно, наверное, писать диссертацию, — рискнула она.

— Конечно, трудно, но он сам себе выбрал эту участь и по собственной воле взвалил на себя этот груз.

— Может, ему нужен… — начала Дейдре.

— Кто-то, кто действительно его понимает? — рассмеялась Кэтрин, и глаза ее сверкнули.

— Да, Дейдре, именно кто-то такой мне и нужен, — сказал Том, бросая на нее многозначительный взгляд.

— А вот и мама с тетей! — воскликнула, вскакивая, Дейдре.

«Две дамы средних лет в опрятных летних платьях выходят через французские окна на лужайку с подносами чайных приборов — какая приятная и утешительная картина», — подумала Кэтрин, завидуя Дейдре, что для той это зрелище привычное.

После того как гости были представлены, все уселись под яблоней. Мейбл начала разливать чай. Янтарная жидкость элегантной дугой лилась из носика серебряного чайника. Рода смотрела с беспокойством, поскольку считала, что умеет разливать чай лучше сестры, но кое-как обуздала свои тревоги и повернулась к Кэтрин с вежливым вопросом:

— Так вы пишете? По словам Дейдре, рассказы.

Тон у нее был несколько неуверенный, потому что она никогда прежде с писателями не общалась. Она слышала, что те либо ненавидят, когда упоминают их профессию, либо оскорбляются, что не упоминают, и не могла решить, к какому разряду относится Кэтрин.

— Да, незатейливые рассказики для женщин, обычно со счастливым концом. — Кэтрин прибегла к уничижительному тону, за которым творческие люди иногда прячутся от насмешек и презрения мира. — Помаленьку зарабатываю ими на жизнь.

— Как хорошо, что у ваших рассказов счастливые концы, — сказала Мейбл. — Жизнь все же не такая неприятная, какой ее изображают некоторые писатели, верно? — с надеждой добавила она.

— Да, пожалуй. Она и комичная, и печальная, и неопределенная, порой скучная, но редко по-настоящему трагичная или безумно счастливая — разве только для очень юных.

— «Редко, как редко ты на нас нисходишь, дух Радости живой», — с мрачной напряженностью пробормотала Дейдре строки Шелли, поскольку ее вдруг настигли мысли о Томе и Кэтрин, об их уютной совместной жизни.

— Надо будет поискать ваши рассказы, — вежливо заметила Рода.

Ее несколько сбила с толку реплика Кэтрин, которой она никак не ожидала, а Кэтрин, точно догадавшись об этом, начала нахваливать домашние пироги, и вскоре все три уже с искренним удовольствием обменивались рецептами, а Дейдре с Томом завели собственный разговор о знакомых антропологах. Мейбл и Рода думали каждая, какая милая девушка Кэтрин и как хорошо, что Дейдре нашла разумную подругу, общение с которой пойдет ей на пользу.

— Соседи, кажется, тоже в саду чай пьют, — словно вскользь произнесла Рода, кивая на сад Аларика Лидгейта, и действительно, оттуда слышался женский голос, необычно громкий и четкий, как у проводника железной дороги:

— Поезд на Илинг, без остановок в Южном Кенсингтоне и Глочестер-роуд. Отец Джемини был совершенно вне себя, только представь: его увозили в Эрлз-корт, в западную часть Лондона!

— Это мисс Лидгейт! — шепнула Дейдре.

— Он протестовал, но поезд все шел и шел. И на Глочестер-роуд не остановился.

— На ричмондском было бы надежнее, — донесся другой женский голос, определенно

принадлежащий мисс Кловис. — Или даже тот, что идет на Ханслоу, хотя в поезде на Ханслоу есть что-то неприятное, а поезда на Уимблдон вообще лучше избегать…

— То еще было испытание, — произнес мягко отец Джемини, — и мне преподали урок. Впредь буду ездить на автобусе.

Голоса у мужчин звучали глуше, чем у женщин, и остальной разговор было не так легко расслышать, к тому же Своны и их гости делали вид, что совершенно не пытаются вслушаться. Кэтрин спросила про Аларика Лидгейта и получила довольно красочное и пристрастное описание из уст Роды.

— Он гуляет по саду ночью! В африканской маске! — зашептала она. — И, насколько мне известно, никто к нему не ходит, за исключением сестры, конечно. Наверное, он очень одинок.

— Одиночество мужчин мне всегда кажется таким печальным, — ответила Кэтрин. — Иногда на глаза попадаются объявления от имени мужчин, которым нужны спутник или спутница в отпуск, да еще в самых респектабельных газетах, в «Церковных новостях», например. Просто невыносимо читать.

— Будет тебе, Кэтти, на свете уйма одиноких

женщин. Их гораздо больше, чем мужчин, — с долей самодовольства сказал Том.

— Да, но это воспринимается не так скверно. У женщин одиночество часто бывает своего рода силой. Возможно, у мужчин тоже, но почему-то проявляется иначе.

— По-вашему, у мистера Лидгейта такого рода сила есть? — спросила Мейбл.

— Нечто внутреннее, — сказала Рода. — Невольно на ум приходят отшельники, — тут она запнулась, потому что предместье — не то место, чтобы думать об отшельниках.

— Да нет, мистер Лидгейт просто вздорный бирюк, который пишет злобные разгромные рецензии на разные книги, — раздраженно возразила Дейдре. — Ничего в нем нет благородного или отшельнического.

— Не забывай и про сундуки с материалами, которые он держит на чердаке, — вставил Том. — Разве не об этом говорила мисс Кловис?

— Да, — согласилась Дейдре, — наверное, тебе полезно с ним познакомиться.

— Но мы уже знакомы. Европейцы в Африке неизбежно сталкиваются друг с другом.

— Ты мне не говорил. Я думала…

— Что тебе придется заняться с ним любовью,

как предложила Кловис? — рассмеялся Том.

— А разве вам не хотелось бы возобновить знакомство? — с надеждой спросила Рода. — Возможно, если мистер Моллоу встанет, его голову будет видно поверх изгороди.

Том послушно встал, чувствуя себя весьма нелепо.

— Ха, смотрите-ка, мистер Моллоу! — тут же раздался громкий голос мисс Кловис. — Послушай, Аларик, вам двоим правда стоит сойтись поближе.

Вскоре все уже стояли и разговаривали через изгородь. Том и Аларик, оба по натуре осторожные, отнеслись к встрече с подозрением. Том сказал, что его диссертация все равно почти закончена и больше материала ему, пожалуй, туда не втиснуть. Аларик со своей стороны поспешил заметить, что его заметки относятся в основном к религии и материальной культуре, а потому от них будет мало пользы любому, кто пишет о социальных или политических структурах. Дамы беседовали между собой. Отец Джемини держался особняком, а потом вдруг скинул два слоя своей затхлой одежды с таким видом, точно совершал акт стриптиза.

Кэтрин, наблюдавшая за Лариком внимательно

но, с откровенным интересом и любопытством, которые вызывал у нее любой новый знакомый, подумала: «Ха, а ведь он привлекательный! Такой высокий и грубоватый, а лицо с румяными, резкими чертами и мрачным выражением напоминает истуканов с острова Пасхи — я картинки видела в Британском музее. Бедный малый с острова Пасхи, которого клюют сестра и ее подруга, — с чем только не приходится мириться мужчинам!»

Рода полагала, что они определенно «продвинулись», хотя было очевидно, что в светском плане Аларик не самый «легкий» человек.

— Наверное, когда-нибудь мы действительно узнаем его поближе, — произнесла она мечтательно, когда собеседники разошлись по своим местам.

Мысленным взором она снова увидела странную сцену по ту сторону изгороди: рослые брат и сестра, кряжистая мисс Кловис и отец Джемини с клочковатой бородой, который стал вдруг пугающим образом стаскивать с себя одежду. Еще она успела углядеть совсем незатейливо накрытый стол: хлеб не нарезан, масло из обертки не вынуто и джем в банке, а не в вазочке. Неужели миссис Скиннер не могла им все приготовить? Потом,

когда стало темнеть и Рода сидела у окна в своей комнате, она заметила, что останки чаепития так и стоят, забытые на ротанговом столике, — они казались такими заброшенными. Почему никто не унес их в дом? Какое-то время назад она слышала, как мисс Лидгейт, мисс Кловис и отец Джемини уходят, но хозяин-то что сейчас делает? Она мысленно переступила порог кабинета Алариса Лидгейта.

Он сидел за письменным столом и ничего не делал. Сейчас самое подходящее время разобрать и обработать материал из жестяных сундуков, поскольку подходящей книги на рецензию у него не имелось, но он не нашел в себе сил подняться наверх и чем-то заняться. Зато поймал себя на мысли о чаепитии по соседству, о двух девушках, молодом человеке и о двух женщинах постарше в красивых летних платьях, таких непохожих на Эстер Кловис и его сестру Гертруду, безвкусно одетых, сыплющих антропологическими сплетнями и пустыми фразами. Почему он не пригласил соседей на коктейль? Потому что это не в его духе — вот, наверное, почему. Сегодня вечером слишком жарко прятаться под маской, и он чувствовал себя беззащитным, точно проходящие мимо люди могли заглянуть в окно и

увидеть, как он сидит без дела. Его рука потянулась к тому краю стола, где он сложил стопками списки публикаций различных ученых обществ и институтов, а еще карты вин одного-двух магазинов. Он почитает то или другое по настроению, чтобы по-разному освежиться. В это мгновение, когда сгущались сумерки, от груды чужих антропологических трудов на него пахнуло чем-то противным и саднящим, поэтому он обратился к карте вин и нашел утешение в волшебной фразе: «Дайдесхайм реннпфад рислинг Ауслезе… 67/6 за бутылку». Название как будто подходило к девушкам в саду, к голосам и смеху, доносившимся из-за изгороди. Он не смог подобрать вино к собственному безвкусному чаепитию, к своей сестре и к отцу Джемини, которые демонстрировали друг другу нечто, именуемое ими «горловым пением».

8

Лето шло, и Эстер Кловис стала уже подумывать, что профессору Мейнуорингу давно бы пора заняться распределением грантов из фонда Форсайта. В том, как велись дела центра, чувствовался душок легкой неправильности, отклонения от нормы, и иногда она ловила себя на мысли, достаточно ли на самом деле денег на заявленные цели. Неопределенность и неупорядоченность в делах фонда внушали тревогу, и, дожидаясь в исследовательском центре прихода профессора, она твердо решила получить от него четкий ответ. Чтобы не терять даром время, она открыла кое-какие заявки и испытала вдруг непривычную нежность к молодым соискателям, которая несколько вывела ее из равновесия. Резюме, оценки, сведения о прослушанных курсах показались вдруг трогательно жалкими, а планы предлагаемых исследований — мелкими и наивными. Такого она раньше не испытывала, и зародилось это чувство, похоже, в тот день, когда она разбирала свои оттиски и вспомнила бедного Германа Обста и сцену в испанском саду. Интересно, а ее

подруга Гертруда хоть когда-нибудь испытывала нежные чувства? Однажды вечером, когда они препирались о том, кому готовить ужин, Эстер вдруг сказала, что ей ни малейшего дела нет до придыханий в «к», «т» и «б» — любопытной особенности языка, который в тот момент изучала Гертруда. Разумеется, они помирились — на свой грубоватый лад, но такое случилось, и это было самое удивительное.

Профессор Мейнуоринг вошел в ее кабинет, размахивая письмом. Он был сама элегантность в летнем костюме американского фасона и со свежеподстриженной бородой.

— Что вы вот об этом думаете? — воспросил он.

— О чем вы? А, понимаю, письмо от Минни Форсайт. Она беспокоится за свои деньги?

— Нет, дело не совсем в этом. Она возражает против статьи, которую Фэрфекс написал для одного научного журнала. Я послал его ей, потому что в том номере была заметка о нашем фуршете.

— Вот как? — Мисс Кловис посмотрела на него озадаченно. — Интересно, что это за статья? Я-то не помню ничего такого, что могло бы ее оскорбить.

— О, ничего личного, просто она сочла статью Фэрфекса непристойной.

— Непристойной?! — Мисс Кловис возмущенно выплюнула глупое слово. — Но это же совершенно непредвзятый доклад о церемониях инициации в племени, которое он изучал: уединение мальчиков и девочек в буше, исход оттуда, танцы и свобода определенных форм поведения, с подстрочным, грубо-приблизительным переводом текстов песен…

— Очевидно, перевод Фэрфекса был слишком грубым, — хмыкнул профессор Мейнуоринг. — Нам надо помнить, что наша патронесса не антрополог.

— Что она говорит?

Профессор Мейнуоринг протянул ей письмо, и Эстер прочла такие выражения, как «глубоко встревожена», «крайне шокирующе», «неприятные подробности».

— Она явно понятия не имеет, как важно, чтобы была известна каждая подробность, — без обиняков заявила мисс Кловис.

— Именно, именно, но мне действительно кажется, что в данном случае Фэрфекс проявил чуть больше рвения, чем следует. И какая жалость, что у него так плохо с латынью!

— Тут как будто есть кое-какие латинские фразы, — сказала мисс Кловис, листая статью.

— Да, он знает ad hoc[12] и primus inter pares[13]. Столько-то он усвоил в своем «университете из красного кирпича»[14]. — Здесь у профессора прорвался снобизм выпускника Баллиола. — Он не из Оксфорда, знаете ли, и даже не из Кембриджа. Все, что расстроило бедную Минни, можно было бы изложить на латыни, и она была бы вполне удовлетворена. Некоторые женщины питают больший пиетет к древним языкам. Да, да. — Профессор Мейнуоринг потянул себя за бороду и принялся расхаживать по кабинету. — Латынь Петрония Арбитра или любого из латинских поэтов Серебряного века… — Он испустил экстравагантный вздох, точно мыслями перенесся в те дни элегантного декаданса. — Я бы очень миленько обратил все в латынь, если бы только Фэрфекс со мной посоветовался, но, разумеется,

---

[12] Примечания: 12

В данном случае (*лат.*).

[13] Примечания: 13

Первый среди равных (*лат.*).

[14] Примечания: 14

Университет из красного кирпича — обобщенное название шести университетов в крупных промышленных городах Англии, основанных на базе технических колледжей; в первой половине XX в. термин имел пренебрежительную окраску.

куда ему. Боюсь, бедняге это даже в голову не пришло. Джарвис приятный малый, но смирения среди его добродетелей не числится.

— Странное, однако, применение для латыни, — задумчиво произнесла мисс Кловис, — только ради того, чтобы постараться не оскорбить тех, кто скорее всего вообще ее не понимает. Наверное, и греческий можно пустить в ход.

— Так всегда и делали. В моей собственной монографии о некоторых мало распространенных отношениях в примитивном обществе было много греческого, и, полагаю, для большинства он обернулся истинной тарабарщиной. Разве я не дарил вам оттиск? Кажется, статья вышла в девятьсот одиннадцатом или девятьсот двенадцатом.

— Нет, не дарили.

Мисс Кловис решила, что нет необходимости объяснять, что в то время ей было восемь или девять лет.

— Так обязательно подарю. Кажется, у меня еще несколько экземпляров осталось. Теперь к делу. Я напишу Минни и сделаю, что смогу. Возможно, обед и спектакль или ложа в Ковент-гарден. Знаю, она любит оперу.

— В нынешнем сезоне прекрасная постановка

«Аиды», — предложила мисс Кловис.

— Нет, такую лучше не надо. Ничего, где есть негры или темнокожие, постараемся пока ее от этого отвлечь. «Мадам Баттерфляй» тоже может навести на мысль о недостойном поведении антропологов в экспедиции…

Профессор Мейнуоринг как будто вошел во вкус, подбирая подходящие и неподходящие оперы, и мисс Кловис была вынуждена довольно резко вернуть его к реальности.

— Надо что-то решать с форсайтовскими грантами, — сказала она.

— О, тут все под контролем. Вы заметили, что Минни хочет нанести нам новый визит? Нужно постараться произвести особенно хорошее впечатление. Так вот, та маленькая комната на первом этаже… она показалась мне довольно голой, когда я на днях туда заглянул… не вполне достойной.

— Она действительно голая, — отрезала мисс Кловис. — Там вообще ничего нет, кроме вешалки для шляп в виде рогов, которую вы нам подарили.

— Как по-вашему, посетители там шляпы оставляют? — заинтересованно спросил профессор. — Я заметил, многие молодые антропологи

вообще не носят шляп. Возможно, им нравится чувствовать легкий ветерок в волосах. «По волнам, по волнам Тонгчипололипам-пам», — весело пропел он. — Кажется, река есть такая где-то в Судане, если память мне не изменяет. Как насчет дивана из конского волоса? Если он вам тут не нужен, то займет уйму места, и, не сомневаюсь, у вас найдется какой-нибудь стол и пара стульев, без которых можно обойтись. У меня дома есть отличный буфет красного дерева, безобразен до ужаса, но дерево очень хорошее.

— Не уверена, что буфет подойдет.

— Пожалуй, вы правы. Не то посетители сочтут, что мы должны еду туда выставлять. Просто нельзя же, чтобы дорогая Минни решила, будто мы растратили ее деньги, сняв дом больше, чем необходимо.

— Комнату я как-нибудь обставлю, — пообещала мисс Кловис. — Так как насчет грантов на исследования? Заявки лежат уже довольно давно.

— И я над ними размышлял. Думаю, приятно было бы пригласить кандидатов ко мне домой на уикенд, понимаете. Мне подумалось, это даст побольше, чем обычное собеседование.

— Возможно, вы правы, — с сомнением отозва-

лась мисс Кловис.

Когда профессор ушел, она решила, не откладывая, переставить диван, а потому, пока не забыла, сходила в библиотеку посмотреть, не найдется ли там пара крепких молодых читателей. Брэндона Пербрайта и Жан-Пьера ле Россиньоля она отвергла как слишком элегантно одетых для перетаскивания мебели, а маленький, нервического вида священник был для такой задачи слишком хрупким. Очевидными кандидатами оставались надежные англичане, Марк Пенфолд и Дигби Фокс. Она таинственно поманила их к себе. Вид у обоих сделался удивленным, и они помешкали, но наконец один вытолкнул другого вперед, и к двери они подошли вместе.

— Хотелось бы вам подвигать кое-какую мебель? — дружеским тоном спросила мисс Кловис.

По счастью, честный ответ не сразу сорвался у них с языка, а Дигби даже сумел промямлить, мол, они будут просто счастливы. Вот так и обернулось, что они теперь пытались протащить неуклюжую громадину дивана по узкой лестнице.

— Как по-твоему, диван другой наш планчик заменит? — прохрипел Марк, когда они остано-

вились отдохнуть на трудном повороте.

— Какой еще планчик?

— Ну, помнишь, про ленч.

— А, это. Возможно, но, по-моему, благодаря ленчу мы лучше запомнимся. В конце концов, если ты платишь за съеденное, люди тебе вроде как обязаны.

— Да? Жаль, девушки это плохо понимают, — горько сказал Марк.

— Ты говоришь так, точно вечно водишь куда-нибудь девушек и покупаешь им еду. Не помню, чтобы на моей памяти такое случалось.

— Давай не отклоняться от темы. Ты пригласишь мисс Кловис или я?

— Вместе, вот что главное.

В этот момент, как часто случается, когда два человека несут тяжелый и неуклюжий предмет, обоих обуял смех, так что им пришлось сесть на ступеньки, зажав между собой диван.

— Наверное, вверх ногами было бы проще, — отдуваясь, сказал Дигби. — Слушай, его надо занести в ту комнатенку. Интересно, зачем?

— Не наше дело гадать, — чопорно откликнулся Марк. — Давай немного почистимся, а потом пойдем пригласим мисс Кловис.

К двери ее кабинета они подошли несколько

нервозно и через порог как будто ввалились разом.

— Мы вот что хотели спросить, мисс Кловис, не желаете ли как-нибудь пойти с нами на ленч? — невнятно и сбивчиво протараторил Марк.

— На ленч? — удивилась мисс Кловис. — Как мило с вашей стороны.

— Когда вы будете свободны? — спросил Дигби.

— Да хоть сегодня и даже сейчас. — Она посмотрела на часы. — Никогда не надо откладывать. Уже почти половина первого.

— О, прекрасно, — отозвался Марк, размышляя, есть ли у Дигби при себе деньги.

Они и подумать не могли, что она так резво примет их приглашение. Более того, им казалось, что чуть поближе к тому времени, когда комитет будет решать судьбу форсайтовских грантов, было бы куда уместнее.

Когда они вышли на улицу, с другого ее конца как раз приближалась высокая и сухопарая мисс Лидгейт. Мисс Лидгейт окликнула их и помахала, так что пришлось остановиться и подождать, пока она перейдет улицу.

— Пошли с нами, Гертруда, — предложила мисс Кловис. — Мы собираемся на ленч.

Марк и Дигби в оцепенении переглянулись. Такого они совсем не планировали.

— У меня есть почти фунт, — пробормотал Дигби.

— А у меня только три шиллинга, — сказал Марк. — Думаю, вдвоем как-нибудь справимся. Куда бы вы хотели пойти, мисс Кловис? — спросил он, повышая голос. — У вас есть поблизости любимый ресторан?

— Дайте подумать. — Задумчивость мисс Кловис приобрела зловеще серьезный характер. — Тут так много разных. Куда-то, где порции будут побольше, конечно. Что скажешь, Гертруда?

— Здесь довольно неплохо, — сказала она, останавливаясь перед более или менее скромным с виду рестораном, у входа в который висело меню.

Читая его, Дигби, к облегчению своему, обнаружил, что и цены тут скромные. Он понадеялся, что у Марка хватит ума заказать «Сосиску в тесте (2/2)» или «Тушеные потрошка (2/0)», а не бросаться в омут, нацелившись на «Стейк с жареным картофелем (5/6)». Он предположил, что Кловис с Лидгейт захотят именно это блюдо. Они похожи на женщин, которые едят мясо с кровью, обиженно думал он.

Внутри ресторанчик был полон деловых людей, перешучивавшихся с официантками. Марк предусмотрительно выбрал столик, который обслуживала самая хорошенькая девушка — на случай, неопределенно подумал он, если возникнут проблемы со счетом. Такая, вероятнее всего, позволит занести деньги попозже. В залог он может оставить часы.

— Ну вот, — изрекла мисс Кловис, на самую малость опередив Дигби, который намеревался сказать то же самое, — что закажем?

— Наверное, вы сначала захотите суп или закуски? — галантно ввернул Марк.

— Нет, пожалуй. Что вы будете?

Она повернулась к Марку, который как раз напряженно изучал меню. Он переплюнул даже Дигби, обнаружив в самом низу страницы «Макароны с сыром (1/9)».

— Рыбу и мясо я не слишком люблю, поэтому от меня вам будет мало толку.

Дигби глянул на него удивленно.

— Вы вегетарианец? — заинтересованно спросила мисс Лидгейт. — Я питаю к ним большую симпатию, хотя сама к вегетарианцам не отношусь.

— Не совсем, — промямлил Марк. — Мясо я

сегодня уже ел. И вообще я, что называется, малоежка.

— А мы как раз наоборот, — весело сказала мисс Кловис. — Думаю, я возьму стейк с жареным картофелем и, возможно, еще каких-нибудь овощей, пожалуй, фасоль.

— Да, и я тоже, — согласилась мисс Лидгейт. — А в чем секрет изготовления КАРТОФЕЛЬНЫХ ЧИПСОВ? — Ее и без того обычно громкий голос словно бы взмыл и стал слышен на весь ресторан. — Картофель в сечении КРУГЛЫЙ ИЛИ ОВАЛЬНЫЙ, а чипсы — ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ? НЕ ПОНИМАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ.

— Думаю, режут картошку на толстые ломтики, а потом нарезают соломкой, — сказал Дигби. — Моя мама так делает.

— Ах вот как? Надо бы запомнить… сначала толстые ломтики, потом соломка. А что вы собираетесь заказывать?

— Мне тушеные потрошка, — поспешно и с отвращением выдавил Дигби.

— Я считаю, вам, мальчики, лучше съесть что-то попитательнее после тяжких трудов по перетаскиванию дивана, — посоветовала мисс Кловис, — но, полагаю, вам лучше знать. Дальше, что будем пить?

— О… да, что бы вы хотели? — вежливо спросил Дигби.

— «Гиннес» очень тонизирует, давайте возьмем его.

— Пожалуй, я предпочту лимонный оранжад, — сказала мисс Лидгейт.

Это уже легче, пусть и ненамного, подумал Дигби, заверяя мисс Кловис, что они с Марком алкоголь среди дня не употребляют.

— Мне кажется, нехорошо приходить в научное общество или в библиотеку с запахом алкоголя, — в самой чопорной своей манере поддержал его Марк. — Можно создать ложное впечатление.

— Об этом я никогда не думала, — отозвалась мисс Кловис, отпивая темного пенистого напитка. — Полагаю, никто и не заметит. Разумеется, библиотекарям можно пахнуть спиртным, — весело добавила она.

— Конечно, конечно, — с энтузиазмом согласился Дигби. — Но, понимаете, мы в ином положении, нас больше видно, так сказать. Нам кажется, мы должны вести себя примерно.

— Уверена, вы всегда ведете себя примерно, — с необычной теплотой отозвалась мисс Кловис. — Сегодня утром вы мне очень помогли.

Молодые люди просияли. Когда с основными

блюдами было покончено, заказали десерт: мисс Кловис и мисс Лидгейт «Яблочный пирог с мороженым (1/6)», а Марк с Дигби заявили, что просто обожают «Желе (0/6)». После дамы выпили кофе, но молодые люди отказались.

— Не то не заснем на лекции доктора де Вера, — пошутил Дигби.

— Такого никак нельзя допустить! — хохотнула мисс Кловис.

Принесли счет, и Дигби вынул свою фунтовую банкноту, но мисс Кловис, оттолкнув его руку, первой схватила счет.

— Мне и во сне бы не приснилось позволить вам заплатить, — возмущенно сказала она. — Мы вас угощаем, верно, Гертруда?

— Конечно, — согласилась мисс Лидгейт. — Нельзя ожидать, чтобы молодые люди приглашали женщин средних лет на ленч.

— Вы очень добры, — не зная, как реагировать, промямлил Дигби.

— Ленч в вашем обществе большая честь, — с трудом выдавил Марк. — Но мы правда намеревались вас пригласить, — добавил он, думая про три шиллинга у себя в кармане.

На улицу они вышли вместе. Как оказалось, мисс Кловис и мисс Лидгейт собираются за по-

купками, поэтому Марк и Дигби вскоре остались одни.

— А я тебя таким и не знал, — сказал Дигби, со смехом поворачиваясь к другу. — Не пьешь и мясного не ешь. Надо же, какая возвышенная натура!

— Да уж, не совсем так, как ожидали, получилось, а? И все-таки это не наша вина, и думаю, в целом мы произвели неплохое впечатление. Мне кажется, завязали почти дружеские отношения.

— Да, если таковые возможны между молодым человеком и женщиной средних лет, но впредь надо быть поосторожнее. Жаль, правда, что я заранее не знал, что они за ленч заплатят.

— Да, и я макароны с сыром не выбрал бы.

— Что ж, — сказал Дигби, останавливаясь у стеклянных дверей паба, — у нас остались деньги, которые мы решили потратить на ленч.

Вскоре их поглотила теплая дымная атмосфера, и полчаса спустя они решили, что идти на лекцию де Вера, возможно, нет смысла.

9

— Знаешь, Том, — окликнула с кухни Кэтрин, — а ведь лавровый лист, который я кладу в boeuf à la mode[15], сорван в саду дома, где родился Томас Харди.

Ответа она не ожидала, и его действительно не последовало от Тома, который сидел, сгорбившись над пишущей машинкой. Поэтому она продолжала словно себе самой:

— Интересно, не совершаю ли я преступления, изводя его на готовку? Возможно, его следовало бы спрятать между страниц «Джуда Незаметного» или в томик стихов — это было бы более уместно. Иногда мне кажется, что печальные пары, про которые он пишет, немного похожи на нас. Интересно, когда я состарюсь, ты предложишь мне руку дружбы, чтобы вместе спускаться с безотрадного холма жизни, или что там у него было? Предложишь? — спросила она громче.

— Понятия не имею, о чем ты, дружок, — рассеянно отозвался Том.

Кэтрин молча вернулась к мясу. Какое же сча-

---

[15] Примечания: 15
Маринованное мясо, которое затем тушится куском (*фр.*).

стье получить от мясника настоящую телячью ногу, думала она, а не жульничать, добавляя желатин. Мелочи жизни так часто значат больше великих материй, решила она, спросив себя, а сколько еще писателей и философов говорили это до нее: тривиальные удовольствия вроде готовки, собственного дома, коротких стихотворений, особенно грустных, одиноких прогулок, забавных картинок или фраз, какие случайно видишь или слышишь. Долгое отсутствие Тома заставило ее замкнуться на себе и собственных ресурсах, которые всегда были значительными. За полтора года врозь они еще повзрослели, еще больше стали самими собой, так что теперь казались более чужими друг другу, чем когда только познакомились.

Она отнесла ему бокал шерри.

— Возьми, это тебя подбодрит. Как продвигается?

— Так себе.

— Мне очень жаль. Она — как престарелая родственница, которая никак не съедет, я про твою диссертацию. Правда прекрасно будет, когда закончишь? Можно будет сказать, что она мертва — возможно, призвана в высшие сферы, — и устроить ей роскошные похороны.

— Тебе обязательно все превращать в шутку, Кэтти?

— Прости, я очень нехорошая девочка, — серьезно ответила она. — Я правда тебе сочувствую.

Встав из-за стола, Том начал расхаживать по комнате.

— Самое худшее в том, что я, похоже, утратил веру.

И тут же в голове у Кэтрин возникла картинка (разумеется, дагерротип в сепии): викторианский джентльмен в высоком воротнике и с бакенбардами, чье мировоззрение подорвано Дарвином и рационалистами. Но она постаралась прогнать видение и сказала утешительно:

— Я и не знала, что у тебя есть вера, во всяком случае такая, какую теряют, так что на твоем месте я бы не волновалась.

— Я про веру в антропологию, — ответил он довольно раздраженно.

— Ах, это! — Слова вырвались у нее прежде, чем она успела прикусить язык. — Но что вообще такое вера в антропологию? Я и не знала, что у людей такое бывает.

— Ну, возможно, не в общепринятом смысле. Но просто иногда я спрашиваю себя, какой во всем этом смысл. Кому есть польза от моей работы и

в чем, собственно, суть моих исследований? Мое племя станет там счастливее от того, что мне случилось обнаружить у них систему двойного ведения родства? Кому будет лучше от того, что я установил новые факты о значимости роли брата со стороны матери?

Остановившись, Том по-прокурорски навис над Кэтрин.

А она ощутила бесполезность женщин вообще, если они не способны понимать, чем занят мужчина, или чтить этот труд, впрочем, даже если способны тоже.

— После твоих слов я сама кажусь себе персонажем Мильтона, — с вызовом возразила она. — Когда ты так надо мной нависаешь… Это как… Ну? «Потерянный рай», наверное, Адам и Ева.

— Ты никогда даже не пыталась понять, — произнес он отчужденным тоном, который ранил больнее гнева.

— Ох, Том! — запротестовала она. — Ты же знаешь, я пыталась читать твои книги, но не смогла их осилить. Наверное, я слишком глупа, — добавила она с ноткой удивления. — Но, по всей очевидности, как раз это тебе подходит.

— Я уже не уверен. Иногда мне кажется, что

надо было остаться дома и помогать Джайлсу с матерью управляться по поместью. Хоть какая-то польза от меня была бы.

Они вместе сели на диван, и Кэтрин обняла его, размышляя: а что делали викторианские жены и матери, когда их мужчины утрачивали веру? На ум ей праздно пришли Мэтью Арнольд и последние строки «Дуврского берега».

— «Останемся верны друг другу», — тихонько произнесла она.

Том посмотрел на нее ошарашенно. Ну, да, в последнее время он часто виделся с Дейдре, но далеко у них не заходило.

— С чего это ты так сказала? — нервно спросил он.

— Просто процитировала. Ты, наверное, помнишь, что там дальше… что-то про мир, «лишенный любви и света, помощи извне» и…

И нас с тобою путанным и бурным
Потоком унесло во тьму полей,
Где пылко бьются рати дикарей[16].

— А, понимаю, — проворчал он. — Но, по-моему, от твоих викторианских поэтов в наше время

---

[16] Примечания: 16
Перевод В. Платонича.

мало толку.

— А ведь стихотворение-то не утешительное, — нетерпеливо возразила она. — И не задумывалось как таковое. У людей зачастую возникают престранные представления о викторианцах.

— Ладно, — улыбнулся он, — расскажи, какие верные?

— Может, пойдем куда-нибудь поедим? — предложила Кэтрин, чувствуя, что викторианские женщины, несомненно, поставили бы на стол что-нибудь съестное для своих разуверившихся мужчин. — Мясу еще несколько часов тушиться.

— Хорошая мысль. Побольше еды и выпивки.

За вкусным обедом в кипрском ресторанчике напротив время пролетело приятно и незаметно. Кэтрин поймала себя на том, что вспоминала его несколько дней спустя, когда медленно плелась домой, потому что продуктовая сумка у нее была набита экзотической снедью, которую она накупила в Сохо. Она решила зайти в ресторанчик за бутылкой вина. Для ужина еще слишком рано, и в зале было почти пусто, если не считать темноволосой женщины с золотыми зубами, которая болтала на греческом, и погруженной в беседу пары за столиком, куда обычно садились они с Томом.

— Добрый вечер, мисс Катерина, — приветствовал ее на греческий манер старый толстый официант. — Мистер Том сегодня рано.

— И то правда, — отозвалась Кэтрин.

Теперь, узнав в паре в уголке Тома и Дейдре, она ровным счетом ничего не испытывала, даже особого удивления. Она же подозревала, что иногда они вместе куда-то ходят, так почему бы и не сюда? Она стояла совершенно неподвижно, дожидаясь, когда принесут ее бутылку вина, глядя на руку Тома на клетчатой скатерти в пятнах чужих обедов и на то, как поверх нее утешающе ложится рука Дейдре.

Он рассказывает ей про свою утраченную веру, думала Кэтрин, а она, бедная девочка, мучается вопросом, как, скажите на милость, на это реагировать. Ужасно будет, если она тоже процитирует «Дуврский берег», — Том тогда решит, что все женщины одинаковы. Но знают ли девятнадцатилетние девочки Мэтью Арнольда, да и вообще его сегодня читают?

Официант принес бутылку дешевого красного вина, которое обычно покупала Кэтрин. Рассеянно забрав ее, она протянула банкноту в десять шиллингов.

Рука Дейдре все еще лежала на руке Тома. Му-

сака у них, наверное, стынет, подумала Кэтрин, а потом взяла себя в руки, ужаснувшись сардонической отстраненности, с которой за ними наблюдала. Когда ей принесли сдачу, она поспешила прочь, поднялась к себе в квартиру, бросила там покупки и вино и снова выбежала, понятия не имея, куда направляется. Я — не одна из тех замечательных женщин, которые могут просто пойти домой, съесть яйцо вкрутую, заварить чай и быть ослепительно на высоте, думала она, но как здорово быть такой! Она с тоской подумала, как же ей самой хотелось бы такой быть. Но есть или должна найтись какая-нибудь милая подруга, одноклассница, к которой можно убежать… Такая, которая живет в меблированной комнате, которая начала бы суетиться, готовя яичницу и кофе на газовой плитке, а после села бы, готовая выслушивать душевные излияния… Кэтрин с сожалением подумала о всех тех людях, с которыми намеревалась поддерживать связь, и с толикой стыда о тех, кого отвергла как скучных. Почему-то те женщины, кого она встречала по работе, не относились к разряду милых с газовой плиткой, да и вообще почти все были замужем. Наверное, мама и тетка Дейдре умеют утешать, но не может же она к ним поехать. Тем не менее голод давал

о себе знать. Оставалось только направиться в огромную столовую, где люди сами накладывают себе всякую всячину, поскольку для чая уже слишком поздно, а для ужина слишком рано. Но сколько же душ (о них она подумала фразой из сборника церковных гимнов) едят здесь в неурочное время!

Кэтрин набрала себе поднос всякой всячины: валлийскую гренку с сыром, хлеб с маслом, пирожок в форме лодочки — и устроилась за столиком, где уже сидели две женщины. Расслабившись, она поплыла по волнам их разговора, который казался нескончаемым.

По всей очевидности, они работали в одной конторе, поскольку начали обсуждать начальника, как он пришел и потребовал, чтобы что-то там было сделано к половине шестого, а это, естественно, невозможно. Кэтрин воображала, что начальников всегда обсуждают, и ее больше заинтересовали недостатки той их коллеги, которая только что уволилась и в чьей картотечной системе черт ногу сломит.

— Ни за что не догадаешься, на какую букву она это поставила! — заявила одна тоном победного предвкушения.

— И пытаться не буду, — ответила другая,

подыгрывая товарке.

— На «Р». «Р» для «Разное», полагаю! Ну слышала ли ты когда такую нелепицу?

— Я всегда считаю, что перекрестных ссылок мало не бывает. Когда я уйду, ни малейших трудностей с поиском не возникнет.

А вот и нет, возникнет, думала Кэтрин. Вникнуть в чужую картотечную систему делопроизводства так же сложно, как понять другого человека. Только решаешь, что знаешь про него все, как случается невероятное: «Р» для «Разного», когда, естественно, предполагаешь, что будет на какую-то другую букву.

Тут она сообразила, что ее соседки по столу перешли к другой теме, судя по всему, к церковным или приходским делам.

— Пастор… Ну очень молодой человек и не всегда одевается согласно сану, как будто он и не духовное лицо вовсе. — Это говорила женщина, которую Кэтрин мысленно окрестила Черной Тараканихой, вторая стала Леопардовой Шляпкой.

— Конечно, — продолжала Тараканиха, — в другой церкви, то есть в англо-католической, служит старик. Жалко, что в англиканской церкви молодые не попадаются, такое ощущение, что там все старые, ты не замечала?

— Ну, юность еще не все, — отвечала Леопардовая Шляпка. — Молодые иногда бывают чуточку стеснительны или неуклюжи. И даже старые были когда-то молоды.

— Тут я с тобой согласна. Но их молодость в прошлом. А вот мне хотелось бы знать, куда деваются те, кого только что рукоположили. Их-то кто получает? — взвился голос возмущенной Тараканихи.

За электрический орган, которого Кэтрин раньше не замечала, села деловитая женщина в сшитом на заказ костюме. Звуки органа, мурлычащие, паточно-тягучие и одновременно пружинистые, смешались с пресными голосами Тараканихи и Леопардовой Шляпки в сущий звуковой кошмар.

Кэтрин больше не могла этого выносить, и кофе как будто не предвиделось.

— Простите, кофе тут подают? — спросила она Тараканиху.

— О да, кофе обносят. Но до семи часов его не ждите.

Кэтрин было задумалась над странностью происходящего. Значит, еще нет семи. Как ей убить вечер? Пойдут ли Том с Дейдре к ней в квартиру? Довольно очевидное место, если хочешь и даль-

ше мирно держаться за руки. Мужчин считают бесчувственными, но, возможно, так только кажется из-за вымученной деликатности женщин, которые удушают своих мужчин облаком сентиментальных ассоциаций: наша песня, наше стихотворение, наш ресторан, — пока наконец те не начнут рваться на свободу, как птицы, попавшие в ловушку под черными шнурами сетки на грядке с клубникой, думала она, на ходу меняя метафору. Но ведь и она сама считала тот ресторанчик их с Томом, и ей только теперь пришло в голову, что он просто оказался поблизости, к тому же дешевым, не более того.

Молодой человек в белой куртке налил ей в чашку ароматную жидкость. Чашку она приняла с благодарностью и смирением. Или, точнее, покорностью судьбе. Напиток был крепким и горьким, почти как лекарство, и с каждым глотком она чувствовала, как ей от него становится лучше. Чай, размышляла она, полезнее для здоровья, чем алкоголь, и дешевле, и, наверное, тысячам людей это известно.

— Основательно же вам заварили, — вполне дружелюбно сказала Тараканиха.

— Да, крепко, — откликнулась Кэтрин. — Иногда бывает необходимо.

— Простите, что спрашиваю, — вмешалась Леопардовая Шляпка, — но было ли… может, вы… может, вы недавно кого-то утратили? — скороговоркой выпалила она наконец.

— Я? Нет, не совсем, — смешалась Кэтрин.

— Просто на вас черное платье и гагатовые серьги… простите, что упомянула.

— Ничего страшного. В конце концов, это вполне могло бы быть правдой.

— Да, нужно ко всему быть готовой, — сказала Леопардовая Шляпка. — Моя подруга, — кивнула она на Тараканиху, — только что потеряла мать.

— Мне так жаль…

Кэтрин с удивлением посмотрела на Тараканиху и подумала, как странно, что у женщины, по виду ее ровесницы, еще совсем недавно была жива мать.

— Теперь, когда мамы нет, я смогу ходить в конгрегационалистскую церковь, — доверительно сообщила Тараканиха. — Пастором там совсем молодой человек, и он не всегда одевается как пастор. Конечно, в другой церкви, в англо-католической, служит старик…

Кэтрин вскочила — довольно резко. На время разрушенный крепким чаем кошмар как будто возвращался. Интересно, сколько они тут будут

сидеть, обсуждая возраст служителей церкви, и выяснят ли когда-нибудь, кому достаются только что рукоположенные?

— Извините меня, пожалуйста, — сказала она. — Мне пора идти. Доброго вам вечера.

Теперь, когда мамы нет… Да, печальная утрата, но теперь она хотя бы может ходить в церковь, которую сама выбрала. Если Том уйдет, Кэтрин тоже будет свободна, но никакое утешение конгрегационалистской церкви и молодого пастора ее не ждет. Она вообразила себе, как пастор стоит у двери после вечерней службы, пожимает выходящим прихожанам руки, может, находит особое словцо для тех, кто недавно понес утрату…

Подняв глаза на окна квартиры, она не заметила там признаков жизни, хотя и не знала в точности, ожидала ли их увидеть. В гостиной письменный стол был завален страницами неряшливой машинописи Тома. Подобрав одну, она прочла предложение, начинавшееся словами: «В преддверии моей второй экспедиции». Ей вспомнилось, как она предложила упростить оборот, но он ее не послушал. Наверное, мы любим людей такими, какие они есть, а не такими, какими надеемся их сделать, подумала Кэтрин, прижимая страницу к щеке. Она бесцельно

побродила по комнате, глядя, как сгущаются сумерки, и спрашивая себя, сидят ли до сих пор Том с Дейдре в ресторанчике. Вполне возможно, ведь еще не слишком поздно, и, учитывая, сколько они держатся за руки, неизвестно, когда они доедят. Возможно, потом они пойдут гулять в парк. Том, как правило, природу не жаловал, но Кэтрин знала, что на ранней стадии влюбленности люди часто ведут себя нехарактерным образом.

Тут она вспомнила, что сама за ужином кофе не получила, поэтому, сварив себе чашку, устроилась за собственной машинкой на столике у окна. В машинку, как всегда, была заправлена до половины написанная страница, брошенная посреди фразы, так что она смогла продолжать с места в карьер, дополняя французский фон рассказа, в котором у двоих незнакомцев, которые скоро станут героем и героиней, между поездами оказывается три часа свободного времени и они выходят с вокзала на площадь маленького французского городка. Они сидят на скамейке и смотрят на бело-розовые олеандры, болтают под звуки далекого военного оркестра… Кэтрин так увлеклась, что не заметила, как прошло почти два часа. Только неожиданно услышав на лестнице шаги, она обнаружила, что Том заглядывает

ей через плечо.

— Привет, — улыбнулась она рассеянно, поскольку мыслями все еще была далеко. — Хорошо провел вечер?

— Да, спасибо. Но я, пожалуй, голоден.

— Ты, наверное, рано поел, — беспечно сказала Кэтрин. — Да и я, если уж на то пошло. Давай приготовлю омлет, а?

Пока она готовила, Том достал из кармана листок, прочел его и спросил:

— Ты знаешь, кто такая Шахерезада, Кэтти?

— Вот забавный вопрос! Одна арабская рабыня, кажется, которая без конца рассказывала султану сказки и все продолжала и продолжала, потому что, если бы не дразнила его любопытство, он на следующее утро приказал бы отрубить ей голову.

— Понимаю. Именно это ты очень неплохо умеешь, не каждому такое дано.

Кэтрин чувствовала, что при этих словах он улыбается. Приготовив два омлета, Кэтрин принесла тарелки на столик, сдвинув на край пишущую машинку.

Какое-то время они ели молча, потом Том сказал немного натянуто:

— Быть женатым, наверное, довольно уютно. В

каком-то смысле.

— В каком именно? — поинтересовалась Кэтрин, не желая ему помогать, поскольку у нее не было настроения абстрактно рассуждать о браке.

— Ну, когда человек все время тут, понимаешь… То же лицо на подушке и за завтраком, а потом вечером, когда возвращаешься домой.

— С твоих слов выходит ужасно депрессивно, точно вопрос только в том, чтобы все время иметь рядом одно и то же лицо.

— Вот и у меня порой такое же ощущение… — уцепился за ее ответ Том. — То есть может прийти время…

— Когда захочешь увидеть другое лицо, — подхватила Кэтрин.

— Ну, может, не все время, а иногда.

— К несчастью, мы пока не научились как следует с этим справляться, — откликнулась Кэтрин. — Две жены или две подружки требуют уйму времени, сноровки и даже денег, иначе не справиться, а тебе, не забывай, еще диссертацию надо закончить.

— Ох, слишком уж ты чуткая, чересчур хорошо все понимаешь.

— Так ведь и понимать особо нечего, верно?

— Она кажется такой несчастной, наверное, в этом все дело, — недоуменно произнес Том. — В каком-то смысле я чувствую, что она во мне нуждается, а мужчине иногда приятно это чувствовать.

— Конечно, приятно, — согласилась Кэтрин. — Вот что, похоже, скверно в современной жизни: женщины считают, что им все по плечу и что мужчины без них не обойдутся. В былые времена, — она улыбнулась собственному обороту, — было совсем иначе, так мы во всяком случае воображаем. Или женщины были тогда дипломатичнее?

— Она живет в унылом доме в заурядном предместье, где никто ее по-настоящему не понимает, — продолжал Том. — Да, да, согласен, съездить туда на чай было очень приятно…

— Так мы про Дейдре говорим?

Вид у Тома сделался удивленный.

— Ну, конечно. А о ком еще, по-твоему?

— Не знаю, но такое впечатление, что по ходу написания диссертации ты знакомишься с уймой девушек. Откуда мне знать, кого из них ты предпочитаешь держать за руку в ресторане? Кстати, надеюсь, блюдо подали вкусное? Сам ведь знаешь, ужин там раз на раз не приходится.

Она бросила на него насмешливый взгляд, а он подумал, как отличаются ее веселые ехидные серые глаза от напряженных карих глаз Дейдре, в которых сквозит спаниелья преданность. Беда была в том, что они обе ему нравились, возможно, он даже любил обеих. Том начал было складывать фразу о полигамии, о том, что примитивные общества, пожалуй, лучше устроены, чем наша собственная цивилизация, но еще один взгляд Кэтрин его остановил.

— Да, я действительно вас видела. И как же нам, Том, поступить? С практической точки зрения? Ты не можешь привести ее сюда жить, понимаешь ли. Ее матери и тетке это не понравится, да и вообще здесь места нет.

— Да, пожалуй, нет, — согласился Том, точно всерьез обдумывал, не поселить ли Дейдре у Кэтрин. — Может, мне стоит обосноваться у Марка с Дигби.

— Ах, Том, в той заплесневелой развалюхе у железной дороги, да еще с жутким гейзером в ванной!

— Могу и там диссертацию заканчивать, какая разница, — довольно сухо ответил Том.

— А, с милой рай и в шалаше, да? Теперь понимаю, что имел в виду Донн, когда писал, что

любовь совьет себе гнездо повсюду. Ну и маленькое, захудалое же это будет гнездышко! — Она рассмеялась — не вполне искренне.

— Не надо, Кэтти, пожалуйста. — Он обошел стол, чтобы сесть с ней рядом. — Мне не обязательно уходить, сама знаешь. Я не собирался заводить этот разговор… Во всяком случае, думаю, что не собирался. Кажется, это все твоя идея.

— Но идея недурна, и тебе будет гораздо легче закончить диссертацию подальше от меня. — Она подняла на него глаза, по всей очевидности, совладав с собой.

— Наверное, через неделю или две смогу получить комнату Эфраима Оло, — задумчиво сказал Том. — Он скоро домой возвращается.

— Так он закончил учебу?

— Да, и станет членом кабинета министров.

— Ну конечно, у них теперь собственное правительство. Утешительно знать, что ты будешь жить в комнате, которую некогда занимал член кабинета министров. Совсем как Маркс и Ленин, те тоже жили в Лондоне, а потом вернулись к себе, один в Германию, другой в Россию. А еще утешительнее было бы, будь это кто-то вроде премьер-министра Гладстона, правда?

— Да, дорогая, — согласился он снисходительно,

но все же стараясь подольститься.

— Наверное, сбор твоих вещей можно отложить на утро?

— Господи милосердный, да! Я ведь не раньше чем через неделю-другую съеду.

— Как-то слишком уж бесчувственно не съезжать еще неделю-другую, ты не находишь? В книгах, фильмах и даже в жизни люди тут же хватают чемоданы и бегом бегут из дома.

— Кэтти, пожалуйста, я не хочу уходить прямо сейчас.

Том вдруг понял, что очень устал. Наверное, дала о себе знать долгая и непривычная прогулка с Дейдре по парку. Он действительно не собирался заводить этот разговор… Может, утром до них дойдет, что он был ошибкой.

10

Тем самым вечером Рода Уэллкам сидела за письмом в Управление по снабжению электроэнергией. Только что пришел счет за последний квартал, к тому же возмутительно большой: набежало много больше, чем если бы они день и ночь напролет оставляли во всем доме гореть свет и работать электрические приборы. По столу перед ней были разбросаны счета за прошлые кварталы, которые она изучала и сравнивала, зачитывая выдержки сестре. Мейбл же сидела с вязаньем и пыталась слушать популярную юмористическую программу по радио.

— Тут точно какая-то ошибка, — в пятый или в шестой раз повторила Рода. — И кстати, если подумать, инспектор, который приходил в прошлый раз, не смог войти, чтобы снять показания счетчика, или сказал, что не смог, хотя я уверена, что кто-то дома и был, ведь я сама заполняла карточку.

— Возможно, ты написала что-то не так, — мягко сказала Мейбл.

— Так я сейчас проверю.

— Хорошо, дорогая. Я пока пойду заварю чай. Чай нам не помешает, верно? Может, Дейдре скоро вернется и захочет чаю.

Согнувшись в три погибели у щитков, Рода включила фонарь, чтобы посмотреть показания, но что бы она там ни увидела, загадку это не решило. Наконец она написала резкую отповедь, в которой была груба настолько, насколько возможно, когда обращаешься к безликому учреждению, понимая при этом, что желаемого эффекта это не возымеет, зато сама в результате испытала большое облегчение. «Еще я заметила, — дописала она в заключение, — что свет в последнее время стал гораздо более тусклым, и была бы очень рада услышать, как Вы это объясните. Искренне Ваша, Рода Уэллкам».

Заклеив конверт, она надписала адрес, но выдвинутое ею обвинение из-за тусклого света поселило в ней смутное беспокойство, точно это могло иметь какое-то более широкое и пугающее серьезное значение. Хотя, возможно, ситуацию удастся исправить сравнительно простым способом, например, купить более мощные лампочки.

— Интересно, — произнесла Мейбл, — с кем сегодня гуляет Дейдре?

В ее голосе проскользнула нотка гордости,

которую Рода не могла не заметить, поскольку тут же с видом допущенной к тайному знанию откликнулась:

— С Томом, конечно! Он сейчас определенно «тот самый».

— Бедный Бернард, — вздохнула Мейбл. — Впрочем, мужчины должны с этим мириться, и мне всегда казалось, что он ей не очень нравится.

— Разумеется, не нравится! Она терпела его ухаживания, но и только, — сказала Рода, припоминая, что вычитала эту фразу в каком-то романе. С Томом у нее гораздо больше общего.

— Да, и он старше Бернарда. Мне всегда казалось, что ей нужен мужчина постарше, кто-то, кого она могла бы уважать и на кого могла бы равняться. Из ее рассказов про Тома выходит, что он как раз такой человек.

— И у его семьи поместье в Шропшире, поэтому, рискну предположить, там и деньги водятся, — многозначительно добавила Рода. — И, разумеется, он гениальный антрополог.

Сестры немного помолчали, то ли воздавая дань гениальности Тома, то ли потому, что не нашли больше слов о профессии, в которой решительно ничего не понимали. Если Мейбл и

подумала мечтательно про прочное положение Бернарда в фирме его отца, вслух она ничего не сказала.

— Конечно, есть еще Кэтрин, — неуверенно продолжала она. — Нельзя доподлинно знать, нет ли тут каких отношений.

— Ты про мисс Олифент? — удивленно спросила Рода. — О, это просто подруга. Мне она показалась очень милой, но довольно странной девушкой, не из тех, кто способен привлечь мужчину.

— И все равно мне бы не хотелось, чтобы Дейдре… стала причиной несчастья.

— По-моему, Кэтрин прекрасно способна о себе позаботиться, — уверенно заявила Рода. — И вообще женщины тоже должны с этим мириться, как ты сказала про Бернарда. Ведь такова жизнь. — Рода говорила с почти черствой отчужденностью, поскольку хотя и знала, что жизнь такой может быть для других людей, для нее самой она такой не была. Тетка, если возникнет необходимость, способна защищать права племянницы не менее упрямо, чем мать права дочери.

— Вот и Дейдре идет, — сказала Мейбл, более чутким материнским ухом уловив скрежет ключа в замке. — Но она как будто сразу прошла наверх. — Подняв крышку заварочного чайника,

она заглянула внутрь. — Тут еще осталось, на случай, если она захочет... и чай не слишком перестоял.

— Полагаю, если она захочет чаю, то спустится, — разумно возразила Рода.

У себя в комнате наверху Дейдре расчесала волосы, потом припудрилась и подправила помаду, чтобы собраться с духом и предстать перед испытующими взглядами матери и тетки. Она предпочла бы отправиться прямиком в кровать, чтобы мысленно пережить обед в греческом ресторанчике, прогулку в Риджентс-парке и все, о чем они говорили друг другу и что для девятнадцатилетней девушки полно магической свежести никогда не слышанного раньше. Сегодня вечером она почти могла поверить, что Том любит ее так же, как она его. Только мысль о Кэтрин, которая была такой приветливой на вечеринке и вообще таким милым человеком, чуточку омрачала ее счастье. Разумеется, за обедом они про Кэтрин не говорили, и, уж конечно, ей не было места, когда они спотыкались о кочки в Риджентс-парке. Дейдре умилостивила свою совесть, вспомнив, как Кэтрин посмеялась над Томом и его диссертацией, а за такой страшный проступок она, возможно, заслуживает его по-

терять.

Спустившись в гостиную, Дейдре почти кожей почувствовала, как мать и тетка стараются сдержать любопытство, задавая пустые вопросы, вроде не идет ли на дворе дождь, не хочет ли она поесть или выпить чаю.

— Нет, спасибо, ни кусочка больше не могу, — сказала Дейдре. — Том накормил меня очень вкусным обедом в греческом ресторане, а потом мы пошли гулять в Риджентс-парк.

— В Риджентс-парк! — воскликнула Рода, не в силах дольше сдерживаться. — Как прекрасно там, наверно, сейчас! Сад королевы Марии! — добавила она, едва сознавая огрехи географии.

— Туда мы не ходили, — улыбнулась Дейдре.

— Тебе стоит как-нибудь еще пригласить Тома к нам, — сказала Мейбл, расхрабрившаяся от дружелюбия дочери. — Можно попросить Малькольма пригласить Филлис, или можешь позвать ту милую девушку, Кэтрин, которая приходила на чай, и вашего француза. Устроим небольшую пирушку.

— Да, приглашу Тома как-нибудь вечером на ужин, — рассеянно сказала Дейдре.

Но, конечно, не Кэтрин, ведь мама с тетей не знают про Тома и Кэтрин, а ей самой сейчас не

хотелось думать об их отношениях.

— Рискну предположить, и отец Талливер тоже согласится прийти, и конечно, можно позвать мистера Лидгейта… — Амбиции Роды уводили ее в область фантазий. — Можно подать холодные закуски, ведь сейчас лето, ужин в сельском духе и, вероятно, какой-нибудь крюшон. — Мысленно она так и видела пир — точь-в-точь с цветной иллюстрации из «Домоводства».

Дейдре, как и Том, устала после долгой прогулки и была только рада, когда пришло время ложиться в кровать и смотреть про него сны. Но сны слишком редко соизволяют подстроиться под наши желания, и приснился ей — как это ни странно — Дигби Фокс. Они гуляли в пышно цветущем саду, и он ее поцеловал. Проснулась она разочарованная и раздраженная и, встретившись с Дигби утром, была довольно груба. А ведь он был к ней очень добр, предложил одолжить конспект, который сделал по длинной и трудной книге и благодаря которому ей не придется мучиться читать и ее.

— Как приятно встретить женственную девушку, а не ученую крысу, — сказал он Марку. — Такую, которая не воротит нос от такого скромного подношения, как простой конспект. Большин-

ство швырнули бы мне его в лицо.

Он даже спросил себя, а не пригласить ли ее на ленч, но передумал. Никаких амурных похождений, пока не будут распределены форсайтовские гранты, а потом… А потом… вот увидите! — пообещал он себе.

Дейдре и Том условились встретиться после полудня в «Фантазии Феликса», где могли бы сидеть рядышком, читая каждый свое. Они занимались этим вот уже десять минут, когда Том шепотом заговорил с Дейдре. Напротив них сидела мисс Лидгейт, обложившаяся листами бумаги с какими-то списками и цветными диаграммами. Ее седые волосы стояли дыбом, потому что она постоянно запускала в них руки. Лицо выражало почти муку, глаза за стеклами очков горели и словно вперивались в Дейдре и Тома.

— Выйди на минутку, — шепнул он. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Тут нам лучше не разговаривать, так как мы, похоже, мешаем мисс Лидгейт.

— Смотрит она определенно свирепо, — также шепотом откликнулась Дейдре.

Справедливости ради надо сказать, что мисс Лидгейт вовсе ни на кого не смотрела и, более того, совершенно не замечала их присутствия.

Она проводила сравнительное исследование словарного запаса кое-каких малоизвестных языков и в одном наткнулась на особенность, которая напомнила ей что-то в другом. Но где же она ее встречала? Она продралась через мангровые болота дельты Нигера, но там не нашлось; поднялась вверх по течению к озеру Чад, покружила над той частью, в которой постоянная засуха и которая так смешно выглядит на карте, потом спустилась через Французскую Экваториальную Африку в Бельгийское Конго, где задержалась у пигмеев. «Тирелл Тодд? Не может быть?!» — раздраженно вздохнула она и пронеслась над пряными берегами Танганьики, над охваченной беспорядками Кенией в холмы Эфиопии. Остановившись тут, она забормотала поэтические имена известных итальянских этнографов и лингвистов — Черулли, Робеши-Бришетти, Ванутелли, Читерни, — и все равно искомое от нее ускользало. Потом она вдруг перемахнула через Судан и, вскочив со стула, выкрикнула что-то, прозвучавшее как:

— Джебель Пинг-Понг! Да будь я проклята! Отец Джемини, сейчас же идите сюда!

Отец Джемини, затаившийся от греха подальше в заставленной книгами нише, бегом пересек

комнату. Остальные читатели, обрадованные, что их оторвали от занятий, с предвкушением откинулись на спинки стульев.

Тем временем Том отвел Дейдре в комнатку, куда Марк с Дигби недавно поставили жесткий диван конского волоса. Теперь тут имелись кофейный столик в кружках от мокрых чашек, два стула с прямой спинкой, книжный шкаф со старыми зарубежными журналами и модель африканского поселка, разложенная на упаковочном ящике, накрытом оранжевой скатеркой. На каминной полке красовалась ваза с розовыми, похожими на маргаритки цветочками.

— Я совсем недавно обнаружил эту смешную комнатенку, — сказал Том. — Искал туалет и по ошибке забрел сюда. Ума не приложу, для чего она.

— Для разговоров с глазу на глаз? — предположила Дейдре. — То есть для таких, как у мисс Лидгейт с отцом Джемини и им подобных.

— Наверное, не нашего толка, — отозвался Том. — Сядем на диван.

Они сели, и Том завладел рукой Дейдре. В его руке она лежала, не шевелясь, точно мертвая птица, подумал он, сообразив вдруг, что фраза как раз в духе Кэтрин.

— Вряд ли нам стоит тут держаться за руки, — с тревогой пролепетала Дейдре.

— Возможно, и нет, но мы все равно будем. Я хотел тебе сказать, что на следующей неделе или около того получу комнату в квартире, где живут Марк и Дигби.

— А что же будет делать Кэтрин?

— Ну, наверное, то же, что и раньше.

— Но не совсем ведь то же.

— Может, и не совсем. То есть будет жить одна, как жила раньше. Она всегда была вполне счастлива. Понимаешь, она на самом деле любит одиночество.

— Возможно, раньше и любила, но теперь она просто будет одинока. Я бы этого не вынесла. Хотя она ведь сказала, — помнишь? — что одиночество мужчин гораздо хуже одиночества женщин. — Расстроенная и озадаченная, Дейдре подняла глаза на Тома в поисках утешения.

А Том с раздражением подумал, что это совершенно в духе Кэтрин. Ведь, разумеется, нет ничего хуже одиночества женщины, брошенной мужчиной. Скорее всего об этом она не думала, и конечно же, дело не в этом. Она сама его прогнала, если уж на то пошло, и пока еще он даже вещи не собрал. Возможно, он вообще не уйдет. Внезапно

все показалось невыносимо запутанным.

Дейдре, заметив, как яркое солнце высветило морщинки напряжения и усталости у его глаз, нежно положила руку ему на локоть.

— Вероятно, ты прав. В конце концов, Кэтрин не так уж молода и у нее есть уйма интересов и ее рассказы.

Лицо Тома прояснилось.

— Ах да, — вздохнул он с облегчением, — у нее есть рассказы. Конечно, на самом деле она не очень хороший писатель.

— Не важно, — с необычной для нее твердостью произнесла Дейдре. — Когда люди пишут, то чувствуют, что заняты творчеством и делают что-то достойное. Предполагается, что это возмещает все остальное. Возможно, кроме своего творчества ей и дела ни до чего нет.

— Пожалуй, ты и права, — уже почти довольно протянул Том. — Но я все равно буду о ней малость беспокоиться.

— Ну, разумеется, — ответила Дейдре, чувствуя некую несправедливость из-за того, что к беспокойству Тома о диссертации добавится еще и беспокойство за Кэтрин, брошенную и, возможно, одинокую. — Но ведь она такая сильная личность.

— Этого у нее не отнимешь, — согласился Том.

— Что ты ей сказал?

— Да не так много. Она догадалась, что мне может хотеться перемен. — Произнося последние слова, он нахмурился, поскольку не намеревался говорить ничего определенного, так как и сам понятия не имел, что собирается делать помимо того, что съедет от Кэтрин. — Она видела нас в ресторане.

В этот момент из коридора донеслись голоса: громкие и гулкие профессора Мейнуоринга и мисс Кловис и мягкий, трепетный женский голосок, который трудно было опознать.

Дверь открылась. Том и Дейдре поспешно отодвинулись на разные концы дивана.

— А тут у нас комнатка, которую мы используем… Ага, вижу, ее как раз используют для этой самой цели.

На пороге стоял, сияя, профессор Мейнуоринг, его седая борода серебрилась на солнце. Рядом с ним стояла миссис Форсайт, в розовато-лиловом цветастом крепдешиновом платье и шляпе с букетиком душистого горошка. За спинами у них маячила мисс Кловис в выходном костюме из серой фланели.

Чувствуя себя глуповато, Том с Дейдре встали.

— Двое наших молодых читателей, — продолжал, поворачиваясь к миссис Форсайт, профессор Мейнуоринг. — Мы сочли, что нам нужна небольшая комната, где антропологи — и лингвисты тоже — могли бы обсудить кое-какие проблемы, возникающие в связи с их исследованиями. Вы даже не поверите, какие проблемы в самом деле возникают, стоит двум-трем антропологам собраться вместе. Разве нет, Моллоу?

Том полностью с ним согласился.

— Уверен, миссис Форсайт будет интересно знать, что вы обсуждали, — продолжал профессор Мейнуоринг.

— Вопросы проживания по большей части, — не моргнув глазом, ответил Том и с очаровательной улыбкой повернулся к миссис Форсайт. — Когда мужчина хочет взять другую жену, он должен построить отдельную хижину, понимаете.

— Как разумно, — ответила Минни Форсайт, устремляя на него взгляд круглых голубых глаз. — Но, полагаю, вы видели там ужасные вещи, — с надеждой выдохнула она.

— Полагаю, неспециалистам они могли бы показаться таковыми, — без заминки ответил Том, — но ученым надо сохранять отстраненность.

— И никогда выражение отвращения, изумления или веселья не должно появляться на лице исследователя, — процитировала мисс Кловис фразу, которую как-то вычитала в пособии для начинающих антропологов.

На младенческом розовом личике миссис Форсайт как раз таки появились выражения разочарования и облегчения.

— Отрадно слышать. Уверена, этот молодой человек не станет писать такую статью, какую гадкий профессор Фэрфекс опубликовал в журнале, что вы мне прислали, верно? — спросила она, поворачиваясь к профессору Мейнуорингу.

— Ну конечно же нет! — весело рассмеялся профессор, резко дергая себя за бороду. — Моллоу ведет ценную работу, которую администрация находит крайне полезной. Когда он что-нибудь опубликует, — вопросительный взгляд, брошенный на Тома, отчасти сгладил словесный укол, — можете быть уверены, это будет образец скуки, совершенно неудобочитаемый, надо думать.

Том издал неуверенный смешок.

— А чем занимается милая девушка?

Порозовев, Дейдре забормотала, что она просто студентка, еще только готовящаяся получить

диплом.

— И вы надеетесь поехать туда и работать среди туземцев? — спросила миссис Форсайт.

— Право, не знаю, полагаю, да.

— Женщина в экспедиции бывает большим подспорьем, — сказал профессор Мейнуоринг. — Многие исследователи находили, что наличие жены крайне полезный фактор, особенно если у нее подходящее образование.

— Мужчине нужны любовь и сочувствие, где бы он ни был, — с толикой упрека сказала миссис Форсайт, обращаясь как будто к мисс Кловис, поскольку считала, что та не разделяет такую точку зрения.

— А меня это счастье обошло стороной, — несколько высокомерно заявил профессор. — Интересно, неужели моя работа от этого пострадала?

— Ах, профессор, уверена, вы нравились многим женщинам! — игриво воскликнула миссис Форсайт. Будь у нее веер, она непременно хлопнула бы им его по руке.

— Думаю, могу сказать, что на мою долю выпала толика нежных чувств, — протянул он, как будто не отдавая себе отчет в том, что у него есть слушатели.

— Полагаю, миссис Форсайт захочет посмотреть заявки на гранты, — довольно резко вмешалась мисс Кловис. — Время идет, знаете ли.

— И как идет! — с коротким смешком откликнулся профессор и, дружески помахав молодым людям, проводил миссис Форсайт и мисс Кловис в коридор.

— Прекрасно, моя дорогая Эстер! — сиял он, пока миссис Форсайт мыла руки. — Просто замечательно, что там сидели те двое, с головой уйдя в разговор. Исключительно удачная нотка. Я видел, что на Минни это произвело большое впечатление. Моллоу очень крепкий, — добавил он, точно Том был напитком, который уже пора разливать по бутылкам, хотя сомнительно, что он уловил бы аналогию. — А, вот и вы, дорогая Минни! Как насчет скромного ленча? У вас было утомительное утро, но, надеюсь, то, что мы вам сегодня показали, вас не разочаровало?

— Нет, нет, совсем напротив. И та очаровательная пара, молодые люди, так очевидно влюбленные, во всяком случае девушка. Возможно, женщины проявляют свои чувства больше мужчин. Любовь среди всех этих книг… Сколь ни образовывай женщину, ее ведь все равно не сдержать… — На ее голубые глаза сентиментально

навернулись слезы.

— Ваш шофер ждет внизу, миссис Форсайт, или вы велели ему за вами заехать? — вмешалась мисс Кловис.

— О, наверное, ждет, — отозвалась миссис Форсайт тоном туманным, но уверенным, какой свойствен тем, кому никогда не приходится беспокоиться о том, как попасть куда-то, или полагаться на превратности общественного транспорта. — Вы присоединитесь к нам за ленчем, мисс Кловис?

— Нет, у меня, право, слишком много работы, — ответила мисс Кловис, которую на ленч не пригласили.

— Тогда, наверное, нам пора. — В голосе миссис Форсайт послышалось облегчение.

Она так и не прониклась симпатией к мисс Кловис, которую считала суровой, неженственной и вечно вмешивающейся с какими-нибудь уныло практическими соображениями в то, что обещало стать очаровательной беседой с профессором Мейнуорингом.

Машина миссис Форсайт, старомодная, но лучшей марки и прекрасно ухоженная, ждала внизу на улице. Когда они спустились, шофер затолкал в карман коммунистическую газету, поспешил

выйти и открыть заднюю дверцу и, хотя день был теплый, укрыл колени миссис Форсайт легкой накидкой. Заняв место рядом с ней, профессор Мейнуоринг поманил ее названиями нескольких дорогих ресторанов, чтобы она выбрала на свой вкус. Но в итоге она предпочла дамское крыло в его клубе, который был научным и закрытым и казался дверью в те увлекательные и неисследованные академические круги, в которые ее покойный супруг при всем его богатстве так и не смог проникнуть.

Машина тронулась и поехала довольно медленно, как часто приходится ездить машинам в Лондоне. Марк и Дигби, которые шли по тротуару, успели заметить, как вальяжно раскинулся профессор на фоне жемчужно-серой обивки: одна рука на шелковом шнурке, а у щеки покачивают головками гвоздики в серебряной вазе.

— Если бы он бросил в окно пригоршню монет, ты унизился бы до того, чтобы драться за них посреди дороги? — спросил Дигби.

— Сомневаюсь, что вышла бы драка, — отозвался Марк. — Англичане таких вещей стесняются. Все просто отводили бы глаза и спешили прочь. Поле битвы осталось бы за нами.

11

Сборы Тома оказались огорчительными и для Кэтрин, и для него самого. Кэтрин так до конца и не решила для себя, почему гораздо мучительнее видеть в слезах мужчину, чем женщину: наверное, только потому, что мужчинам полагается быть сильным полом. Она давным-давно поняла, что мужчины способны плакать и плачут, но, вероятно, так и не оправилась от первого потрясения или с тех пор не нашла адекватного способа с этим справляться. Так, наверное, чувствует себя мать, когда сын уезжает в школу, а это тут же напомнило ей детскую песенку:

Еду я в школу, машина у порога,
Мама ждет поцеловать на дорогу,
Серьезный папа дает мне совет,
Маленькая Мэри куксится мне вслед.

Ощущение сборов в школу стало таким острым, что, ходя из комнаты в комнату, собирая пожитки Тома и помогая их упаковывать, она начала мурлыкать мелодию себе под нос. Теперь она могла предотвратить его уход не больше, чем мать

может предотвратить отъезд ребенка в школу.

Оба они провели бессонную и безотрадную ночь, а наутро Том, исподтишка бросая на нее полные мольбы взгляды, сказал, что не слишком хорошо себя чувствует и у него, наверное, температура. Маленький мальчик надеялся, что проснется с сыпью и ему поставят диагноз корь или ветрянка, думала Кэтрин, ожесточаясь сердцем.

— Сам знаешь, у меня нет термометра, — сказала она вслух. — Но если ты действительно болен, конечно, тебе надо лежать. Наверное, можно распаковать кое-что из твоих вещей.

— Да нет, я, пожалуй, нормально себя чувствую. — Он оглядел комнату. — Выглядит в точности такой же, как была, даже без моих вещей, верно?

— Ну, для меня она такой же не будет.

— О Кэтти, не надо…

— Например, станет опрятнее.

Он слабо улыбнулся:

— Ты настолько храбрее меня. Думаю, ты даже не в обиде.

— Как раз наоборот. Я к тебе привязалась, но не можем же мы оба расплакаться.

— Разве ты меня больше не любишь? Нет, на-

верное, я не вправе теперь этого ожидать… Ты сказала, я никогда по-настоящему тебя не понимал.

— Ну и не важно… слишком уж это раздувают. И если на то пошло, кто вообще кого понимает?

— У нас не так много общих интересов.

Кэтрин рассмеялась:

— Нет, наверное, мы не выпиливали лобзиком по вечерам у камина и не возились с общими коллекциями бабочек.

— Мы насмехались над работой друг друга, — довольно безнадежно сказал Том.

— Возможно, но суть не в этом. Ты встретил Дейдре, вот что по-настоящему важно.

— Ах, *это*!

— Мы не можем сейчас в это вдаваться. Какова бы ни была причина, но наши пути разошлись. Теперь послушай, я заштопала все твои носки, и все, что можно было постирать, постирано. Ты поедешь на такси? Мне кажется, тебе придется. Пойти поискать? Все как будто готово.

Кэтрин почти в слезах выбежала из комнаты, но сумела совладать с собой к тому времени, когда вернулась сказать, что такси ждет внизу.

— Что теперь будешь делать? — спросил Том.

— У меня ленч с редактором журнала, в кото-

рый я надеюсь продать кое-какие статьи, поэтому мне уже скоро собираться.

— Надеюсь, она накормит тебя хорошим ленчем.

— Это мужчина.

— Разве мужчины бывают редакторами женских журналов? Ну и мысль!

— Почему нет? Мужчины ведь в женщинах разбираются или по меньшей мере любят формировать под себя вкусы женщин.

— Полагаю, ты напишешь статью под названием «После его ухода» и все это обыграешь.

— Недурной заголовок, кстати сказать… Поспеши, счетчик, знаешь ли, тикает.

Том все топтался на пороге.

— Наверное, я под конец лета съезжу домой, — сказал он.

— Обязательно съезди, это будет для тебя переменой обстановки. И позвони мне как-нибудь, дай знать, как у тебя дела. Можем как-нибудь сходить на ленч или еще что.

Том просветлел:

— Было бы очень мило.

— Отнесу вниз твою пишущую машинку. И вообще, ты же не на край света уезжаешь, будешь жить в десяти минутах ходьбы. Передай привет

Марку и Дигби и, пожалуйста, будь поосторожнее с гейзером в ванной.

Оставшись одна, Кэтрин не смогла сдержать слез, а успокоившись, осознала истину банальной поговорки, что, когда поплачешь, становится лучше. Она помыла посуду после завтрака и прошлась по комнатам, надеясь и боясь, что Том что-нибудь оставил, какую-то мелкую неосознанную реликвию, которая будет о нем напоминать. Мусорная корзина была полна скомканных бумажек, отвергнутых отрывков его диссертации, а еще нашлась старая лента для пишущей машинки, мятая и перекрученная. Значит, перед тем как от нее уйти, он не забыл вставить новую ленту в пишущую машинку, подумала Кэтрин, растрогавшись и развеселившись одновременно. Вот только старая едва ли могла служить реликвией, которую стоило лелеять. Это определенно было бы избытком сентиментальности. Вяло покопавшись в бумажках, она вытащила лист, исписанный крупным и довольно детским почерком.

«Дорогой мой любимый, — прочитала она, — глупенькое выйдет письмо, учитывая, что я только десять минут как с тобой попрощалась, но всякий раз, когда тебя нет рядом, я чувствую

себя Шахерезадой, если тут есть какой-то смысл, а потому и пишу».

Бедный Том, подумала Кэтрин, он тут вообще никакого смысла не нашел, пока не спросил, кто такая Шахерезада. С отстраненностью критика она дочитала до конца, точно рассматривала литературное произведение, потом так и осталась стоять с письмом в руке — ей не хотелось комкать его и снова выкидывать. Она знала, что мужчины в отличие от женщин не всегда хранят письма, но Том был по-своему довольно сентиментален, и у нее возникло такое чувство, что он, возможно, не собирался его уничтожать, просто выкинул нечаянно с черновиками. Ну, тут она ничего не могла поделать; такую реликвию она оставлять себе не хотела, а потому вернула листок в мусорную корзинку и пошла собираться на ленч.

Редактор, с которым она встречалась, был симпатичным и взыскательным молодым человеком и тут же заметил припухшие от слез веки Кэтрин и круги под глазами, плохо замаскированные излишком зеленых теней. Но в разговоре она проявила себя пусть и несколько нервной, но весьма остроумной, и он счел, что ее подход будет отстраненным и несентиментальным, — а как раз такой тон он планировал взять в своем журнале.

Ему было приятно, что она съела плотный ленч, поскольку он любил поесть и очень постарался, заказывая блюда. Обсудив статьи, которые ей предстояло написать, они поболтали о сиамских кошках, стряпне и викторианской поэзии.

— Я получила большое удовольствие, — сказала Кэтрин под конец.

— Вызвать вам такси? — спросил он, в точности как какой-нибудь персонаж ее рассказов.

— Нет, спасибо, помедитирую на верхней площадке автобуса. Я это люблю, а сегодня мне некуда спешить.

Вкусный ленч с коктейлями и вином придал ей храбрости вернуться домой, и она начала предвкушать, как снимет туфли на высоком каблуке и заварит себе крепкого чаю. В автобусе она сидела почти довольная и смотрела в окно. Автобус проехал здание гражданского суда, и она с интересом отметила стоявшие там группки людей: брошенная жена и ее разумная, надежная подруга; кучка родственников, разобиженных из-за оспариваемого завещания. Потом автобус остановился у агентства путешествий, витрины которого были оклеены яркими искушающими рекламными плакатиками. Испания, Португалия, Италия — опасно, романтично, не по-английски; затем

Норвегия и Швеция — такие чистые и здоровые; затем Франция — которая просто Франция, и Лурд — «Паломничество в вагоне-люкс». Автобус тронулся, а Кэтрин все терялась в догадках из-за последнего плаката. Сама фраза «Паломничество в вагоне-люкс» заключала в себе внутреннее противоречие. Набрав ход, ее автобус пронесся мимо церкви, где огромный плакат, как она поспешно прочла, оповещал, что скоро состоится «ОТЦЫ СВЯТОГО ДУХА — ВЕЛИКИЙ ТАНЕЦ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ». Неужели такое и вправду бывает? После «паломничества-люкс» это несколько пугало, будто уходили из-под ног основы жизни. «У меня разыгралось воображение или я схожу с ума от горя?» — спросила себя она. Автобус теперь полз, задерживаясь на остановках, где никто не входил и не выходил, пережидая, когда сменится сигнал светофора, потом заспешил снова, поэтому, когда Кэтрин начала спускаться с верхней платформы, он раскачивался, как корабль в шторм, и она едва не упала в своих туфлях на высоком каблуке.

Со времени ее ухода ничего не изменилось. Комнаты были такими же прибранными, какими она их оставила. Сбросив туфли, Кэтрин налила воды в чайник и встала у окна, глядя на улицу.

Она стояла так какое-то время, прежде чем ее

внимание привлекла женщина, которая довольно медленно шла по противоположной стороне, сверяясь с номерами домов, точно искала какой-то конкретный. Увидев Кэтрин, она остановилась и сделала было шаг с тротуара, Кэтрин среагировала на это, поспешно отступив в тень шторы. Минуту-другую спустя в ее входную дверь позвонили. Открыв, Кэтрин увидела на пороге ту самую женщину. Ей было чуть за пятьдесят: хорошо одетая и ухоженная, но со встревоженным, нервозным лицом и манерами.

— Добрый день, — начала она. — Не могли бы вы сказать, дома ли мистер Моллоу?

— Нет. Извините, его нет, — сказала очень и очень ошарашенная Кэтрин.

— А… понимаю. Ну… — Женщина помешкала.

— Могу я вам помочь?

— Вы случайно не мисс Олифент?

— Да. Не хотите войти?

— В каком-то смысле я как раз с вами хотела увидеться.

— Тогда входите, пожалуйста. Я как раз заварила чай. Рискну сказать, он вам не помешает.

— Спасибо. Вы очень добры.

— Вот моя квартира, — указала Кэтрин, когда они поднялись.

— Вы, наверное, удивлены, недоумеваете, зачем я пришла, — сказала женщина.

— Естественно, — улыбнулась Кэтрин. — Мы, кажется, не знакомы.

— Нет. — Гостья замолчала и как будто сделала глубокий вдох. — Понимаете, — объявила она, — я — тетя Тома Моллоу.

Первым порывом Кэтрин было расхохотаться. Она задумалась, ну почему в тетках есть что-то чуточку абсурдное, а потом решила: наверное, потому, что обычно представляешь их себе милыми, уютными созданиями, которым не хватает достоинства и престижа.

— Ах да, он мне про вас рассказывал, — только и нашлась Кэтрин.

— Я миссис Беддоуз. Я живу в Белгравии, — объяснила та.

— Да, конечно, мне следовало бы догадаться.

Другая тетка Тома, старшая сестра его отца, была старой девой, жившей в отеле в Южном Кенсингтоне. Явно миссис Беддоуз имела более высокий статус — ее возвышали Белгравия и замужество.

Чай был накрыт, и Кэтрин предложила гостье хлеб с маслом и тарелку печенья. Пирога у нее не нашлось. «Не в такое же время!» — утешила она

себя. В такой день от нее пирога никто не вправе ожидать.

Миссис Беддоуз похвалила ее сервиз. Казалось, она была удивлена, найдя его настолько хорошим.

— Ах ты, боже мой, какая жалость! — вырвалось у нее. — Наверное, мне не следовало бы сидеть тут, пить ваш чай.

— Заварила я много, а вам явно нужна была чашечка, такой утомительный жаркий день. Съешьте печенье. Надеюсь, вы любите «бурбоны». Мне они всегда напоминают о европейских королевских особах в изгнании, а это как раз такая печальная, но уютная мысль, какие приятно думать. Как по-вашему, они сидят у себя на виллах в окрестностях Эскуриала и едят печенье «бурбон»?

Миссис Беддоуз бросила на Кэтрин удивленный взгляд, но печенье взяла.

— И в осборновском печенье тоже есть что-то приятное, — продолжала Кэтрин. — Скучное, надежное и доброе, сродни старой вдовствующей королеве, пожалуй. Они правда названы в честь королевской резиденции, как по-вашему?

— Наверное, — с несчастным видом отозвалась миссис Беддоуз.

— Мне надо перестать бросаться фривольными фразами, — сжалилась наконец Кэтрин. — Вы ведь ради чего-то пришли меня повидать?

— Да, у меня есть своего рода цель. — Миссис Беддоуз поставила чашку и как будто собралась с духом. — Моя сестра, мама Тома, попросила заглянуть к нему и разузнать, в какой обстановке он живет. — Понизив голос, она добавила, точно говорила со сверстницей, которой данная «обстановка» никак не касается: — Понимаете, мы слышали, что он живет в довольно скверном районе Лондона с… э… молодой женщиной, и, казалось, такая жалость…

— Да, полагаю, так могло показаться.

— Он причинил семье большое разочарование и столько хлопот, понимаете. Выбрал себе престранную карьеру. В нашей семье такого никогда не случалось. Поехать в Африку и жить на столь странный манер…

— И равно нереспектабельно в Лондоне, — сочувственно добавила Кэтрин. — Поверьте, я вполне разделяю ваши чувства. Возможно, такого в вашей семье тоже никогда не случалось?

— Да, конечно, про такое не знаешь… не можешь знать. — Миссис Беддоуз выглядела встревоженной, и Кэтрин вспомнила, как Том

рассказывал, что у нее сын одних с ним лет. — Понимаете, мисс Олифент, это, пожалуй, для меня сюрприз. Вы совсем не то, что я ожидала.

— Рискну сказать, нет. Но женщины, живущие с мужчинами, не будучи за ними замужем, не обязательно светские львицы. Они могут быть поблекшими и усталыми, и руки у них могут огрубеть от домашней работы или покрыться пятнами от чистки овощей.

Кэтрин посмотрела на свои собственные, которые были как раз в таком состоянии. На протяжении ленча с редактором ей пришлось их прятать, поскольку у нее не нашлось времени сделать ванночку или маникюр.

— Да, мы, естественно, рисовали себе… — Миссис Беддоуз запнулась, то ли потому, что сама удивилась старомодности оборота, то ли потому, что не хотела говорить, что именно рисовало им воображение.

Кэтрин решила, что, пожалуй, нечестно заставлять тетушку так мучиться, а потому долила ей чаю и дружески сказала:

— Теперь уже не важно. Том тут больше не живет. Он ушел сегодня утром.

Теперь вид у миссис Беддоуз был ошарашенный, она и впрямь растерялась. Главным образом

ее охватило вполне естественное и понятное разочарование. Эта молодая женщина казалась почти респектабельной, да и вообще не было ничего такого или уже не было. Потом она заметила припухшие веки Кэтрин, и у нее появилось ощущение, что она непрошено вторгается в чужое горе и что виной этому горю ее племянник. Как же трудно в такой ситуации подобрать слова…

— Вы его прогнали? — рискнула она.

— Не совсем… Хотя женщинам всегда хочется думать, что окончание романа — это их инициатива. Но буду с вами честна. Думаю, он хотел уйти.

— Боже мой, какая жалость! Поверьте, я от чистого сердца говорю. Но ведь неправильно было с вашей стороны жить с ним вне брака. Вы же сами понимаете?

Кэтрин улыбнулась:

— Вижу, вы думаете самое худшее.

Миссис Беддоуз снова стало не по себе, а потому она схватила горжетку и посмотрела в яркие стеклянные глазки лисьих мордочек, точно они были способны прийти ей на выручку.

— Ну… вроде обычно такое на ум приходит, — выдавила она, переходя в оборону.

— Конечно, женщинам свойственно думать

друг о друге дурно, возможно, потому, что только женщина знает, на что способна другая. К тому же считается, что мужчины не вполне в ответе за собственные действия. А кроме того, у них другие и более важные вещи на уме. Вы знаете, что Том пишет диссертацию для получения ученой степени?

— Как чудесно, — недоуменно пробормотала миссис Беддоуз. — Он всегда был таким умным мальчиком. Но он был очень озорным и вел себя неправильно… И… лично я не считаю, что должны существовать разные моральные правила для мужчин и женщин, хотя, разумеется, такого мнения придерживались… в самых высоких кругах.

— Да, это действительно проступает иногда в эдвардианских мемуарах, — задумчиво откликнулась Кэтрин. — Но могу понять, что, возможно, была не права. Боюсь, не всегда задумываешься по ходу, правильно ли в тот или иной момент поступаешь.

Повисло короткое молчание, но Кэтрин продолжила:

— Все чуточку напоминает «Травиату», вы не находите? Вы приходите ко мне умолять оставить Тома, но, разумеется, уже слишком поздно.

— «Травиату»? А… понимаю.

Миссис Беддоуз как будто испытала облегчение и, правду сказать, даже рада была беззаботно поболтать про оперу. До войны они в сезон всегда держали ложу в Ковент-гарден. Она помнила «Травиату» как одну из наименее скучных. Но тем не менее надо было исполнить долг, поэтому она спросила Кэтрин, где теперь живет Том.

— Он переехал на квартиру к двум другим антропологам, недалеко отсюда. Это рядом с железной дорогой, воздух, боюсь, не слишком здоровый, но, думаю, там ему будет лучше работаться. Могу дать вам адрес, или, разумеется, вы можете ему позвонить.

— О, думаю, сейчас я искать Тома уже не пойду. На самом деле я вас хотела увидеть.

— Вы надеялись уговорить меня прозреть и исправиться? — с обычной своей откровенностью спросила Кэтрин. Она даже поймала себя на мысли, не собиралась ли миссис Беддоуз предложить ей деньги — как в эдвардианском романе — и сумела ли бы она заставить себя их взять. Она почти поверила, что сумела бы.

— Я хотела рассказать Наоми, моей сестре, как у него дела, — довольно сбивчиво объяснила миссис Беддоуз, — но теперь в этом как будто нет нужды. — Встав, она уложила горжетку на круг-

лых плечах. — Я часто приглашала Тома к нам, но он всегда находил предлог отказаться. Теперь хотелось бы… — Она запнулась и продолжила уже светским тоном: — Я устраиваю танцы для моей дочери Лилейдж, вы, возможно, видели объявление в «Таймс». Как по-вашему, удастся уговорить Тома прийти и, возможно, пригласить с собой друзей, у которых он квартирует, если это приятные молодые люди?

Воображение нарисовало Кэтрин скучливое отвращение и презрительный смех, какими, вероятно, будет встречено подобное приглашение. Она часто спрашивала себя, почему антропологи исследуют только низшие сферы собственного общества. Возможно, всему виной потаенный страх, что они в каком-то смысле окажутся недостойными, — Кэтрин нисколько не сомневалась, что посещение танцев дебютантки в Белгравии оказалось бы для них не менее полезно, чем любая туземная церемония.

— Не знаю, танцуют ли они, — неуверенно ответила она, — но они определенно очень милые. Совершенно безвредные юноши.

Миссис Беддоуз задумалась, услышав столь сомнительную оценку. Возможно, даже хозяйка, подыскивающая молодых людей для танцев,

требует чего-то более позитивного, нежели заверение в безвредности.

— Они высокие?

— Дигби очень высокий, я бы сказала, больше шести футов ростом. Марк — среднего роста, возможно, чуть ниже Тома.

— Звучит идеально. — Натянув перчатки, миссис Беддоуз вдруг доверительно сказала: — Невероятно трудно заполучить достаточно подходящих молодых людей, дорогая. Постоянные становятся чересчур blasé[17] и зачастую вообще не являются, а бедная Лилейдж ростом пять футов одиннадцать дюймов. Нынешние девушки просто каланчи, вы не находите?

— И подумать только, что они росли при правительстве лейбористов и политике жестокой экономии, — откликнулась Кэтрин.

— Действительно странно. — Вид у миссис Беддоуз на мгновение сделался обеспокоенный. — Но теперь все в порядке, — туманно добавила она. — Большое спасибо, мисс Олифент, за вашу помощь. Я расскажу Наоми, как вы были добры. Возможно, черкну Тому записку.

— Остановка автобуса в нескольких ярдах даль-

---

[17] Примечания: 17
Пресыщенными (*фр.*).

ше по улице, или найти вам такси? — спросила Кэтрин.

— Ну… — Миссис Беддоуз, извиняясь, улыбнулась. — Такси, пожалуйста. Я немного устала и приближается час пик. Нам вечно твердят не пользоваться общественным транспортом между половиной четвертого и половиной седьмого, верно?

Второй раз на дню Кэтрин посадила в такси члена семейства Моллоу. День подходил к концу, и пусть он был утомительным и полным переживаний, он хотя бы был полным, а это, решила она, к лучшему. Боль, смех, удивление, смирение сплетались в своего рода ковер, цвет и текстуру которого пока не удавалось разобрать. Что-то с узелками и комками, подумала она, «кнопками и клепками», как пишут в журналах мод. Чаепитие с теткой Тома оказалось даже приятным: сама не имея родных, она умела радоваться, что у других есть тетки, а теперь, когда в ее отношениях с Томом нет ничего предосудительного, она, возможно, даже навестит его вторую тетушку, ту, которая живет в отеле в Южном Кенсингтоне.

Но с приближением вечера ей вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь позвонил и пригласил ее на обед. Она перебрала различных знакомых муж-

чин, но философски подумала, что маловероятно, чтобы кто-то из них прознал о ее беде, а она была слишком горда, чтобы позвонить самой. Когда ты одинока, решила она, лучше всего поискать другого одинокого человека, однако на ум ей пришел только Аларик Лидгейт, но почему-то она сочла, что единственная короткая встреча у садовой изгороди недостаточное оправдание для дальнейших авансов с ее стороны. И вообще, сказала она себе, не слишком-то она одинока: просто странно, что тут нет Тома. Но не более странно, чем когда он был в Африке.

Лежа без сна в кровати, она задавалась вопросом, удобно ли он устроился, но нельзя быть надоедливой и звонить слишком рано. Ей хотелось почитать «хорошую книгу», которая отвлекла бы ее от собственных бредней, но ничего такого книги на полки у кровати не сулили, зато почему-то навели на мысли о том, какие странные книги преподносят в подарок по случаю конфирмации. Очевидно, думала она, проходя взглядом по переплетенным в кожу томикам, их выбирают за размер и цвет. Браунинг, «Шропширский парень» Хаусмана, «Рубайи» Омара Хайяма — бесшабашные или отчаянно языческие настроения этих авторов, несомненно, опасны для молоденькой

девушки, только-только вступающей в религиозную жизнь? А единственная религиозная книга, какая у нее нашлась (подаренная, как и следовало ожидать, директрисой ее школы), поведала, что все мы в мире странники и должны терпеливо сносить изгнание сердца, а это, сдается, ей и так было известно.

12

Том неохотно открыл глаза. Ему снилось, что он снова в Африке, но, проснувшись и осознав, где он на самом деле, он перевернулся на бок и лежал, глядя в стену, выбитый из равновесия грязно-кремовыми обоями, на которые ярко светило солнце. Так ярко, что больно глазам, уныло подумал он и снова сомкнул веки. За окном задребезжал поезд.

Прошлой ночью Марк с Дигби решили, что его надо развеселить и отвлечь от ненужных мыслей, и в результате они втроем провели воистину мужской вечер за пивом, а последствия такого времяпровождения не всегда отрадны. Сегодня его жизнь началась с чистого листа: никакой Кэтрин, изредка Дейдре и уйма работы. Такие перспективы не заставят радостно выпрыгнуть утром из кровати. Наверное, от Марка с Дигби не стоит ожидать, что они заварят чай и принесут ему в постель, как сделала бы женщина… А потому некоторое время спустя он притащился на кухню и начал заваривать сам. Вскоре к нему присоединились Марк и Дигби, последний распевал

арию из «Богемы», поскольку, как он выразился, бесшабашная нищета их жизни неумолимо напоминает эту оперу. Том с Марком были более молчаливы, так как не одобряли музыку с утра пораньше, да и вообще петь не умели. Было много молока и овсянки, но недостаточно хлеба и всего два яйца. Однако они соорудили себе какой-никакой завтрак, а после отправились трудиться в различных библиотеках. Шли каникулы, и ни семинаров, ни лекций, ни уроков не намечалось.

Том условился с Дейдре, что она придет к нему, только когда он устроится как следует, что бы это ни подразумевало, и потому его комнату она увидела лишь почти неделю спустя.

— А угрюмую домохозяйку мы на лестнице встретим? — спросила она, когда они подходили к дому с облезлыми колоннами.

— Нет, к счастью, она здесь не живет. Тут только три квартиры, которые занимают студенты того или иного толка. Наша на втором этаже.

— Никаких картин с овечками на склонах, — быстро сказала она, когда они вошли в узкий коридор.

Том, почувствовав, что девушку нужно ободрить, обнял ее за плечи.

— Что ты сделала с волосами? Похоже на хри-

зантему.

— Сходила постриглась. Тебе не нравится?

— Конечно, нравится, не делай такое испуганное лицо. — Он открыл дверь. — Ну вот, маленькая задняя комнатка, или как мы там ее называем.

— Она правда маленькая, но, я бы сказала, очень удобная. — Дейдре подбежала к окну, чтобы скрыть, как ее расстроила общая атмосфера скудости и запустения, которая навалилась на нее, едва она вошла. — И поезда из окна видно. Почему-то очень по-европейски.

В глазах вровень с его стояла мольба, и Том, привыкший сверху вниз смотреть на Кэтрин, обнаружил, что ему трудно встречаться взглядом с Дейдре, и, отвернувшись, завозился со стаканами и темного вида бутылкой.

— Давай выпьем, — предложил он.

— О да, прекрасно!

«Прекрасно», вероятно, не совсем подходящее слово, осознала она, попробовав холодное и кислое красное вино. На вкус оно было престранно затхлым, точно прокисло, но Дейдре не знала наверняка, может ли вино киснуть. Надо научиться получать удовольствие от выпивки, не без отчаяния подумала она, или по крайней

мере от того, чем наливаются эти люди, — от пива или странных разновидностей вина. А ведь постыдным было то, что на самом деле ей нравились те напитки, которые предлагали Бернард и Малькольм: джин с апельсиновым соком или довольно сладкий темный шерри — такого рода напитки, которые «положительные» мужчины из предместий считают подходящими для своих женщин, подумала она презрительно.

— У Кэтрин как будто все в порядке, — сказал Том, в голосе которого слышалось облегчение. — Даже веселая.

— Ах, я так рада. Марк и Дигби с ней виделись?

— Нет, я звонил сегодня утром.

— Зачем? Ты что-то забыл?

Он расслышал бессознательный упрек в ее голосе, увидел его в ее глазах, напряженно устремленных на него, поэтому довольно раздраженно сказал:

— Нет, но я хотел узнать, как она. Не могу же я больше с ней не видеться и не разговаривать, знаешь ли.

— Конечно нет… я не хотела быть неразумной. Она такой милый человек, я сама не прочь с ней повидаться, если она захочет со мной встречаться.

Ответом ей была тишина. Дейдре расхаживала по комнате, поскольку сесть можно было только на кровать, которую она после быстрого нервного взгляда по непонятной для самой себя причине отвергла.

— Как видишь, я еще не расставил по-настоящему книги, — сказал Том, махнув на хаос полок и двух стульев, заваленных бумагами.

Держа обеими руками стакан, Дейдре опустилась на колени у стеллажа. Женщины так часто ловят себя на том, что рассматривают книги мужчин, подыскивая, что бы умного о них сказать, и уже в девятнадцать Дейдре начала получать свою долю терзаний.

— Вижу, у тебя есть монография о структурах общества, — сказала она. — Говорят, она совсем новая и очень интересная?

— Да, возможно, но сомневаюсь, что мы хотим это сейчас обсуждать, мы ведь не хотим? — мягко спросил он, забирая у нее книгу.

После нескольких приятных мгновений Том вспомнил, что твердо решил не создавать себе осложнений, пока не допишет диссертацию, а может, и тогда тоже. Он не потому ушел от Кэтрин, что собирался бросаться с головой в такой же роман с Дейдре, что бы там ни думала сама Кэтрин.

Правильно ли он поступил, приняв приглашение Дейдре на ужин у нее дома сегодня вечером? В наше время родители не задают молодым людям вопросов о том, серьезны ли их намерения, но гораздо лучше, когда у женщины нет родни, как у Кэтрин, бесстрастно думал он, тогда ее можно бросить, когда пожелаешь, и никаких неловких разговоров вести не придется. Но потом, увидев, с какой щенячьей любовью смотрят на него широко раскрытые глаза Дейдре, он пришел в ужас от собственной циничной жестокости: он же мягкосердечный, добрый к животным, как всегда говорила Кэтрин, и иногда плачет в кино. Он очень привязался к Дейдре, но сейчас отстранился довольно резко и сказал:

— Нам не пора идти?

Ее немного обидел такой внезапный поворот, но очень скоро Том ее утешил и сумел создать впечатление, что ему нужно понимание особо тонкого свойства, — о подобном она и не помышляла с Бернардом, который всегда казался таким скучным и уравновешенным, что вроде бы и понимать в нем нечего.

— Ты не против предместий? — спросила она, пока они ехали на верхней площадке автобуса к ее дому. — Думаю, наше просто отвратительное,

и люди тут ужасные.

— Ужасными люди бывают где угодно, — сказал он с улыбкой, — особенно когда ты молод. Я всегда так считал, пока жил дома.

— Но у тебя настоящий сельский дом!

— Да, но совсем ветхий и даже не настолько старый и красивый, чтобы представлять интерес для истории. Мама все время копается в саду, дядя вечно сидит, скорчившись, у телевизора, — не слишком отличается от предместья.

— Наверное, всегда хочешь не то, что имеешь, — изрекла Дейдре, поскорее проводя Тома мимо дома Дулков, поскольку одного быстрого взгляда тайком ей хватило, чтобы понять, что хозяин возится в саду, очевидно, подвязывая какие-то кусты.

— Не стоит так думать, — возразил он. — У тебя целая жизнь впереди, чтобы получить то, что ты хочешь, и очень надеюсь, ты это получишь.

Его слова, произнесенные с холодным отчуждением, словно он не намеревался приложить руку к тому, чтобы жизнь дала ей то, что она хочет, опечалили девушку, и оба испытывали почти облегчение, когда окунулись в атмосферу семейного уюта, и Малькольм начал разносить напитки.

— Я так рада, так рада, — сказала Рода, отводя Дейдре в сторонку. — Я сумела уговорить прийти к нам сегодня мистера Лидгейта.

— Как тебе это удалось?

— Он сегодня утром вышел в сад, а я как раз полола травянистый бордюр. Он подошел совсем близко к изгороди, поэтому я окликнула: «Доброе утро! Правда прекрасный день?» — а потом сказала, что жаркое солнце, наверное, напоминает ему об Африке, а он согласился, мол, да, напоминает.

— Ну, едва ли он бы так сказал, если бы не напоминало.

— Конечно, хотя он и заметил, что африканское солнце еще жарче и не такое приятное, как наше. Тогда я заметила, что как приятно, когда можешь обедать или ужинать на открытом воздухе, а потом… не помню, как именно до того дошло, но слово за слово я пригласила его вечером на ужин, и он как будто очень рад был прийти. Он даже улыбался из-за листьев, то есть я видела в прореху изгороди, что он улыбается, а потом он подошел ближе и заглянул поверх изгороди, он ведь такой высокий, понимаешь. Знаешь, он очень недурен собой, когда улыбается. И, разумеется, отец Талливер тоже придет, так что получится настоящая вечеринка.

Рода замолчала, не столько, чтобы набрать в грудь воздуху, сколько для того, чтобы с удовольствием осмотреть убранство комнаты: напитки, выставленные на столик, и большие вазы садовых цветов в стратегических местах.

При мысли провести вечер в столь разношерстной компании у Дейдре упало сердце, но она утешила себя тем, что Тома это может заинтересовать, хотя он, похоже, не обладал страстью Жан-Пьера наблюдать за ритуалами жизни английского предместья. Так или иначе, Том прекрасно вписался в новое окружение, и Дейдре — с уколом ревности — не могла не заметить, что он прекрасно поладил с Филлис, невестой ее брата.

— Какая душка эта Филлис, правда? — с надеждой спросила Рода. — Это красное с белым платье — то самое, которое она сшила для выхода с Малькольмом на свой день рождения, знаешь ли. По выкройке того американца, Эбенезера Баттерика.

— Очень милое, — без энтузиазма согласилась Дейдре, поскольку Филлис, маленькая, белокурая и жизнерадостная, воплощала все то, чем Дейдре сама не являлась. Более того, на ней были красные туфли, а Дейдре считала, что это одно из многого, что, как говорят, привлекает мужчин.

— У мистера Лидгейта есть жуткие африканские маски, — щебетала тем временем Филлис. — Я однажды ночью видела, как он ходит в такой по саду. Едва не умерла от страха.

— Но их ведь и надевали, чтобы запугивать женщин, — тоном легкого подтрунивания объяснял Том, — в том-то и смысл.

— Чертовски хорошая мысль, — добродушно отозвался Малькольм. — Нельзя, чтобы они забывали свое место.

— Каким бы оно ни было, — дерзко откликнулась Филлис.

— Скоро я тебе покажу, девочка моя, — сказал Малькольм и сделал вид, что собирается надрать ей уши, но она кокетливо от него уклонилась.

— Позвольте принести вам еще коктейль, — галантно предложил Том. — Так от чего у вас так глазки заблестели?

— От коктейля Малькольма, он вон в том зеленом кувшине, — ответила Филлис, прихорашиваясь, как маленькая птичка. Она улыбнулась Дейдре, с удивленной гримаской, точно хотела ей показать, что Том на самом деле гораздо лучше, чем она ожидала.

А Дейдре поймала себя на том, что обижается на этот чуть снисходительный тон. Филлис как

будто сумела вытащить на свет того Тома, которого сама она никогда не видела: веселого и игривого — такого ни за что не представить себе мрачно размышляющим над диссертацией. О благословенное невежество антропологии, подумала она довольно горько, однако чувствуя, что это, вероятно, не весь ответ. Бернард никогда не смотрел на других женщин, когда я была рядом, с вызовом сказала она сама себе, как возмущенная вдовствующая герцогиня эдвардианских времен. И вопреки всему улыбнулась.

— Чему это ты тайком улыбаешься, золотко? — вполголоса спросил Том.

— Смотрела, как ты флиртуешь, — радостно ответила она.

— Да, странно, но, оказывается, я еще умею. Слышал, ждут Аларика Лидгейта. Это не его голос в коридоре?

В гостиную вошел Аларик, торжественный и слегка неуверенный в себе.

Рода засуетилась вокруг него, а потом сказала громко и весело:

— Вам придется быть поосторожнее с тем, что пишете, Том. Мистер Лидгейт пробыл в Африке одиннадцать лет.

Последние слова она произнесла с удивитель-

ным для нее и, пожалуй, хмельным нажимом. Ах, озорник Малькольм, долил ей коктейля, когда она отвлеклась! А тут еще объявился отец Талливер в черном костюме из лучшей, самой гладкой церковной материи — материальное с духовным.

Приняв бокал малькольмовского коктейля, он отвел Роду в сторонку к окну, где заговорил с ней доверительным шепотом. Подобно многим духовным лицам, он в силу необходимости приобрел самоуверенную непринужденность в обращении с незамужними женщинами средних лет, какая нечасто бывает дарована мирянам.

— Вы были так добры, что откликнулись на мой призыв, — начал он. — Так и знал, что он не пропадет втуне. Я сказал себе: «Либо мисс Уэллкам, либо миссис Свон меня выручат».

— Это самое малое, что я могла, — ответила Рода. — Очень надеюсь, что дела у миссис Талливер идут хорошо.

— Спасибо, замечательно. Она с каждым днем идет на поправку. Честно говоря, это была ее мысль поместить то объявленьице в журнале. Возможно, с кафедры прозвучало бы хуже, — задумчиво добавил он. — Но что-то надо было делать. У меня не осталось ни одного чистого

стихаря, а сам я стирать не мастак. — Он рассмеялся с уверенностью человека, который никогда не пытался и не собирается. — Полагаю, у вас в задней части дома хорошее место для сушки.

— Да, я развешу стихари во дворе, — торжественно возвестила Рода. — Разумеется, в самом саду мы выстиранное белье не вешаем, так не полагается. Людям это не понравится, хотя наша соседка миссис Лоувелл сама тут не без греха.

— Конечно, конечно, понимаю, кое-что из одежды не слишком уместно выглядит в саду, но церковное облачение ведь можно допустить.

— Лоувеллы в церковь не ходят, — заявила Рода. — Сомневаюсь, что они поймут, что выстиранные вещи… э… церковное облачение.

На последних двух словах у нее начал заплетаться язык, и она понадеялась, что отец Талливер этого не заметил. Хорошо, подумала она, что как раз в этот момент появилась Мейбл позвать всех к столу.

Проблема меню оказалась непростой, поскольку и Мейбл, и Рода питали довольно старомодное убеждение, что присутствие за их столом духовного лица требует подать какую-нибудь птицу. Очевидным кандидатом показался бы холодный цыпленок, но Дейдре расстроила их планы,

заявив однажды утром, что никак невозможно подавать курятину людям, жившим в Африке, поскольку там практически ничего другого нет и она им, наверное, до смерти надоела. А потому к курятине отца Талливера и артистическим салатам, приготовленным Родой, прилагались и более экзотические закуски.

— Полагаю, вы, африканисты, курятины не хотите, — беззаботно объявил Малькольм, вооружившись сервировочными вилкой и ложкой.

— А что на самом деле едят в Африке? — серьезно спросила Мейбл.

— Племя хадцапи будет есть все, что угодно, за исключением мяса гиены, — соблюдая точность, заявил Аларик.

— Ну… — беспомощным жестом развела руками Мейбл.

— Гиену вам мясник все равно не продал бы, — хихикнула Филлис.

— Большинство африканских племен совсем не прочь полакомиться мясом, когда им удается его заполучить, — сказал Том.

— Да, и многие уплетают даже подгнившее, — без тени улыбки согласился Аларик.

— Им известны принципы приготовления пищи в нашем понимании? — спросила Рода.

— Да, очень многим известны, — откликнулся Аларик. — Но в некоторых очень примитивных обществах просто швыряют в костер неосвежеванную тушку и надеются на лучшее.

— Совсем как в том фильме про австралийских аборигенов, который мы видели в Антропологическом клубе, — вставила Дейдре. — Они бросили кенгуру в огонь — вот и вся готовка.

— Кто-нибудь хочет картофельного салата? — спросила Рода, чувствуя, что разговор свернул на несколько неаппетитные темы.

Она воображала, что присутствие за столом тех, кого она считала интеллектуалами, незаметно преобразит и возвысит обычную болтовню. Фразы будут — как мячики у жонглера — носиться по воздуху, ловко подхватываться и снова лететь. Но теперь она поняла, что интеллектуальную беседу можно сравнить еще и со случайным набором разрозненных предметов — половых щеток, тряпок для мытья посуды и ножей, которые швыряют и которые скорее несутся, чем летят, и иногда их вообще не ловят, и они с грохотом падают наземь. Сквозь дымку от коктейля Малькольма она видела, как маленькие темнокожие аборигены раскачивают, держа за лапы, тушку кенгуру и швыряют ее в костер. Определенно

приходилось признать, что разговор очень отличается от обычного, и это лучшее, на что стоит рассчитывать.

— Вы уже что-нибудь опубликовали? — спросил вдруг у Тома Аларик.

— Нет, но у меня почти закончено несколько статей. — Ответ Тома прозвучал уклончиво, казалось, ему хочется сменить тему.

— Полагаю, вы скоро их куда-нибудь отошлете, — не отступал Аларик и перечислил названия нескольких журналов, весьма уважаемых в мире антропологов.

— Э… да, — безразлично ответил Том.

— Редакторы их перекорежат, будьте к этому готовы. Они, знаете ли, совершенно бессовестные. Даже у меня с ними иногда бывают трудности.

— Очень бы хотелось почитать ваши статьи, мистер Лидгейт, — сказала Рода. — Как по-вашему, они мне понравятся?

Аларик усмехнулся:

— Боюсь, в нашей области удовольствия не ищут.

— Разумеется, кое-какое извлекаешь, указывая на чужие ошибки, — сказал Том. — Это общепринятый вид спорта.

— О да, — совершенно дружелюбно отозвался

Аларик. — Напоминает идеальное хобби для ушедших на покой антропологов. Угадайте, что это за хобби.

Никто не угадал.

— Бортничество, — сказал он, наслаждаясь их недоуменными лицами.

— Пчеловодство, — медленно перевел отец Талливер. — Что ж, полагаю, это полезно для здоровья, интересно, да еще и прибыльно.

— Навязчивая идея, как пчела, донимает! — радостно зазвенел голосок Филлис. — Я угадала?

— Вы совершенно правы, именно ее я имел в виду.

— У вас ульи в дальнем конце сада, мистер Лидгейт? — вежливо спросила Мейбл. — Это было бы идеальное место.

Фраза была встречена взрывом общего смеха, а после возникла пауза, во время которой отец Талливер задал Аларику вопрос про деятельность миссионеров.

— Довольно странно, — задумчиво сказал отец Талливер, точно это было для него своего рода сюрпризом или даже упущением с чьей-то стороны, — что я не получил распоряжения отправиться куда-нибудь миссионером. Я всегда чувствовал, возможно, ошибочно, хотя тут не

мне судить, что там мое призвание.

— Не можете же вы нас оставить, ваше преподобие, особенно когда все так мило у нас устроили, службы и все такое, — растерянно сказала Рода. — Что мы без вас будем делать?

— Возможно, вы как раз в этом нуждаетесь, — строго ответил отец Талливер. — Это может оказаться годиной испытаний, чтобы показать, из какого вы теста.

Рода, думая о внушительной стирке, которую собиралась ради него затеять, почувствовала, что он не совсем справедлив. Неужели он считает, что у нее есть какие-то недостатки?

— Сам я из семьи миссионеров, — отозвался Аларик, — и у моей сестры было призвание, во всяком случае, я так считаю. Сначала она поехала как миссионерка, но обнаружила, что ее больше интересуют языки, чем души. Возможно, тут вмешался дьявол.

— Но ведь миссионеру следует изучить язык людей, которым он несет Евангелие, — запротестовал отец Талливер. — Я бы сказал, что изучение языков и сама лингвистика достойны всяческого восхищения.

— Мы ведь познакомились с вашей сестрой, когда пили чай в саду, верно? — вмешалась Рода.

— Да, припоминаю. И кажется, с вами была еще одна молодая женщина? Темноволосая, в желтом платье? Кажется, ее звали мисс Олифент. — Аларик говорил довольно быстро, точно жалел, что затронул эту тему.

— Да, конечно! Кэтрин Олифент, — ответила Мейбл. — Мы могли бы позвать ее сегодня, Дейдре. Какая жалость, что я об этом не подумала.

— Нас тогда было бы нечетное число, — растерянно сказала Дейдре.

— Могли бы для ровного счета пригласить Бернарда.

Дейдре разразилась нервным смехом.

— Бедняга Бернард, — заметила Филлис. — Боюсь, вы основательно подставили ему ножку, Том. Но такого, надо думать, следовало ожидать, раз на вашей стороне чары чернейшей Африки.

— Очень надеюсь, что вы миссионером не поедете, отец, — сказала Рода, которую как будто вернула к теме фраза, ввернутая Филлис. — От одной только мысли у меня сердце заходится.

— Конечно, мы не хотим, чтобы отец Талливер уезжал, — сказал Малькольм, — но мы не должны становиться у него на пути, если он считает, что должен. Помните псалом Льюиса Хенсли?

— «Над языческими дальними странами бро-

дит мрачная тьма», — процитировала Мейбл.

— Наверное, она потому такая мрачная, что нашему отцу Талливеру не представился шанс ее развеять, — импульсивно выпалила Рода.

Какая же дурашливая эта Рода, подумала Дейдре, словно сама собиралась флиртовать с отцом Талливером. Она была слишком молода, чтобы понять, что женщины в возрасте ее тетушки еще вполне могут интересоваться мужчинами. Ей предстоит прожить еще много лет, прежде чем у нее зародится ужасное подозрение, что этот интерес, вероятно, никогда не проходит.

— Наверное, я найду там непочатый край работы, — сказал отец Талливер, чувствуя, что слова Малькольма почти заставляют его броситься в штаб-квартиру миссионерского общества. — И, конечно, надо помнить про Беатрис.

— Бедная миссис Талливер. Может быть, нам стоит послать в санаторий цветы или фрукты? — предложила Мейбл.

С этой фразой разговор как будто преодолел все пороги и мирно перетек к приходским делам. После ужина Аларик оказался брошен с отцом Талливером и обеими хозяйками, а молодежь ушла в сад.

— Надо бы тебе показать Тому реку, — с на-

жимом сказал Малькольм. — Она главное украшение наших мест. Думаю, ему захочется прогуляться.

— Полагаю, они хотели остаться одни, — извинилась Дейдре, когда они с Томом спускались к дорожке вдоль берега.

— Вполне справедливо, наверное. Мне понравился твой брат. Отличный малый, как сказали бы в викторианском романе, — добавил Том быстро, поскольку это было любимое выражение Кэтрин и как будто нуждалось в объяснении.

— Не могу представить тебя с викторианским романом, — с сомнением сказала Дейдре.

— Я действительно редко их читаю. А вот и река, как раз в конце тропинки. Удобно, правда?

— Ну, для регаты очень даже недурно, но это не самый красивый участок реки. Хочешь, пройдемся по берегу?

— Пойдем.

Они молча шли по густой траве, то и дело спотыкаясь о кочки. Дейдре чуть впереди Тома, точно показывая ему дорогу.

Темнело, по ту сторону реки зажигались огоньки, придавая пейзажу романтически европейскую атмосферу.

«Вот тут молодые мужчины и женщины гуляют

по ночам, и им дозволяются определенные вольности в некоторых формах поведения», — думал Том на свой отстраненный антропологический манер. Притянув к себе Дейдре, он почти церемонно повел ее к скамейке под кустом бузины, усеянным белыми, приторно пахнущими цветами.

— Я так тебя люблю, — вздохнула она. — Но ведь женщинам не положено говорить такое мужчинам.

— Даже не знаю почему.

Тому часто это говорили, и он никогда не мог понять, откуда у женщин этот почти суеверный страх выражать свои чувства словами. В конечном счете это не имело значения, хотя на ранней стадии романа могло вызывать беспокойство, и, разумеется, они, пожалуй, считали неразумным выкладывать все козыри в начале игры.

— Потому что любовь может быть… безответной. — Она нахмурилась старомодному словечку, которое ввернула, но почувствовала, как Том улыбается в темноте.

— На твоем месте я бы не волновался.

— Наверное, это, как говорят французы, про того, кто целует, и того, кто подставляет для поцелуя щеку.

— Тогда давай я тебя успокою.

Она правда очень милая, думал он, честная и без затей. С ней он возвращался на много лет вспять, она напоминала ему Элейн, его первую девушку, в которую он был влюблен дома, когда ему было восемнадцать. Кэтрин, будучи старше, была слишком сильной личностью и вечно пыталась заставить его соответствовать ее представлению о том, каким он должен быть.

— Пожалуй, пора возвращаться, — сказала Дейдре, уловив, что он витает мыслями далеко.

— Давай посидим еще немного. — Он пригладил ее волосы, растрепанную хризантему. — Тебе тут плохо?

— Совсем нет…

Тут она вспомнила, что последний раз целовалась у реки в тот самый день, когда познакомилась с Томом. Бедный Бернард, что, если он вдруг сейчас объявится? Но здесь она его видела обычно в дневные часы, когда он натаскивал гребную восьмерку клуба, ездил на велосипеде или выкрикивал в мегафон загадочные формулы гребцов.

А Тому запах бузины напомнил о детстве. Наверное, в саду у них рос этот куст. Пруст, подумал он, вот что сказала бы Кэтрин.

Они медленно возвращались, держась за руки, и Том говорил о своих планах.

— В конце августа я поеду домой и, наверное, останусь на несколько дней.

— Да, твоя мама захочет, чтобы ты побыл с ней, — послушно сказала Дейдре.

— Пожалуй, да, но она не из тех, кто выставляет напоказ свои чувства, и мой брат все время там.

— Что не вполне одно и то же, — ласково заметила Дейдре.

Они уже подошли к домам и той части берега, где местные жители наскоро выгуливали собак перед сном. Навстречу им направлялись две фигуры, за которыми на некотором расстоянии плелся старый толстый терьер. Мужчины обсуждали Большой турнир по крикету. Внезапно Тому ужасно захотелось оказаться рядом с ними, идти в темноте и вести мужской разговор подальше от льнущей приторной сладости любви или — еще лучше — дома за пишущей машинкой и диссертацией. Ведь конец уже виден, и тяжкий труд все-таки будет завершен. Внезапно радостно сжав Дейдре руку, он прибавил шагу.

— Это мистер Лоувелл со своим псом и мистер Дулк, что живет напротив нас, — сказала Дейдре, тоже поторапливаясь. — Не хочу останавливать-

ся и с ними разговаривать.

Когда они повернули на ее улицу, в теплом ночном воздухе поплыли звуки виолончели — округлые и изысканные.

— Это мисс Каберлейдж, — объяснила Дейдре. — Она играет в оркестре, и часто слышно, как она репетирует.

Они немного постояли, слушая и глядя в небо, на котором четко выделялись силуэты радиоантенн.

— Почти красивые, — сказал про них Том. — Символ эпохи, в которую мы живем.

— Как и миссис Лоувелл, выставляющая хлопья к завтраку, — подхватила Дейдре, когда они проходили мимо соседского дома.

В незашторенные окна было видно, как хозяйка накрывает на стол, ставит цветные пластмассовые миски и достает из буфета гигантские пакеты хлопьев.

— Жизнь продолжается, — задумчиво произнес Том.

— Да, наверное, утешительно видеть, как люди занимаются обыденными делами.

Дома мама тоже скорее всего накрывает к завтраку, а потом тетя тихонько прокрадется вниз посмотреть, все ли она правильно сделала. И

делать это они, вероятно, будут до конца своей жизни.

13

И для Кэтрин жизнь тоже продолжалась, впрочем, она и сама знала, что так будет. О жизни она думала как о давней подруге или, возможно, надоедливой престарелой родственнице, настырной, стучащейся, льнущей, никогда не оставляющей ее в покое, наделенной властью дарить мгновения счастья, но в настоящий момент на них скуповатой. По всей вероятности, дух радости из стихотворений Шелли, который приходит так редко, был иного порядка — вроде красивого молодого человека, которого Кэтрин в настоящее время не могла себе представить. Она встречалась с редакторами, писала статьи и рассказы, а по вечерам читала своих любимых унылых поэтов: Харди, Мэтью Арнольда и малых викторианцев. Она даже нашла в себе силы взяться за Достоевского. Часто она тосковала, что у нее нет скучной подруги, с которой можно провести день на дневном спектакле или расхаживая по магазинам, а после приятно посплетничать за чаем. Среди ее знакомых было больше мужчин, чем женщин, и почему-то ей казалось, что их обще-

ство будет менее утешительным, чем женское.

Однажды утром она бродила по большому магазину, который нравился ей тем, что вызывал ассоциации с чем-то старым и респектабельным. Как раз в такое место могла бы ходить за покупками, приехав в Лондон, мать Тома, или могли бы собираться чиновники колониальной администрации, которые, много лет проведя в одиночестве буша, и теперь искали бы убежища от мишурного блеска Оксфорд-стрит. А потому она даже не удивилась, когда, лениво бредя по первому этажу, наткнулась на группку людей, которые пили кофе в плетеных креслах, и в одном из них узнала Аларика Лидгейта. С их первой встречи она несколько раз его вспоминала, поскольку ее привлекли его странность и очевидное одиночество. И вот он сидит один и читает журнал, который, судя по названию, имел какое-то отношение к той части Африки, где он провел одиннадцать лет.

— Надо же, мистер Лидгейт! — воскликнула она, останавливаясь у его столика.

Робость не числилась среди ее недостатков, и она очень даже намеревалась сесть к нему.

— Мисс Олифент. — Так, значит, он помнит, как ее зовут. — Какой приятный сюрприз! Выпьете

со мной кофе?

Кэтрин заметила нерешительную улыбку, скользнувшую по рубленым чертам истукана острова Пасхи.

Заказали еще кофе и шоколадных бисквитов. Устроившись поудобнее, Кэтрин достала портсигар.

— Что читаете?

— Так, просто одна моя статья… Две опечатки, так неприятно… Но уверен, вам не слишком интересно. — Закрыв журнал, он положил его на свободное кресло.

— Зависит от того, о чем она, — честно ответила Кэтрин. — Думаю, вы могли бы помочь мне кое с чем, о чем я как раз пишу.

— Вот как? — Он посмотрел на нее подозрительно, точно подумал о сундуках с заметками у себя на чердаке.

— Да, я пишу рассказ о человеке, который только что вернулся из Африки. Я сделала его охотником на крупную дичь — сафари вроде бы подходит для читательниц моего толка. Естественно, герой должен вспоминать о стране, где побывал, и я задумалась, а не слишком ли дикие мысли вкладываю ему в голову.

— Боюсь, тут не мне судить, — сказал Ала-

рик. — Мне не хотелось бы гадать, какие мысли приходят в голову охотнику на крупную дичь.

— О, я совсем не это имела в виду. Понимаете, у меня он сидит в гостинице в Западном Кенсингтоне, вспоминает шум дождя в мангровых зарослях или смеющиеся лица женщин, которые несут с полей ямс, а на самом деле за окном английская морось и серые, замкнутые лица пожилых дам в фойе. Понимаете, о чем я?

— Пожалуй, даже слишком хорошо. — Он рассмеялся, но без особого веселья.

«Задело за живое», — подумала Кэтрин. Это ведь он навел ее на мысль о рассказе про охотника, что застрял в гостинице в Западном Кенсингтоне. Во всяком случае у нее хватило милосердия немного поменять основные обстоятельства.

— И что происходит в вашем рассказе? — вежливо спросил он с полуулыбкой, точно потакал ребенку.

— Он знакомится с племянницей одной пожилой дамы, которая ее навещает.

— А потом?

Кэтрин было удивилась, но потом сообразила, что он скорее всего сентиментальную литературу не читает.

— По сути, это и есть конец. Они идут гулять

под дождем, и он вдруг чувствует, что есть что-то приятное в английской мороси… Я не закончила, но уже ясно, как все пойдет. А капли дождя могут бить по листьям мангровых зарослей? И ямс с полей носят женщины? Не хотелось бы насажать ляпов.

— Жаль, — начал он, прибегая к своему любимому обороту для рецензий, — что остальные не так дотошны, как вы. Авторы научных журналов хуже всего. Я часто нахожу…

В этот момент его окликнули. Кэтрин увидела, как на Аларика надвигается продубленный мужчина с блеском «старого моряка» в глазах. За ним семенила затрапезная маленькая женщина, непритязательная, почти забитая с виду. Аларик представил пару как Мортимера Джессопа и его сестру мисс Джессоп, у которой как будто и имени не было и которая не принимала участия в разговоре, состоявшем из пространных реминисценций Мортимера Джессопа о событиях в Африке, перемежаемых краткими комментариями Аларика. Кэтрин попыталась разговорить мисс Джессоп так, как, на ее взгляд, одна женщина способна расположить к себе другую: мелкими замечаниями о погоде и товарах в витринах. Но особым успехом ее попытка не увенчалась, и

через какое-то время она сдалась и стала слушать беседу мужчин. Разговор ее даже увлек, хотя смысла в нем как будто не было.

— …отношение туземцев, — рокотал Мортимер Джессоп. — Вы же помните, как высказался консул, коротко и по делу. В том смысле, что если бы он потрудился прочесть доклад Крэбба о передаче инвентаря, то нашел бы ключи именно там, где говорилось, — под ковриком! Правительство же послало туда войска — это было в двадцать втором, конечно, еще до вас. Вы же понимаете, что именно поэтому нельзя было провести железную дорогу напрямую? Пришлось класть рельсы в обход территории. Все эти благородные дикари и прочая сентиментальная чепуха. Уж я-то знаю, что сделал бы на их месте.

— Вы проложили бы железную дорогу напрямую, мистер Джессоп? — спросила, поднимая на него глаза, Кэтрин.

Мортимер Джессоп осекся, потеряв нить рассуждений. Возможно, он привык только к сестре в качестве слушательницы и не ожидал комментариев.

— Уж я бы, как сегодня говорят, поставил на фарт. — Он лающе хохотнул.

— Полагаю, нам пора идти, — заметил, глянув

на часы, Аларик.

— Слышал, вы работаете в лондонском офисе, — сказал Мортимер Джессоп.

— Да, на полставки. Сегодня у меня выходной, — объяснил Аларик.

— Что поделываете? Непыльная работенка, полагаю? Разносите подносы с чаем по коридорам? — добродушно хохотнул Мортимер Джессоп. — Мне бы такое, боюсь, не подошло, мне надо быть под открытым небом. Живу теперь в Баронс-корте, — добавил он, словно это имело какое-то отношение к его предыдущей фразе.

Кэтрин вообразила необозримые феодальные просторы, хотя знала, что Баронс-корт всего лишь следующая станция за Западным Кенсингтоном.

— Мне уже правда надо идти, — сказала она.

— Да и нам тоже, — откликнулся Мортимер Джессоп. — У нас ленч с нашей давней приятельницей миссис Боун, а кормит она очень даже неплохо — обычно птицей. Ну, Лидгейт, приятно было вас повидать. — Он собрался было уходить, потом повернулся вдруг и сказал Аларику театральным шепотом: — Кстати, кто был тот карлик, с которым я видел вас посреди дороги в сорок пятом?

Кэтрин, ожидавшая ответа в духе «это была

не дама, а моя жена», с удивлением услышала довольно чопорный ответ Аларика:

— Это был Панти Ба собственной персоной.

На том мистера Джессопа и его сестру унесло порывом смеха первого.

Ответить на заявление Аларика было нечего. Любое замечание было бы неловким, вероятно, даже нелепым — во всяком случае из ее уст, решила Кэтрин.

— Вождь местного племени, — уловив ее любопытство, объяснил Аларик.

— Ну и странные же у них имена. — Она начала собираться. — Большое спасибо за кофе. Я рада, что тут на вас наткнулась.

— Да, приятно было снова вас повидать, — довольно церемонно произнес он. — Возможно, будут другие случаи?

Вопрос повис в воздухе. Улыбнувшись ему, Кэтрин пробормотала что-то невразумительное.

— Я иду в винный отдел, — сказал он, — надо забрать новый список.

— О, а я как раз взяла. Держат марку, надо признать. Понимаете, я храню их, чтобы читать.

— И я тоже. Вешаю у стола, — с удивлением произнес Аларик.

— Значит, у нас есть что-то общее, — строго

констатировала Кэтрин. — Такое утешение находить это в людях.

Надо же, как совпало, что у нас общая странность, думала она, ожидая, когда зажжется зеленый свет, чтобы перейти улицу. Мелочь, но как будто доброе предзнаменование, хотя она не знала, чему именно. Им суждено провести вместе долгие вечера, читая друг другу выдержки из винных карт? Возможно, такое следует предвкушать, подумала она и улыбнулась сама себе посреди машин. Ноги ей обдували жаркие выхлопы автобусов, а она все еще стояла, упустив свой шанс перейти, поскольку была слишком поглощена… и надо же какой нелепицей! Тут перед ней возник затор в движении, и она поймала себя на том, что заглядывает в окно машины, — большого, несколько старомодного лимузина с жемчужно-серой обивкой и серебряными вазами с душистым горошком у окон. Сидящая в нем пара — вычурно одетая кукольная женщина поблекшей миловидности и священник с клочковатой бородой — была увлечена разговором. Когда лимузин тронулся, Кэтрин увидела, как священник кладет ладонь на локоть женщины.

Было в этой сценке что-то тревожащее, хотя она не могла бы сказать, почему. В самом жесте

не было ничего фамильярного или неуместного: вероятно, священник просто подчеркивал какие-то свои слова, и все равно тут чудилось что-то неправильное. Кэтрин в глаза эту пару раньше не видела, но ей казалось, что она должна их знать. Ей вспомнился недавний разговор с Марком и Дигби: те смеялись над тем, как профессор Мейнуоринг разъезжает в похожей машине с их патронессой миссис Форсайт. Если это действительно миссис Форсайт, то священник рядом с ней, несомненно, ее исповедник. Решительно никаких нет причин, почему нельзя исповедоваться в «Даймлере», хотя это несколько необычно. Вот только священник слишком уж напоминал того, кто пил чай в саду с Лидгейтами и мисс Кловис, когда они с Томом навещали Дейдре. Странно… Но так ли уж странно, если подумать? Разве их не мог свести общий интерес к Африке? Известно ведь, что на его счету и более странные дела…

14

— Хотелось бы знать, я хорошо выгляжу? — Марк отступил на шаг, чтобы Том с Дигби могли получше его рассмотреть.

— Не вижу никаких изъянов, — ответил Дигби. — Правда, опыта в таких делах у меня нет. Том вращался в мире, где устраивают танцы для дебютанток, пока не узрел свет и не вышел из племени, вот его и спрашивай.

— Сойдешь, — уклончиво ответил Том. — Костюм как будто вполне нормально сел. Полагаю, ты вставишь в петлицу белую гвоздику?

— Да, наверное, хотя, по правде, предпочел бы что-нибудь поэкзотичнее. Какая жалость, что в тех немногих случаях, когда мужчинам позволено носить цветы, это обязательно что-то неинтересное. Только представьте себе, как смотрелись бы орхидеи на ветке.

— Моя тетя надеется на по меньшей мере двух молодых людей, — сказал Том, — поэтому тебе придется как-то восполнить наше отсутствие. Она совсем извелась, иначе не закидывала бы сети так широко. Моя кузина такая высокая, бед-

няжка. У нее большие золотые стопы, насколько мне помнится?

— Золотые стопы? — с опаской переспросил Марк.

— Да, так мне помнится. Наверное, когда я в последний раз ее видел, на ней были золотые вечерние туфли.

— А шампанского много будет? — с толикой зависти спросил Дигби.

— Реки, — откликнулся Том. — По всей очевидности, комнату, где они должны танцевать, и двор позади дома превратили в подобие португальской рыбацкой деревушки — повсюду сети висят и все такое.

— Это вы называете забавой, да? — поинтересовался Дигби. — Оптическая иллюзия? Самообман?

— Да, комнату нельзя оставить как есть, — согласился Том. — Моя тетка пригласила тебя на обед перед танцами, Марк?

— Да, и, надеюсь, это хороший знак. Я думал, только немногих избранных зовут на настоящий обед, или это потому, что она знает о моем финансовом положении и пытается выказать доброту?

— Если так, тебе не следовало соглашаться, — вставил Дигби. — Даже у антропологов должна

быть гордость.

— Я ей сказал, что ты очень высокий, — объяснил Том. — Думаю, она поэтому тебя пригласила. Самый подходящий в светском плане и самый высокий — полагаю, ты найдешь, что это основные критерии. У тебя есть деньги на такси?

— Да, спасибо. Еще какие-нибудь советы будут?

— Нет, увидимся завтра. Следует подумать о продолжении, если хочешь быть абсолютно корректным.

— Цветы послать, и все такое? — небрежно спросил Марк. — Про это-то я знаю.

— Очень надеюсь, что с Марком все будет в порядке, — с недобрым предчувствием сказал Дигби, когда они усадили приятеля в такси. — Мир жесток и полон соблазнов, и иногда я спрашиваю себя, хватит ли у него силы характера устоять перед искушениями.

— Полагаю, в Белгравии он в полной безопасности, — заверил его Том. — Хотя, побывав там, он может разочароваться в здешней обстановке. Пойдем поедим чего-нибудь?

Они поджарили яичницу и сварили кофе, после чего Дигби удалился к себе в комнату писать доклад к семинару в следующем семестре. По-

добные произведения обычно столь эфемерного свойства, что нет необходимости сохранять для истории его название. Он состоял из уймы сведений, надерганных из книг и украшенных (по мнению самого Дигби) его собственной интерпретацией. Мечта всех, кто читает доклад любого толка, чтобы в протокол было занесено: «Последовала бурная дискуссия», — и Дигби трудился с прицелом как раз на дискуссию.

А вот Том уже ушел дальше перетолковывания чужого материала, ему требовалось только представить собственный в форме, достойной кандидатской диссертации. Конец уже был виден, когда он обнимал Дейдре у реки, и вдруг — словно всего часа два пролетело! — оказалось, что диссертация завершена.

С глубоким вздохом он потянулся за сигаретами, только чтобы обнаружить, что уже держит одну во рту, и оглянулся в поисках Кэтрин. Но той, разумеется, тут не было. Выбежав в коридор, он набрал ее номер. Трубку она подняла сразу, и только тут Том вспомнил, что уже за полночь и что телефон стоит возле ее кровати.

— Ты спала? — спросил он, сообщив ей великую новость.

— Почти заснула, но я рада, что ты позвонил.

Я собиралась побаловать тебя бутылкой «Пуйи-Фюиссе», верно?

— Чем?

— Никогда не смогу выговорить это название два раза кряду, сам знаешь. Это белое бургундское.

— Как у тебя дела?

Возникла краткая пауза, потом Кэтрин сказала:

— Спасибо, прекрасно.

— Надо бы нам встретиться. Помнишь, я говорил, что скоро поеду к родителям, поэтому лучше до того.

— Ладно, и тогда можем выпить «Пуйи-Фюиссе».

— Ага. А оно у тебя сейчас есть?

— О да, купила его несколько дней назад, когда эта мысль пришла мне в голову.

— Ох, Кэтти… А к тебе нельзя прийти? Выпили бы сейчас?

— Думаю, не стоит, вино ведь не портится, знаешь ли. Доброй ночи, милый Том, я так рада, что ты ее дописал.

Повесив трубку, она просто повернется на бок и заснет, обиженно подумал он, но тут он был к ней несправедлив. Ей пришлось встать и, заварив

себе чаю, до первых петухов читать Достоевского. К тому времени, когда она снова смогла заснуть, уже рассвело.

Том немного расстроился от мысли, что она уже купила вино для маленького праздника, который планировала. Патетичность этого жеста его смутила, ведь Кэтрин — такая сильная, самодостаточная личность, что на деле никто и не считает ее жалкой. Она на все смотрит отстраненно и, наверное, прямо сейчас выстраивает вокруг их разговора душещипательный рассказик. И все равно он предпочел бы не знать про вино.

Он стоял в коридоре, спать ему совершенно не хотелось, и он не знал, что с собой делать. Конечно, следует позвонить Дейдре. Тут он вспомнил, который час, и вообразил себе, как ее мать или тетка, закутавшись в унылые халаты, спускаются ответить на звонок, возможно, опасаясь, что умер кто-то из родных или что Малькольм попал в аварию. Поэтому придется подождать до утра. Дигби лег спать, Марк был на танцах. Том почти уже жалел, что не принял приглашение тетки и тоже не поехал танцевать. Перевозбуждение не позволяло ему улечься в кровать, и он решил, что прогулка его успокоит, а потому, надев твидовый пиджак, потихоньку выбрался из дома. Очутив-

шись под открытым небом, он энергично зашагал по улице, чувствуя, как с его плеч свалился груз диссертации. Почему бы не пойти посмотреть на дом тетки, где танцы в самом разгаре?

Миссис Беддоуз жила в одном из многочисленных, выстроившихся вдоль улицы особняков. Каждый когда-то занимала одна состоятельная семья, но сейчас их нарезали на квартиры или превратили в правительственные офисы. Даже несмотря на то, что Том, по выражению Дигби, узрел свет истины и покинул племя, он невольно чувствовал: есть нечто бесконечно унылое в том, что в чьих-то гостиных стоят теперь ряды картотечных шкафов, что паркетные полы царапают раскладные столы, а в лунном свете поблескивают проволочные корзинки и белые фаянсовые чашки с блюдцами. Если мы оплакиваем упадок великих цивилизаций прошлого, думал он, разве не следует также сожалеть об ужасающей уравниловке, в которую вылилась наша собственная?

Но сейчас здесь звучала музыка, пульсирующий ритм румбы или самбы — он забыл эти танцы. Над крыльцом теткиного дома красовался красный навес, к входной двери протянулась через тротуар ковровая дорожка, и все окна были

ярко освещены. Танцуют скорее всего в задней части, и Том мог вспомнить или вообразить себе происходящее: обнаженные плечи девушек в облаках тюля, повсюду цветы и псевдорыбацкие сети, громкие благовоспитанные голоса, музыка, смех и где-то мелодичный звон, с каким упавший бокал шампанского разбивается об пол на сотни осколков. И в центре всего этого Марк, бедный студент, своего рода Золушка в мужской ипостаси, кружится и кружится в паре с прекрасной девушкой.

Что мешает ему, племяннику хозяев, войти и присоединиться к всеобщему веселью? Он остановился у красной ковровой дорожки, стараясь принять решение. Потом опустил взгляд на свои старые замшевые мокасины на резиновой подошве — в них он танцевать не может. И, возможно, старые фланелевые брюки и твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях тоже будут смотреться не к месту. Выходит, путь в рай ему закрывает только одежда? Должно же быть нечто большее…

— Эй, дружок, что это ты затеваешь?

Размышления Тома прервал грубоватый, но добродушный голос полицейского, заставив почувствовать, что требуется какое-то объяснение

его присутствию.

— Это дом моей тетки, — сказал он. — У нее вечеринка с танцами. Я как раз спрашивал себя, стоит ли туда идти.

— На твоем месте я бы не ходил, — умиротворяюще сказал полицейский.

— Знаю, звучит невероятно, — пожал плечами Том, — но это правда дом моей тетки. Однако, наверное, мне лучше пойти домой.

— Вот именно. Без толку тебе тут стоять.

По доброжелательному тону полицейского Том предположил, что тот считает его безобидным сумасшедшим, который бродит по ночам, — даже не ошивается со злостными намерениями, подумал он с толикой горечи. Они пожелали друг другу доброй ночи, и Том пошел своей дорогой.

Вскоре после того — так во всяком случае казалось — он ощутил на лице солнечный свет, а над ним с чашкой чая стоял Марк, все еще во взятом напрокат вечернем костюме. На дворе было утро, и танцы закончились.

Марк был переполнен своим успехом у дебютанток, и в особенности у одной, которой как будто очень хотелось встретиться с ним снова.

— Надеюсь, она богата, — сонным голосом сказал Том.

— О да! Я с самого начала это выяснил. Они с подружкой живут в квартире на Керзон-стрит, и она сказала, что, возможно, поступит на курсы секретарш или пойдет поработает моделью, но папочка этого не хочет, просто все сегодня что-нибудь… — Не договорив, он упорхнул из комнаты.

— Какие только скрытые таланты не расцветают в друзьях, — заметил Дигби. — Я и не знал, что Марк способен так хорошо изображать молоденькую девушку. Надеюсь, после многообещающего старта он не провалит продолжение.

— Ему бы следовало послать ей цветы и поспешить с приглашением на ленч. В какое-нибудь из наших мест поплоше. Ей это покажется забавным и не пресным, — откликнулся Том.

Странно вспоминать, что он сам когда-то стоял на пороге такой жизни и всем этим поступился, чтобы уехать в Африку и изучать обычаи так называемого примитивного племени. Ведь если вдуматься, что может быть примитивнее, чем неизменный церемониал выпуска дебютантки на рынок невест?

15

На протяжении следующих нескольких недель в кружке молодых антропологов произошли существенные перемены. Жан-Пьер ле Россиньоль после визита в Борнмут для изучения англичан на отдыхе благополучно отбыл во Францию. Брэндон и Мелани Пербрайт отправились в экспедицию собирать материал о брачной жизни примитивного племени и в обмен щедро делиться информацией о своей собственной, что переполняло туземцев радостью и изумлением. Том после веселого вечера за распитием бутылки «Пуйи-Фюиссе» с Кэтрин сел редактировать диссертацию и готовить текст к публикации. С Дейдре он встречался настолько часто, насколько было необходимо для его спокойствия и благополучия, что было самую малость меньше, чем хотелось бы самой Дейдре. Примроуз и Ванесса уехали на каникулы в Италию, а Дигби и Марк собирались с силами навестить родителей в Ноттингеме и Вулверхэмптоне соответственно.

Кэтрин решила, что они с Дейдре теперь могут встретиться по-дружески, и однажды утром

ждала среди мозаичных павлинов, когда та присоединится к ней за простым ленчем.

— Самое подходящее место для двух женщин посидеть за ленчем, — сказала она, когда Дейдре пришла, — никакой выпивки и съестного не так много. Ни мяса, ни птицы, только яйца-пашот да валлийские гренки с сыром, та самая пища, на которой строится хребет нашей великой страны. И опять же мы должны сами себя обслуживать. Тебе обязательно прижимать к груди этот сверток, что бы в нем ни было? Я бы на твоем месте его на стул положила, чтобы застолбить место.

— Наверное, так и сделаю, — согласилась Дейдре. — Думаю, ничего страшного не случится.

Когда они вернулись за столик с подносами еды, она так демонстративно беспокоилась о свертке, что Кэтрин сочла, что от нее ожидается хотя бы какое-то замечание или даже вопрос, что в нем.

— Это диссертация Тома, — благоговейно произнесла Дейдре. — Он только что дал мне экземпляр почитать. Смотри! — Она развернула обертку. — Четыреста девяносто семь страниц! Как он это сумел?

— Ну, — протянула Кэтрин, — писатель сказал бы тебе, что просто пишешь и пишешь, пока не

дойдешь до четыреста девяносто седьмой страницы, но, конечно, нам не приходится писать такими умопомрачительными объемами, так что я бы назвала это своего рода испытанием на выдержку. С другой стороны, диссертация обязана быть длинной. Ее назначение, понимаешь ли, навести скуку на ученый совет до такой степени, чтобы они совсем отупели и безоговорочно ее приняли. А вот когда диссертация достаточно короткая, чтобы ее прочли от корки до корки, есть опасность провалиться.

— Ах, Кэтрин!.. — Дейдре чуть неуверенно рассмеялась. — На самом деле я знаю, что мне она покажется очень интересной, — добавила она, беря чуть снисходительный тон, каким специалист говорит с профаном.

— Не перепачкай ее в яичнице, — посоветовала Кэтрин, убирая рукопись со стола и наугад пробежав глазами несколько страниц.

— «Однако было бы опасно на этой стадии пускаться в сколько-нибудь пространный анализ…» — прочитала она. — Какие же эти ученые трусы! Когда подумаешь, как рьяно поэты и романисты бросаются в омут анализа человеческого сердца, ума или души, о которых зачастую знают гораздо меньше, чем голубчик Том про свое пле-

мя. И почему им так трудно что-то начать или за что-то взяться? Им непременно надо «пуститься» и «положить начало», ты не замечала? Я надеялась, что излечила Тома от этого, но, по всей очевидности, потерпела неудачу.

Возникла пауза, точно слова Кэтрин могли иметь какой-то более глубокий смысл, признаваемый обеими женщинами. Пусть бы писал себе «положить начало», если хочет, думала Кэтрин. Интересно, не это ли в конечном счете его оттолкнуло? Говорят ведь, что дело в мелочах, что капля камень точит. Возможно, мне следует радоваться, воображая его свободным и победившим, мятежно стучащим на машинке свое «положить начало».

— Кэтрин… — начала Дейдре.

— Да?

— Кто такая Элейн?

— А, Элейн. Почему ты спрашиваешь?

— Том как-то вечером говорил про нее за ужином.

— Бедная Дейдре, это был один из тех злополучных ужинов, когда двое смотрят каждый в свой бокал, выводят каракули вилками и передвигают солонку и перечницу?

— Да, кое в чем. — Дейдре улыбнулась. — Я

очень стараюсь понять, но с Томом не всегда просто, да? — И быстро продолжила, возможно, не желая услышать ответ на свой вопрос: — Насколько я поняла, Элейн его бывшая девушка или что-то в этом роде?

— Да, первая любовь Тома, и, конечно, живет в сельской глуши, а поскольку подходящих кандидатур там немного, так ни за кого другого и не вышла. Очень любит собак, кажется, золотых ретриверов.

— О… Том тоже любит собак? — спросила Дейдре с ноткой отчаяния.

— Даже очень, я думаю. Он погладит собаку, если она подвернется под руку. Наверное, если вырос за городом, то любишь более крупных животных — то есть лошадей и больших собак в противоположность кошкам и пекинесам.

— А, ну… — Дейдре выдавила храбрую улыбку.

— Я бы слишком из-за Элейн не беспокоилась, — утешила ее Кэтрин. — На мой взгляд, Тому просто нравится думать о ней, только и всего. Есть что-то упоительное в воспоминаниях о первой любви. Когда станешь старше, поймешь.

У Дейдре на глаза навернулись слезы.

— Господи помилуй! — встрепенулась Кэтрин. — Что там творится у стойки? Такая

суматоха!

— Похоже, это отец Джемини и мисс Лидгейт, — пояснила Дейдре. — Они лингвисты, понимаешь, и работают вместе.

Кэтрин и Дейдре сидели достаточно близко, чтобы слышать происходящее. У отца Джемини, похоже, возникли сложности с заказом ленча.

— С крокетами? — почти угрожающим тоном спрашивала женщина за стойкой.

— О чем это она? — вопрошал в ответ он.

— Она спрашивает, хотите ли вы картофельные крокеты к фаршу! — четким, нетерпеливым тоном прокричала мисс Лидгейт.

— Не знаю. Откуда мне знать? Я этого не понимаю! — запальчиво воскликнул отец Джемини. — Мне тут не нравится.

— Идите и садитесь, — грубовато отрезала мисс Лидгейт. — Я сама вам принесу.

Отец Джемини разобиженно отошел от стойки, шаркая ногами, как капризный ребенок, и сел за столик совсем близко от Кэтрин с Дейдре. Некоторое время спустя пришла мисс Лидгейт и поставила перед ним тарелку — фарш на тосте с морковкой. Подозрительно глянув на еду, он начал тыкать в нее вилкой и делал это довольно долго, прежде чем поднести кусочек ко рту.

Кэтрин снова задумалась, как это часто с ней бывало, почему у так называемых воспитанных людей такие пронзительные голоса. Нельзя же в наше время считать, что они привыкли отдавать распоряжения слугам. Мисс Лидгейт было слышно на всю столовую, а отец Джемини повышал голос ей под стать. Пожалуй, даже к лучшему, что Дейдре отвлеклась от чрезмерных раздумий о Томе и Элейн и они практически вынуждены были прервать собственный разговор и слушать мисс Лидгейт и отца Джемини.

— Ленч тут гораздо лучше, чем подают у Святого Антония, — заявила мисс Лидгейт, упомянув лондонскую штаб-квартиру миссионерского ордена, к которому принадлежал отец Джемини.

— Мы не забиваем себе голову тем, что едим, — ответил он все еще капризно. — Там у нас на первом месте пища духовная.

— Может, и так, но есть надо, — возразила мисс Лидгейт. — Даже святым приходилось принимать пищу. Акриды и дикий мед, вспомните Иоанна Крестителя.

— В Кенсингтоне акриды не водятся, — несколько не к месту заявил отец Джемини.

— Разумеется, не водятся. Я про то, что если уж собираетесь поесть, то еду следует готовить как

можно лучше, — сказала она, но не стала распространяться на эту тему, возможно, вспомнив их с мисс Кловис собственное ведущееся наспех кое-как хозяйство и ужасающий обед, которым они как-то потчевали отца Джемини.

— Разве вы у нас в Святом Антонии обедали? — саркастически спросил отец Джемини. — Вот уж сомневаюсь. Там ни одна женщина не обедала.

— Не мне судить, — пожала плечами мисс Лидгейт, словно едва ли считала себя женщиной. — Но какое отношение это имеет к моим словам?

Несколько минут оба молчали, доедая тосты с фаршем и переходя к десерту.

— Я надолго в Лондоне не задержусь, — сказал наконец отец Джемини. — Хорошо будет вернуться в Африку.

— Ну, до Рождества-то останетесь.

— Возможно, уеду раньше. Мои планы могут поменяться.

— О чем вы? На что вы поедете, пока не пришли деньги из Америки? — раздраженно спросила мисс Лидгейт.

Отец Джемини загадочно улыбнулся в бороденку.

— Они могут поступить из другого источни-

ка. Америка — не единственная страна, откуда берутся деньги. И, возможно, их хватит, чтобы взять с собой отца Серпентелли.

— Могу себе представить, каких результатов вы от него добьетесь. — Мисс Лидгейт фыркнула. — Ба, да он даже открытого «е» не отличит. Откуда вы возьмете деньги? — все-таки спросила она, не справившись с любопытством.

— Не могу сказать. Не должен говорить… пока.

— А… И куда вы поедете, когда получите? Туда же, куда и раньше?

— Нет, нет… я там прошелся самым тщательным образом. Что до остального, там живут сплошные пигмеи. — Он презрительно подчеркнул последние два слова. — Изучать их — пустая трата времени. Я собираюсь к племенам холмов.

— К племенам холмов?! — выкрикнула мисс Лидгейт, стукнув по столу ложкой. — Несколько сотен человек на каждом холме, и каждая группа говорит на другом языке, не состоящем ни в малейшем родстве с любым из соседских! — Она чуть ли не подпрыгивала от возбуждения. — Великолепно! Вам, конечно, известно, что Фэрфекс был там в тридцатых.

— Да, знаю. — Будь ему знакомо такое выражение, отец Джемини непременно спросил бы: «И

что с того?» Вместо этого он весьма самодовольно заявил: — Но я-то там не был.

— Конечно нет. И сам Фэрфекс первым признал бы, что он не лингвист.

— Вы правда думаете, что он был бы первым? — вкрадчиво спросил отец Джемини. — Нет, далеко не первым.

Кэтрин захихикала и повернулась к Дейдре с подходящей остротой, на которую та рассмеялась, но как-то вяло.

— Знаешь, я полагаю, — робко начала она, — что Том довольно скоро снова туда поедет, после того как повидает мать.

— Неужели правда опять до этого дошло? — умышленно туманно спросила Кэтрин. — Я и не знала, что это произойдет так скоро.

— Он говорит, что полетит, — сказала Дейдре. — Я буду так беспокоиться.

Кэтрин сочла, что должна предоставить Дейдре право первенства на беспокойство, и не стала добавлять, что и она, и, вероятно, Элейн тоже будут беспокоиться.

— Ему не терпится вернуться, — продолжала Дейдре. — Кажется, он не может быть по-настоящему счастлив в Англии. Ох, Кэтрин! — вырвалось у нее. — Ты же не думаешь, что там у него

кто-то есть и из-за этого он так хочет вернуться?

— Он никогда ни о ком не говорил, а обычно он в таких вопросах рта не закрывает. Думаю, дело в его любви к работе, хотя, конечно, женщины там очень привлекательные. Сомневаюсь, что мы можем знать обо всем, что происходит в жизни мужчины, или даже следовать за ним любящими мыслями. Впрочем, вероятно, оно и к лучшему. Иногда спрашиваешь себя: «Интересно, что он сейчас делает?» Нельзя знать это всегда.

— Том обычно работал над диссертацией или со мной время проводил. — На лицо Дейдре набежала тень сомнения.

— Да, написание диссертации — отличное алиби и хороший способ держаться подальше от неприятностей, — согласилась Кэтрин. — Но однажды вечером, когда я думала, что он занят как раз этим, он держал за руку молодую женщину в ресторане. — Она бросила на Дейдре один из своих хлестких ехидных взглядов.

— Ой, Кэтрин, мне так жаль… Я не знала, что делать. Понимаешь, я так его люблю.

Ее слова словно эхом отдались среди павлинов, заставив Кэтрин задуматься, часто ли птицы на стенах становятся свидетелями бурных страстей. Конторские сплетни, скучная женская болтовня,

переплетенные под столом пальцы — скорее всего они к такому привыкли.

— Как мне жить, когда он уедет? — продолжала Дейдре.

— Как-то же люди живут, — с невольным раздражением откликнулась Кэтрин. — Ты должна снова встречаться с друзьями, — добавила она тоном автора статей для женского журнала, — или учить иностранный язык долгими зимними вечерами. Но ведь я забыла, у тебя же есть антропология! Только подумай, как пригодятся твои знания Тому. Через два года или того меньше он вернется. Время пролетит незаметно.

Дейдре хотелось спросить Кэтрин, очень ли она несчастна, что Том ее бросил. Ей даже хотелось получить прощение за свою роль в этой истории, но Кэтрин как будто положила конец разговору, посмотрев на часы и предположив, что надо двигаться дальше.

— Надеюсь, ты получишь удовольствие от чтения диссертации, — сказала она, — но не ожидай слишком многого. Боюсь, ты будешь разочарована, если надеешься найти какие-нибудь курьезные или проливающие свет мелочи, но, разумеется, ты-то не станешь читать ее по столь фривольной причине. Ты, возможно, даже

ее поймешь или сделаешь вид, что поняла.

В автобусе по дороге домой Дейдре спрашивала себя, не было ли в словах Кэтрин о диссертации крупинки злорадства? Даже самые приятные люди бывают язвительны, а Том ее практически бросил, если уж на то пошло. Вполне возможно, Кэтрин вообще не поняла бы диссертацию либо пропустила лучшие ее моменты. В дом Дейдре вошла тихонько, надеясь незамеченной проскользнуть к себе, чтобы поскорее приступить к чтению.

Но с кухни раздался голос тетки:

— Это ты, милая? Ты уже пила чай?

Дейдре открыла дверь на кухню, но Роду увидела не сразу, поскольку все помещение было завешано мокрыми просторными белыми хламидами, свисавшими с вешалки для проветривания одежды и капавшими на пол.

— Что, скажи на милость, ты делаешь? — поинтересовалась она.

— Ах, это? Это стихари отца Талливера, — нервно ответила Рода. — Я их постирала после ленча, а сейчас дождь собирается. Уж и не знаю, как их высушу.

— Но почему именно ты должна их сушить?

— Я пообещала помочь, когда миссис Талливер

заболела. Мне правда казалось, что нужно сделать все возможное.

— Но это было довольно давно. Ведь теперь ей уже стало лучше.

— Да, стало, но рискну сказать, она все еще чувствует себя довольно слабой. Выздоровление требует больших сил.

— Тогда почему отец Талливер не отдал их в прачечную?

— Не знаю, милая, — ответила Рода, поскольку такая нелояльная мысль уже пришла ей в голову раньше, когда она стояла, нагнувшись над раковиной по локоть в горячей мыльной воде в то время, которое по обыкновению проводила, сидя тихонько с библиотечной книжкой.

— Уж я точно ничего подобного для мужчины делать не стану, — презрительно заявила Дейдре, забыв или, возможно, отнеся к высшей категории машинопись, которой иногда занималась для Тома.

— Для Тома, думаю, станешь, — самым игривым тоном ответила Рода. — Как по-твоему, для чая не слишком рано? Мне очень не помешала бы чашечка. Твоей мамы нет дома. Они с матерью Филлис решили пройтись по магазинам. Было объявление о скидках на постельное белье в «Ро-

бинсон энд Кливер», — добавила она. — Очень и очень снижена цена на двуспальные простыни, плюс наволочки в тон.

В гостиной Рода включила обогреватель. От дождя становилось прохладно, а чаепитие, по ее представлениям, всегда должно быть уютным.

— Полагаю, вы с Томом когда-нибудь тоже будете охотиться за такими скидками, — жизнерадостно сказала она.

— Вот как? — с упрямой недоброжелательностью бросила Дейдре.

— Ты будешь скучать по нему, когда он вернется в Африку, — продолжала Рода, ища убежища в самоочевидном. — Возможно, у бедного Бернарда появится шанс.

— С кем бы я ни встречалась, когда Том уедет, это точно будет не Бернард.

— Как по-твоему, Том будет против, если ты станешь встречаться с другими молодыми людьми? — спросила Рода откровенно заинтересованным тоном.

— Ему не придется.

— Мне просто интересно, — начала Рода, расхрабрившись от второй чашки чая, — вы объявите об официальной помолвке до его отъезда?

— Крайне маловероятно. Какой в этом смысл?

— Ну, молодые мужчины и женщины заключают помолвку, — с некоторым вызовом ответила Рода. — Посмотри на Малькольма с Филлис.

Дейдре улыбнулась.

— Сомневаюсь, что у нас с Томом с ними много общего, — сказала она тоном собственного превосходства, а про себя пожалела, что общего так мало.

Какой бы современной она ни была, Дейдре не могла временами удержаться от чуть-чуть завистливых взглядов на традиционное обручальное кольцо Филлис — средних размеров сапфир, а по бокам по бриллианту — и мечтала о том, чтобы Том перед отъездом в Африку предложил ей руку и сердце. Тогда, когда он вернется, они могли бы пожениться. Совсем просто на самом-то деле, но тетке она ни за что в этом не призналась бы.

Рода, со своей стороны, надеялась, что тетка может добиться доверительных признаний, в которых отказывают матери, но тут ее ждало разочарование. Более того, когда они допили чай и Дейдре поднялась к себе, у нее осталось впечатление, что племяннице, в сущности, и дела нет, выйдет ли она за Тома. Если это так, то у бедного Бернарда остается шанс, а если не у Бернарда, то у других. Дав волю разыгравшемуся воображению,

Рода уже не видела пределов романтическим перспективам в жизни племянницы.

Помыв посуду после чая, она оставила стихари отца Талливера печально капать на кухне и тоже ушла к себе, прихватив с собой шитье. Уютно устроившись в кресле у окна, она стала смотреть в сад Аларика Лидгейта.

Сосед копошился среди овощных грядок, по всей очевидности, копая картошку. Потом вышла миссис Скиннер в переднике и, держа над головой зонтик, начала срезать фасоль. Такое обыденные дело — собирать овощи к ужину, но, как и нежелание Дейдре говорить о своих чувствах к Тому, оно как будто приобрело сегодня странную значимость.

Когда они ушли назад в дом, Рода отвернулась от окна и включила переносное радио. В сравнении со всем прочим новости казались скучными и пресными.

16

На железнодорожный вокзал средних размеров шропширского городка Том прибыл в бесперспективное время — половине второго пополудни. Вагона-ресторана в поезде не было, а он забыл прихватить с собой сандвичи. Том поспешил прочь с платформы, поскольку ему очень хотелось избежать встречи с кем-либо, кто помнил его по детству или юности и с кем пришлось бы пускаться в непростые объяснения, чем, собственно, он теперь занимается.

— А вот и вы, мастер Том, доброго вам дня, — приветствовал его контролер. — Нечасто нам выпадает удовольствие вас видеть. Слыхал, вы были в чужих краях?

— Да, в Африке.

— Служили в армии, полагаю?

— Не совсем. — Том улыбнулся при мысли о великой любознательной армии антропологов, взыскателей знания. — Я изучал… э… обычаи одного африканского племени.

Контролер просиял.

— А… я про кое-каких туземцев наслышан.

Вы выбрали удачный день для приезда, правда, правда. У нас сегодня карнавал и цветочная выставка.

— Ах, ну да, конечно. Как всегда, по четвергам, верно.

Появление новых пассажиров позволило ему улизнуть, и Том пешком отправился через городок к дому, где жили мать с братом. В четверг все закрывалось пораньше, вот почему цветочную выставку и карнавал всегда устраивали по четвергам. На некоторые витрины уже опустились жалюзи, и Том вдруг увидел свое отражение: с темной поверхности на него смотрел потрепанный, шаркающий ногами незнакомец с портфелем и холщовой дорожной сумкой. Зрелище ему не понравилось, и он постарался больше своих отражений не замечать. В центре городка наблюдались некоторые признаки того, что можно было бы с натяжкой назвать праздничным духом. Гирлянды разноцветных флажков поперек улиц, перемежаемые плакатами, приветствующими гостей города, обвисли на жарком безветренном полдне. На парковке сгрудились шарабаны, точнее, междугородние автобусы, как их теперь именовали. Из открытых дверей извергались потоки детишек, наряженных эльфами,

китайцами и пиратами. Дойдя до городского парка, Том заметил большой шатер, где будут выставлены цветы и фрукты.

Сцена напомнила ему африканские праздники, на которых он присутствовал, старательно подмечая то и се, например, что такой-то давний обычай, про который он читал, отмер и был заменен каким-то новым и «значимым» ритуалом. А заодно он вспомнил, как в описаниях избегал даже намека на живость и краски, выхолащивая увиденное, пока оно не становилось таким же скучным, как выставка цветов и карнавал в английском городке.

Моллоу-парк (ведь дом носил имя семьи, жившей в нем на протяжении нескольких столетий) располагался на холме чуть в стороне от города. Это было викторианское здание красного кирпича, внутри которого пряталось более раннее, георгианское, почти поглощенное поздними «улучшениями». К дому вела длинная подъездная аллея, с обеих сторон обрамленная темными кустами, сейчас чрезмерно разросшимися после летних дождей.

На террасе стоял брат Тома, Джайлс. Это был молодой человек двадцати семи лет, весьма привлекательной наружности, одетый в старый, но

хороший твидовый костюм.

— А вот и ты, Том. Приехал наконец, — произнес он вместо приветствия.

— Да, моя диссертация дописана.

Нельзя было ожидать от Джайлса, что он оценит важность этой новости, да и сам он не подал виду, что ее оценил, только заметил, что, если бы Том дал знать, когда приезжает, он подогнал бы к станции пикап его встретить.

— Багаж ты, полагаю, там оставил?

— Это все, что у меня есть, — откликнулся Том, указывая на холщовую сумку. — В буше мы путешествуем налегке. Где мама?

— В саду. Через пару минут мы все уходим на цветочную выставку. Полагаю, ты с нами?

— Конечно. Пойду ее поищу.

Если живые изгороди и лужайки казались заброшенными и заросшими, то просторный огород был хорошо ухожен, поскольку миссис Моллоу держала палатку на местном рынке, где продавала выращенное, — совсем как мелкая африканская торговка, подумал Том. Он ожидал застать ее среди грядок фасоли или за работой в парнике. Но когда он к ней подошел, она стояла совершенно неподвижно, глядя куда-то вдаль. Массивная фигура в сером с непропорционально

маленькой головой выделялась на фоне зелени, как замечательная скульптура Генри Мура в лондонском парке. Она не выказала никаких чувств при виде сына, только подставила ему для поцелуя каменную щеку. Том был ее любимцем, и она действительно глубоко его любила, потакая капризам и думая теснее привязать этим к себе. Она много трудилась в саду и находила утешение во всем, связанном с землей, даже во вскапывании грядок, так как была крепкой активной женщиной, и рука, которую взял Том, была загрубелой и не слишком чистой.

— А вот и ты, Том, — сказала она. — Так ты приехал на девять десять с Паддингтона?

— Да.

Она помнила этот поезд по былым временам, когда ездила в Лондон, но ей в голову не пришло, что там не кормят. К тому времени Том тоже уже забыл.

— В этом году я выставляю не только овощи, но еще бегонии и гвоздики, — говорила она, когда они вместе возвращались к дому. — А ты что поделывал? Твоя тетя рассказывала, что ты жил с молодой женщиной где-то возле Риджентс-парка, но теперь ее бросил… это так?

— М-м… да, в каком-то смысле.

— Но должен же ты знать, бросил ее или нет? — резко спросила миссис Моллоу.

— Наверное, мне не нравится слово «бросил», — признался Том. — Мы расстались по взаимному согласию. Это ни к чему не вело.

— А к чему, ты думал, это должно было привести?

— Когда начинали, мы об этом не подумали. Казалось приятным и удобным… — Он осекся, сознавая, какими неподходящими словами пытается описать свои отношения с Кэтрин. — Думаю, я, как ни странно, был в нее влюблен и, возможно, все еще ее люблю. Потом появилась Дейдре, девятнадцатилетняя девушка…

Миссис Моллоу коротко хохотнула.

— Девятнадцатилетние девушки имеют обыкновение появляться, — сказала она. — Джайлс собирается жениться на Фелисити, — продолжала она уже другим тоном. — Мы все очень рады.

— Фелисити? Ах да, младшая сестра Элейн. Мне кажется, это будет весьма уместно. Жаль, что я не смог сделать того, что от меня ожидалось. Если бы я женился на Элейн… — начал он, но тут из-за угла дома вышел Джайлс, жестами предлагая им поторапливаться.

— Мама должна открывать цветочную вы-

ставку, — объяснил он. — Обычная история: устроители рассчитывали заполучить актрису или еще какую-нибудь знаменитость, а в итоге им пришлось вернуться к тому, что можем предоставить мы. Но у нас всего двадцать минут до начала. Ты ведь не пойдешь вот так, мама? — добавил он возмущенно.

— Шляпу, наверное, надену, — равнодушно ответила миссис Моллоу. — Мою серую. Она висит в коридоре.

Теперь они стояли в небольшой комнате, которую Джайлс использовал под кабинет и в которой вел дела поместья. Оглядываясь по сторонам, Том подумал, как мало тут изменилось со смерти отца. Старое жесткое кресло, из которого лезла набивка, так и не починили. Письменный стол забит счетами, квитанциями и бланками многолетней давности. На столе — открытая охотничья книга Джайлса, где размашистым ученическим почерком записано, в какой день он подстрелил столько-то фазанов, куропаток и голубей. Со стен смотрели все те же чучела заячьих голов и кривенькие охотничьи гравюры. Тому чудилось, что перед ним некий феномен культуры, столь же чуждой ему, как любые, какие он видел в Африке. Он вообразил себе, как радовалась бы дому

Кэтрин, как ее яркие глаза выхватывали бы ту и эту деталь, ничего не упуская. Теперь он жалел, что не привез ее сюда, не показал ей свой дом.

— У тебя руки в земле, мама, — продолжал Джайлс тем же раздраженным тоном. — Ты ведь по крайней мере помоешься?

Миссис Моллоу безразлично посмотрела на руки.

— Да, наверное, надо, — признала она. — Где ваш дядя? Он готов с нами идти, если вообще собирается?

— Пойду посмотрю, — предложил Том.

— Найдешь его в малой гостиной, — сказал Джайлс.

И действительно, Том нашел дядю в малой гостиной, где тот в полутьме смотрел спорт по телевизору, — аппарат занимал центральное место в комнате, ни дать ни взять языческий алтарь. Зеленые плюшевые шторы были задернуты, не пропуская никакого света, если не считать маленького лучика, который все-таки пробрался и лег прямо на престарелого мужчину с военной выправкой и белыми висячими усами.

— Привет, дядя, — весело произнес Том. — Разве ты не собирался с нами?

— А вот и ты, Том, мальчик мой! Когда ты прие-

хал? Думаю, я все-таки с вами не пойду. Слушать речи Наоми — развлечение не в моем вкусе, — хмыкнул он. — А кроме того, не хочу пропустить женскую программу в три часа. На этой неделе нам покажут, как выбирать хороший оковалок, исключительно полезно. Разумеется, это для молодых домохозяек, новоиспеченных жен — наверное, их так можно назвать, — у которых еще нет опыта в подобных делах.

Из комнаты Том вышел довольно опечаленный. У него возникло ощущение, что его дядя — своего рода узник или жертва, положенная на алтарь телевидения, которое требует постоянных жертв.

— Гарви не пойдет? — спросила миссис Моллоу, увидев Тома. — Так я и думала. Лучше нам пошевеливаться.

Теперь Джайлс принялся критиковать внешность Тома: по всей очевидности, его синяя вельветовая куртка и серые фланелевые брюки не подходили для парадного случая.

— Ты должен помнить, — говорил брат, — что на тебя будет устремлено множество глаз. Невзирая на всякие перемены, мы тут все еще сливки общества.

Миссис Моллоу нашла в рогатой стойке для

зонтов раскладную трость-сиденье.

— Можешь взять вот это, — предложила она.

— Эмблема ранга, — откликнулся Том, — но не слишком высокого. Только вождю позволено носить ожерелье из зубов леопарда.

— С ней ты и правда выглядишь чуть лучше, — серьезно ответил Джайлс. — Разумеется, мы встретимся с Фелисити и Элейн. Дейлы сейчас нет в городе. Ты ведь помнишь Элейн?

Они поехали в пикапе по дороге, по которой Том прошел меньше часа назад.

— Да, помню, — откликнулся Том. — Должен тебя поздравить с помолвкой. Как по-твоему, тебе по карману жениться?

— Ну, у девушек в той семье есть собственные деньги, — напомнил ему Джайлс. — К чувствам это большого отношения не имеет, но в нашем случае определенно не помешает. Мы сможем многое сделать. Мама с дядей перейдут в сторожку, но, конечно же, сад останется маме.

— Надеюсь, в сторожке найдется подходящее место для телевизора, — сказал Том.

— Да, да, там есть недурная комнатка, — небрежно ответила миссис Моллоу. — Ну вот мы и на месте, и мэр уже нас ждет. Возможно, тебя заинтересует наша скромная церемония, Том, —

сухо добавила она.

Они вошли в большой шатер. Внутри было очень жарко и пахло лесом, теплой парусиной и людьми. Гул разговоров замер, когда в дальнем конце на небольшом подиуме появились миссис Моллоу и ее свита. Том и Джайлс остались стоять внизу, не слушая речь матери, которая была путаной и бессвязной, — по всей очевидности, ей не пришло в голову подготовиться заранее. Но поскольку она относилась к сливкам общества и была хорошо известна своим слушателям, не имело значения, что она говорит.

Том оглядывался по сторонам, выискивая знакомых, но все лица казались лишенными индивидуальных черт: мужчины — обветренные и пышущие здоровьем или бледные и обеспокоенные, в соответствии с родом занятий, женщины — молодые или пожилые, но все в светлых летних платьях и соломенных шляпках, украшенных различными искусственными цветами и фруктами. Где-то под ногами, наверное, сновали дети, но Тома они не интересовали. Должны же Элейн с сестрой Фелисити как-то выделяться в толпе или мы действительно дошли до той стадии, когда все женщины выглядят одинаково, вне зависимости от того, где покупают одежду?

— А вот и ты, Том, — произнес знакомый голос, награждая его, судя по всему, фирменным местным приветствием. — Разве ты меня не узнаешь?

— Элейн?! — Он взял ее руку и надолго задержал в своей. — Я тебя высматривал.

Одета она была, как и все тут, в цветастое шелковое платье, белую шляпку и перчатки, но нитка жемчуга на шее и жемчужные сережки в ушах скорее всего были настоящими. Она была белокожей, довольно пухленькой молодой женщиной одних лет с Томом, с веснушками и, как принято говорить, «ясными» серыми глазами.

Они стояли у столика, где выставлялись ягоды и фрукты: горки малины и слив были красиво выложены на листьях. Ткань шатра отбрасывала на лица зеленоватый отсвет, придавая празднику сказочную атмосферу, точно они находились под водой или в лесу.

— Ты так давно не был дома, — сказала она, но без тени упрека.

— Да, хотя приезжал на выходные от случая к случаю, но, кажется, в прошлый раз ты была в отъезде.

— Я написала тебе на прошлый день рождения, ты получил мою открытку?

— Да, спасибо.

Теперь он вспомнил: это была не открытка, а очень длинное письмо, полное повседневных мелочей, которые бывают либо ах как увлекательны, либо ах как утомительны, в зависимости от чувств, которые испытывает к автору получатель.

— Ты не ответил, поэтому я и спросила. Наверное, был занят.

— Да, проходили выборы нового вождя, потом волнения среди рабочих на плантации, потом нас на шесть недель отрезали дожди и… еще много чего разного.

— У тебя всегда такие впечатляющие отговорки, гораздо внушительнее, чем у кого-либо другого, — улыбнулась она. — Тебе ведь не нужно было прибавлять «еще много чего разного», верно, Том?

Он удивился, как с ним случалось и прежде, проницательности даже самых приятных женщин. Всех, кроме Дейдре, но она, наверное, научится.

— Все равно очень приятно снова тебя увидеть, — сказал он. — Не могли бы мы как-нибудь выпить вместе чаю? Кстати, если уж на то пошло, ленч я сегодня пропустил.

— Ах, Том!

Она тут же забеспокоилась и повела его в чайную палатку, где настояла на том, чтобы отдать ему свою порцию сандвичей и пирога. Где-то далеко играл оркестр, но расстояние смягчило бряцание литавр до приятного фонового гула.

— Сегодня будут танцы, — сказала она. — Ты пойдешь?

— Я и забыл… Всегда ведь танцуют «У короля Эдуарда», верно?

— Конечно! А где же еще? — И добавила, помедлив: — Думаю, ты знаешь, что мы скоро породнимся?

— Да, Фелисити и Джайлс. Так здорово получается.

— Очевидно… — Она опустила глаза на скатерть. — Я слышала, у тебя тоже кто-то есть.

— У меня? Не верь, — от всего сердца возмутился Том. — Я повенчан с антропологией.

Элейн допила чай, и они пошли посмотреть на бегонии, слишком крупные и слишком яркие для обычных цветов, — но по той самой причине требующие изумленных и восторженных восклицаний. Первый приз завоевало творение миссис Моллоу.

— Она ведь размером с обеденную тарелку…

Взять хотя бы вон ту, желтую? — не выдержал Том.

Рассмеявшись, Элейн подняла на него взгляд.

— Не ускользнуть ли нам в паб? — спросил он. — Он, наверное, уже открылся.

— Только не в паб, — с сомнением произнесла она. — Я правда не могу, маме не понравится, не здесь. Если бы меня тут не знали, все было бы по-другому. Но, может, выпьем вечером на танцах?

— Да, конечно, и танцев, надеюсь, будет много.

Вернувшись домой, Том с удивлением обнаружил свой вечерний костюм в гардеробе в своей старой комнате, точно тот только и ждал, когда он вернется и его наденет. Он едва узнал себя в высоком зеркале на верхушке лестницы и решил, что выглядит почти так же элегантно, как Марк в подобном случае. Конечно, ему не мешало бы подстричься, как не преминул указать Джайлс, но лишенные племени должны иметь какой-нибудь явный стигмат своего изгнанничества.

Зал паба «У короля Эдуарда» оказался полон воспоминаний детства и юности. Большой поясной портрет монарха взирал на него и на детских утренниках, и на первых взрослых танцах. Головы оленей с влажными трогательными глазами видели начало его романа с Элейн, пальмы и

золоченые стульчики, расставленные вдоль стен, несомненно, те самые, с его ранней юности. Только букеты гортензий и гладиолусов в вазах будут другими, и люди — старше и, возможно, печальнее от сознания того, что теперь веселится по молодости новое поколение.

Том пару раз приглашал свою будущую золовку Фелисити, но по большей части танцевал с Элейн, которая оказалась на высоте и как партнерша, и как собеседница. Ее реплики были такими традиционными, интонации такими благовоспитанными, что он даже начал расхваливать зал и оркестр и расспрашивать ее, какие спектакли она смотрела и какие хорошие книги ей в последнее время попадались. Но когда они гуляли в саду, один из них или, возможно, оба не раз начинали фразу словами «а помнишь» — неизбежный и коварный оборот, способный свести на нет самую церемонную беседу. Вот так они и стали вспоминать совместные катания, долгие прогулки, танцы, первые робкие и почему-то комичные пробы любви. Элейн напомнила, — а он, оказывается, совершенно забыл! — как он читал ей стихи, что-то ужасно печальное, но она не могла вспомнить, что это было. Кэтрин догадалась бы, подумал он. Хаусмана или что-то из «Сегодняш-

них стихов», вероятно, что-то самоочевидное, от чего теперь не осталось и следа. Он поймал себя на том, что горюет по молодому человеку тех дней, который ходил на долгие сельские прогулки и читал вслух стихи. Теперь он ходил в Риджентс-парк и говорил про свою диссертацию. И спросил себя, а к лучшему ли такая перемена?

Его поцелуй на прощание Элейн приняла со спокойствием, которое разочаровало его после задушевной беседы в саду. Но откуда ему было знать, как долго она приучала себя не думать о нем, а заниматься обыденными делами, собаками, садом, женским институтом, делами прихода, точно в них — вся ее жизнь. То письмо на день рождения, написанное импульсивно, показывало, что она не вполне добилась дружеского безразличия, к которому стремилась, и внезапное появление Тома еще долго будет ее тревожить. Обстоятельства повседневной жизни не способствовали легкой забывчивости, что, конечно же, реже встречается теперь, чем пятьдесят или сто лет назад. Если Дейла и Фелисити получили образование, чтобы делать карьеру, то Элейн выпало оставаться дома. Она могла бы, если бы они ей встретились, выписать на память слова Энн Эллиот, тем более что была одних лет с героиней

мисс Остин: «Несомненно, мы не забываем вас так скоро, как вы забываете нас. Это скорее наша участь, чем наша заслуга. Мы ничего не можем с собой поделать. Мы живем дома, тихо, уединенно, и наши чувства питаются нами. Вы же должны заявить о себе, у вас вечно те или иные дела, которые призывают вас в большой мир, и сами ваши занятия и многие перемены вскоре притупляют впечатления». Но Элейн не была любительницей книг, она бы сказала, что у нее нет времени. Возможно, это и к лучшему, даже если ее обошли стороной утешение и боль от того, что видишь, как твои собственные чувства излагают столь трогательными словами.

Несколько дней спустя Том, растерянный и не слишком счастливый, вернулся в Лондон. Сойдя на Паддингтоне, он позвонил Кэтрин, и они вместе пропустили стаканчик-другой (а потом пятый и даже шестой) в одном из своих старых любимых баров. Он снова рассказал ей про свои чувства к Элейн, но она — к его удивлению — особого участия не проявила. Он-то воображал, что она окажется единственным человеком, кто поймет его растерянность и посоветует, что ему делать. Она же отпускала ехидные замечания о собаках Элейн, а потом почему-то перешла на Дейдре:

вообще-то он собирается жениться на ней, или хочет вернуться в Африку, или что? Ответить он мог только — довольно сердито, — что в настоящий момент ни на ком жениться не намерен и что ей прекрасно известно: он возвращается в Африку, едва уладит все необходимое.

— Твое племя тебя ждет, — усмехнулась Кэтрин. — Как приятно будет убраться подальше от сложностей человеческих отношений к простоте примитивного племени, где единственные затруднения — в структуре родства и правилах землепользования, которые можно фиксировать с блаженной отстраненностью антрополога.

17

Отъезд Тома в Африку был испытанием, которому те друзья, кто делил его с ним, не пожелали бы подвергнуться по доброй воле дважды. Осунувшийся и возбужденный, Том метался по комнатам не в силах решить, что хочет взять с собой или как лучше послать тяжелый багаж, который не укладывался в квоту авиаперевозок.

— Это для нас хорошая практика, — мягко сказал Дигби, забивая гвоздями очередной ящик.

— Я думал, для этого существуют специальные фирмы, — раздраженно ответил Марк. — Когда я поеду, будь уверен, все будет лучше организовано. Ума не приложу, почему он откладывал все до последней минуты. И вообще зачем ему уезжать в такой спешке?

— Наверное, это шок от окончания диссертации. Ведь казалось, что он так ее и не допишет. А потом еще визит к родным, который его, по всей очевидности, расстроил. Он увидел, что ему нет места в кругу семьи среди всех их полезных дел. Возможно, он раньше не сознавал, до какой степени порвал с той жизнью.

— Да, даже в высокоразвитых обществах человеку нужно чувствовать защиту, какую дают родственные связи.

— Тебе не приходило в голову, что есть некоторое сходство между Томом и профом Мейнуорингом? — продолжал Дигби. — Я про их обстоятельства. Они оба порвали со своим светским окружением, то есть с правящим классом.

— Но на этом, я бы сказал, сходство заканчивается. Трудно себе вообразить, чтобы у Феликса были такие проблемы с подружками, как у Тома, если, конечно, у Феликса когда-нибудь имелись подружки. — Марк присел на пятки, как будто упиваясь проблемами друга. — Была девушка дома, которая напомнила ему, как могло бы получиться. Потом Кэтрин, оставленная и брошенная, постоянный для него упрек. А теперь еще Дейдре, которая на нем повисла… Как трудно иногда бывает сопротивляться восхищению юной девушки! — Он мечтательно вздохнул.

— Уверен, Дейдре ничего такого не делала, — сердито отрезал Дигби.

— Хошь не хошь, цитируя Фэрфекса, Тому кажется, что только в Африке его оценят по достоинству. Там он может делать работу, для которой действительно создан, и никто другой ее сделать

не сможет, а именно изучение роли брата матери в брачных церемониях.

— Я ошибаюсь или в твоих словах слышится горечь?

— Возможно, самую малость. Мы-то с тобой где возьмем деньги на экспедицию? Том себе как будто без труда достал.

— Похоже на то. Но, может, нам не стоит считать, что мы ему ровня?

— Ты про миф о гениальности Тома? Много мы видели тому признаков?

— А какие тут могут быть признаки?

— За столько времени, что он тут живет, хотя бы слабый проблеск мог бы проявиться.

— Ну да, в разговоре он не блещет, возможно, даже мы остроумнее его, — неуверенно сказал Дигби. — И по-моему, доклад, который он прочел в прошлом семестре на семинаре… ну… довольно путаный, — добавил он, все больше забывая о снисхождении к другу.

Марк с готовностью подхватил обвинение, и они ударились в высокопрофессиональную дискуссию, в конце которой имели удовольствие доказать, во всяком случае себе самим, что Том далеко не талантлив, а кое в чем определенно глуп, и не всегда «здравый» малый.

— Почти диффузионист, — сказал Марк со злобным блеском в глазах.

— Да ладно! — шокированно охнул Дигби и, чувствуя, что они зашли слишком далеко, сменил тему: — Слышал новости про Форсайтовы гранты?

— Да, был там, когда Фэрфекс про них говорил. Кандидатов собираются приглашать в ноябре на уикенд за город к Мейнуорингу. Странная идея, но, наверное, хорошо будет, когда все решится. Грантов будет два, так?

— Да, думаю, так.

В этот момент в дверь позвонили. Поспешив открыть, Дигби увидел на пороге Кэтрин с аккуратной кипой чистых и отутюженных рубашек и шортов в руках.

— Вы не поверите, — сказала она. — Том обнаружил все это в ящике с заметками и, поскольку не было времени посылать в прачечную, позволил постирать мне, поэтому вот вам.

— Зайдешь?

— Нет, пожалуй. Том здесь?

— Да. Кажется, переодевается в респектабельную одежонку. Он как будто куда-то собрался.

— Ах да, провести последний вечер с Дейдре, надо думать, — деловито сказала Кэтрин. — Могу

себе вообразить, каким он будет. Кстати, я поеду завтра провожать его на аэровокзал, так что увидимся.

— Полагаю, последний вечер с Дейдре окажется не совсем таким, как вечер с Кэтрин, — задумчиво произнес Марк. — Поэтому интересно, а правда ли Кэтрин способна вообразить.

— Писателям нравится думать, что они способны вообразить что угодно, — предположил Дигби. — Или, по-твоему, Кэтрин уже дошла до того возраста, когда пережила столько расставаний и последних вечеров, что знает все, что вообще может случиться?

— Какая скучная, наверное, жизнь у опытной женщины, — сказал Марк. — Говорят ведь, что всем фуриям ада далеко до брошенной женщины[18]. — Он расплылся в обычной своей ехидной ухмылочке. — Ведь и такое бывает.

— Что-то Кэтрин не слишком похожа на фурию. Да, конечно, она выглядела немного раскрасневшейся, но это скорее от того, что стояла над гладильной доской, а от утюга жар идет, знаешь ли, — разумно рассудил Дигби. — Наверно, лучше

---

[18] Примечания: 18

Поговорка, основанная на афоризме Уильяма Конгрива, английского драматурга XVIII в.: «Фурия в аду — ничто в сравнении с брошенной женщиной».

отнести вещи Тому.

Последнего он застал за тем, как тот делал большой глоток бренди из маленькой фляжки.

— Перед каждым путешествием я просто болен от нервов, — извиняющимся тоном объяснил Том. — И вообще нужно подкрепить силы перед прощаниями.

Дигби никак это не прокомментировал, только положил выстиранное белье на кровать и вышел из комнаты. Несколько минут спустя он услышал, как Том сбегает вниз по ступенькам. Он представил себе, как Том встречается с Дейдре в ресторане, заводит веселый легкий разговор, возможно, чуточку выпивает, целует ее на прощание и возвращается домой сравнительно рано, испытывая толику облегчения, что последний вечер позади.

Он, казалось, едва успел засесть за вечернее чтение, когда услышал, как в замке поворачивается ключ Тома, а подняв глаза, увидел, как тот стоит посреди комнаты, щурясь от непривычно яркого света.

— Не беспокойся, — сердечно сказал Дигби. — Я ради тебя за ней присмотрю.

Том кривовато улыбнулся:

— Мне надо закончить собирать вещи.

— Будем надеяться, завтра выдастся хороший день, — сказал Дигби, понимая, что говорит банальности, но чувствуя, что у него нет сил на серьезный разговор.

На следующее утро он проснулся с чувством самодовольства, точно ясное небо целиком и полностью было его заслугой.

— От солнышка всем станет лучше, — заявил он, пока они с Марком готовили на кухне завтрак.

— Что это из тебя лезет, Дигби? Откуда такая задушевность с утра пораньше? — сварливо спросил Марк. — По-моему, ее надо давить в зародыше.

— Я имел в виду Дейдре и Кэтрин, правда-правда. Нас это не заденет.

— Как по-твоему, аэровокзал романтичнее железнодорожного? — спросил некоторое время спустя Дигби, когда они подходили к серой громадине.

— Наверное, да, потому что невольно рисуешь себе дальние и фантастические странствия и всегда есть шанс, что самолет может упасть, — равнодушно ответил Марк. — И люди уезжают в самые дальние уголки земли, возможно, на долгие годы.

— Не надо на это упирать при Кэтрин и Дейдре, — посоветовал Дигби. — Как бы это их не расстроило.

— Я почти жалею, что они придут, — сказал Том. — Я правда предпочел бы ускользнуть потихоньку, никого не оповестив.

Он был слегка рассеян, думал о том, что не успел сделать в последнюю минуту, и все еще держал в руках дождевик и портфель с заметками, — пройдет еще несколько часов, прежде чем он сбросит эти характерные знаки отличия своей профессии.

— Смотрите, вот и они.

— Они как будто вместе приехали, — сказал Марк. — Обе предъявляют права на последнюю минуту. Ну, дорогие мои, надеюсь, вам это по зубам, — приветствовал он их.

Дейдре, которая вот уже несколько дней чувствовала себя так, словно получила сильный удар под дых, вообще не сумела затолкать в себя завтрак. Кэтрин умудрилась съесть тост и даже вареное яйцо — конечно, не яичницу! — чего слегка стыдилась, но сказала себе, дескать, на сей раз отъезд Тома должен восприниматься иначе, и только правильно, чтобы его что-то отличало от прочих разов — пусть даже поглощение

завтрака.

— Мы тут рассуждали, что романтичнее, это здание или железнодорожный вокзал, — сказал Дигби Кэтрин, — и пришли к выводу, что вот это.

— Да, по-своему, но оно гораздо обтекаемее и гигиеничнее. Почти как разница между кремацией и старомодным погребением, — затараторила Кэтрин, потянув в сторону Марка с Дигби, чтобы оставить Дейдре наедине с Томом. — Но давайте не будем делать слишком унылые лица ради Тома. В конце концов, он-то рад, что возвращается.

— У тебя усталый вид, — сказала Дейдре, произнося заранее заготовленную фразу, тем более что Том действительно выглядел усталым.

— Ты хорошо спала? — спросил он почти официально.

— Нет. Я и не знала, что птицы начинают петь так рано, даже в это время года.

Она проснулась утром в слезах, и теперь от воспоминания об этом у нее перехватило горло, так что она едва могла говорить и ей пришлось отвернуться.

Он взял ее за руку, но незаметно, словно не хотел, чтобы Кэтрин видела.

— У нас есть время на чашку кофе, — здраво сказал Дигби. — Думаю, это удачная мысль.

Они пили кофе и болтали, пока механический женский голос не объявил, что пассажиров такого-то рейса просят занять места в автобусе, следующем в аэропорт.

Попутчики Тома — пара-тройка модно одетых, подтянутых африканских бизнесменов, иссохшего вида пожилые мужчина и женщина и несколько еще более непримечательных личностей — уже садились в автобус.

Если не считать африканцев, в них не было решительно ничего необычного. Но в последнюю минуту, как раз когда Том собирался подняться по ступенькам, к автобусу со всех ног пронеслась группка священников в черном.

— Так не забудьте, скажите отцу О'Халлорону и отцу Кинселле, что я о них справлялся, — выкрикнул бодрый ирландский голос, принадлежавший священнику, который их провожал.

— Непременно, — откликнулся один из отъезжавших.

— А «Лимерик-таймс» с отчетом о матче по хоккею на траве вы захватили? Так я могу сэкономить на почтовых расходах, — хмыкнул он. — Ну и матч был! Великий матч, так и передайте отцу Кинселле…

— Ну, старик, — сказал Дигби, хватая Тома за

руку и чувствуя себя так, словно играл роль англичанина, провожающего друга, — самого тебе пресамого.

Марк тоже пожал Тому руку. Следом за ним Кэтрин, привстав на цыпочки, легонько чмокнула Тома в щеку, но он подхватил ее и обнял гораздо теплее. Потом так же поступил с Дейдре, как будто не делая между ними разницы.

«Должен же он хотя бы малостью показать, что по-разному к ним относится!» — на свой обычный отстраненный манер подумал Марк. И разве девушку целуют на людях? Только люди вроде Тома, из высшего общества, — у нас, выходцев из низов, гораздо больше комплексов в вопросах любви и секса.

— Смотрите, — с наигранной веселостью произнесла Кэтрин, — Том сидит рядом со священником. Думаю, теперь у него все будет хорошо.

Они помахали, и автобус тронулся. Дигби с Марком поехали бы домой, но женщинам хотелось посмотреть вслед автобусу, поэтому все четверо застыли навытяжку, как на военном параде.

— Он даже еще не уехал по-настоящему, — приглушенно сказала Дейдре. — Он ведь еще в Лондоне, а от того еще хуже.

— Да, пожалуй, еще часа полтора, прежде чем

он поднимется в воздух, — отозвался Марк.

— И все же он уехал в тот момент, когда нас оставил, — не унималась Дейдре. — Его мысли обращены в будущее, а мы остаемся в прошлом.

— Только для него самого, — откликнулся Дигби. — Мы все равно остаемся сами собой, знаешь ли.

Он участливо взял ее под локоть. Кэтрин смотрела на это с удовольствием, не пытаясь взять на себя роль утешительницы, которая обычно считается монополией женщин, хотя и может быть на удивление хорошо сыграна подходящим мужчиной.

— До свидания, Кэтрин, — рассеянно сказала Дейдре. — Надо как-нибудь встретиться на ленч, или ты должна приехать на чай или на ужин.

— С радостью, — ответила Кэтрин, видя серость этих будущих встреч глазами Дейдре.

Ей не слишком хотелось оставаться наедине с Марком, вдруг он сочтет, что обязан пригласить ее выпить или перекусить, и испытала облегчение, когда он извинился, сказав, что встречается с девушкой, с которой познакомился на танцах у тетки Тома.

Сев на первый попавшийся автобус, Кэтрин поехала куда глаза глядят. Ее мысли как будто

бежали на трех уровнях. На поверхности кружились речитативом две строчки из стихотворения «Музыкальный инструмент» Элизабет Баретт Браунинг, которые часто, хотя и без явной на то причины, приходили ей на ум в минуты стресса или эмоционального напряжения:

Что ты там делал, великий бог Пан,
В камышах у реки.

Эти навязчивые слова когда-то имели, возможно, комический оттенок, теперь позабывшийся, но они неотвязно гудели и бились, как трупная муха в запертой комнате. Ниже требовали своего настойчивые мысли о серии статей об уходе за кожей, которые она писала для одного своего журнала. Разобравшись с проблемой, как приобрести хороший загар, а потом выбелить последние его следы, она думала теперь о зимних уходах, о том, как подготовить руки и плечи к вечеринкам в честь Нового года, смягчить чересчур сухие локти. «Попробуйте подержать локти в половинках лимона», — издевательски думала она. Такому совету ей и во сне не приснилось бы последовать. А для плеч попробуйте кожуру огурца — бабушкин рецепт для отбеливания кожи. А еще ниже, на самой глубине, притаилась темная

и смятенная печаль по Тому, которую ей не хотелось вытаскивать на свет и анализировать.

Сойдя с автобуса, она заглянула в ресторанный дворик с роскошным фойе, заполненным толпами людей, которые все как один не знали, в каком направлении движутся. Они бродили, сбитые с толку, нуждаясь не только в метрдотеле, который объяснил бы им, какое из множества кафе удовлетворит их телесные потребности, но и в проводнике по высшим сферам бытия. И если взгляд на меню или совет официанта решат проблему первых, то кто способен удовлетворить потребности духовные? Антрополог, обнажающий структуру общества, или автор сентиментальной литературы, это общество описывающая? Возможно, ни тот и ни другая, думала Кэтрин. И с чего она взяла, что эти люди, временно растерявшиеся и заблудшие, испытывают потребность в руководстве большую, чем она сама?

Миновав витрины и прилавки, ломящиеся от шоколада и блюд с аппетитными закусками, она вышла в другую дверь. Что он там делает, великий бог Пан… а Том еще не уехал из Англии. Ей бы следовало сидеть в какой-нибудь церкви, молиться о его безопасности.

Как и многие люди, кто не ходит в церковь регулярно, Кэтрин испытывала потребность в особые моменты вступить под своды храма, но в этом районе она ни одной церкви не знала и довольно долго бесцельно бродила, пока не наткнулась на ту, которая показалась «подходящей». Неподходящими Кэтрин считала те, где у входа красовались яркие зазывающие плакаты и, предположительно, мог оказаться светлый и стерильный интерьер. Та, которую она в итоге выбрала, показалась ей именно такой, как надо: таинственный полумрак здесь прорезывал красный маячок лампадки перед алтарем в боковой часовне, а еще тут витал слабый аромат ладана. Она решила, что это римско-католическая церковь, ведь у подножия одной статуи имелся небольшой столик со свечками, некоторые были даже зажжены. К столику крепился ящик с прорезью, вероятно, для сбора пожертвований. Но сколько следует заплатить? Порывшись в сумочке, она нашла шиллинг, что показалось нужной суммой, поставила свечку в маленькую подставочку и зажгла. Поначалу огонек был совсем немощный, но потом вдруг рванулся вверх и загорелся ярко. По всей видимости, это доброе знамение, хотя она и не знала точно, чего именно. Она преклонила

колени у одной из скамей, произнося молитву, которую помнила с детских дней. Интересно, так ли уж обязательно именовать Бога «Всеблагой» и прибегать к архаичным грамматическим конструкциям? Кэтрин ясно сознавала всю меру своего невежества в этих вопросах. Наверное, лучше просто сидеть, погрузившись в умиротворение и покой… Но уже через несколько минут она услышала шаги за боковой дверью. Быстро встав, она вышла в проход, испугавшись, что к ней бросится темная, стремительная фигура в сутане и биретте и священник поинтересуется, что она тут делает. Но раздавшиеся голоса принадлежали женщинам, и обрывок разговора, который мельком услышала Кэтрин, не внушал особого страха, поскольку за ним стояла вселенская забота женщин о мужчинах.

— …совсем себя изведет. Если бы он только позволял иногда отцу Эймису служить раннюю мессу. Проблема в том, что мы так мало можем поделать…

Из соседнего помещения вышли две женщины средних лет, одна несла электрическую лампадку. На Кэтрин они посмотрели с дружелюбным, но сдержанным любопытством.

— Вам чем-нибудь помочь? — любезно спроси-

ла одна. — Отец Саммерхейс скоро придет, если вы с ним хотели увидеться.

— Нет, нет, спасибо, — поспешно ответила Кэтрин. — Я просто…

Она собиралась сказать «осматривалась», точно она в магазине, но вовремя прикусила язык. Что она тут делала? Ставила свечу за Тома или за себя? И вообще эти добрые женщины не в силах ей помочь.

— Церковь всегда открыта для молящихся, — сказала другая. — Однажды, правда, нам пришлось ее запереть, потому что украли ценный ковер, но теперь тут постоянно кто-то есть, так что двери всегда открыты.

— Спасибо, я запомню, — выдавила подходящую фразу Кэтрин.

И, улыбнувшись им, поспешила прочь, почти столкнувшись в спешке с темной, стремительной фигурой в сутане и биретте.

— Привет, мисс Дьюсбери! — окликнул он. — Все заняты благими делами?

Он исчез прежде, чем Кэтрин успела лишить его иллюзий. Ушла она, развеселившись и чуточку выбитая из колеи, что ее так легко приняли за прихожанку. Может быть, здесь найдется для нее место? Она вообразила, как хлопочет вокруг отца

Саммерхейса, который, судя по краткому взгляду на него, вовсе не выглядел измученным. Но, разумеется, это еще не все, даже она знала кое-что о том, что подразумевает вера, и подумала, что пока у нее нет на это сил. Как у одной святой (она не могла вспомнить, как именно ее звали), но сравнение показалось непочтительным, и она его прогнала.

18

Холодным и ясным субботним утром в начале ноября профессор Мейнуоринг и мисс Кловис стояли у окна малой гостиной загородного дома профессора, глядя, как по подъездной дорожке шагают кандидаты на гранты фонда Форсайта.

— Так, так, первое препятствие они преодолели, — возвестил профессор Мейнуоринг, улыбаясь и подергивая себя за бороду.

— И какое же? — спросила мисс Кловис, стараясь вспомнить, имелся ли на подъездной дорожке скаковой барьер на дороге или свирепые псы у ворот.

— Приехали на поезде, на который я велел им сесть, — не то хмыкнул, не то хохотнул он.

— Тоже мне трудность. Не великого ума дело — суметь попасть на поезд.

— Да, но там была одна загвоздка. Только передние вагоны идут сюда. А задние — совсем в другом направлении! — Фразу он закончил на самой высокой ноте и удовлетворенно потер руки. — Я намеренно упустил сообщить эту информацию.

— Тогда, наверное, им сказал контролер, когда

пробивал билеты.

— Вы так думаете? — В голосе профессора слышалось разочарование. — Но я знавал многих, в том числе и антропологов, кто садился не туда.

Подъездная дорожка была прямой и длинной, поэтому всех четверых кандидатов — Марка с Дигби и двух молодых женщин, Примроуз Катбаш и Ванессу Ивс, — видно было издалека.

Профессор Мейнуоринг глянул на старинные французские часы на каминной полке.

— Похоже, они шли пешком от станции да еще с багажом, а это почти миля. Как мало они с собой взяли, — прокомментировал он. — Дамы сами несут свои сумки — это хороший знак. Мне бы не хотелось предлагать исследовательский грант девушке, которая ожидает, что мужчина возьмет на себя ее ношу. В дни моей молодости, конечно, было иначе, теперь же все так переменилось. Я не удивился бы, если бы дамы несли багаж молодых людей. Вижу, они в плащах. — Сделав несколько шагов, он постучал по небольшому барометру. — Пожалуй, они проявили благоразумие. Может пойти дождь, и они подготовились.

— У них нет пальто, поэтому они в плащах, — резко возразила мисс Кловис, подумав, что Феликс сегодня утром явно в утомительно болт-

ливом настроении, как с ним иногда случалось.

На дворе достаточно холодно, чтобы надеть пальто, может, дело в том, что оно им не по карману. Еще она, кажется, заметила на Дигби Фоксе что-то вроде связанных вручную варежек, и это зрелище выбило ее из колеи, так жалко он смотрелся.

— Этот уикенд они не забудут, — объявил профессор. — Думаю, для начала по бокалу хереса, а потом ленч. Генри, разумеется, позовет. Толику церемоний они должны оценить.

— Мы уже почти пришли, — сказал Марк. — Вон Эстер и Феликс смотрят на нас из окна.

— Правда дом выглядит романтично? — обратилась к спутникам Ванесса. — Благородное строение, вот сейчас такое выражение оправданно.

— Слишком большой для одного человека, — откликнулась Примроуз. — Тут можно было бы устроить школу или дом для матерей-одиночек.

— Ну и мысли у тебя, дорогуша, — хихикнул Марк.

— А по-моему, дом просто уродливый, — без обиняков сказал Дигби. — Все эти красные готические башенки и окна-бойницы, или как они там называются.

Он жалел, что Дейдре с ними не поехала, но она пока была слишком молода, чтобы подавать заявку на научный грант. За несколько недель с отъезда Тома он виделся с ней настолько часто, насколько считал политичным, догадавшись, что как раз сейчас избыток его общества она не оценит. Иногда он наблюдал за ней издали: например, как она сидит в столовой колледжа, как читает письмо в голубом конверте авиапочты, которое могло быть только от Тома. Иногда письмо выглядело так, словно вот-вот развалится по местам сгиба, и это наводило его на мысль, что она снова и снова читает одно и то же письмо, и он спрашивал себя, может, Том пишет ей не так часто, как следовало бы. Ему очень хотелось спросить и утешить ее или даже побежать в Африку с плеткой, если потребуется. Он пребывал на сложной стадии влюбленности, которая как будто состояла исключительно из терпеливого ожидания, впрочем, по складу характера он переносил ее лучше многих.

— Нам следует позвонить? — прямо спросила Примроуз. — Или нам со всех ног побегут навстречу?

— Наверное, надо вот за это дернуть, — сказал Марк. — Смотрите, это голова монаха, и надо

потянуть за язык.

— Что за нелепая идея! — воскликнула Ванесса. — Интересно, милый старый Феликс самого себя подразумевал? Нет, наверное, дом гораздо его старше. Ну и громкий же звон. Интересно, кто придет…

Дверь отворилась, и на пороге появился лакей, — он как будто еще не накопил прожитых лет и не преисполнился чувства собственной значимости, чтобы называться дворецким.

— Доброе утро. Будьте добры сообщить своему хозяину, что пришли кандидаты на грант фонда Форсайта? — тоном гранд-дамы произнесла Ванесса.

— Профессор в малой гостиной, — ответил лакей. — Не соизволите ли подождать.

Они стояли, оглядывая холл со все теми же монашескими мотивами, и головы монахов обнаруживались в самых неожиданных местах, например, на сонетках колокольчиков или на ручках дверей с готической резьбой.

— Нам надо считать, что они чем-то значимы? — пробормотал Марк. — Интересно, могут они быть знаком того, какого гостеприимства нам следует ожидать?

— А, так вы приехали. — В дверях, потирая руки,

появился профессор Мейнуоринг. — Генри отнесет багаж в ваши комнаты, которые вы увидите после ленча. Гардеробная вот здесь, без сомнения, вам захочется освежиться после долгого пути.

Марк и Дигби, не имевшие привычки мыть руки чаще, чем считали абсолютно необходимым, что бывало нечасто, и не нуждавшиеся в гардеробной по иной причине, предложение отклонили, зато девушки им воспользовались.

— Позволим дамам почистить перышки, так, думаю, сейчас говорят, — хмыкнул профессор. — Полагаю, они сами найдут дорогу в малую гостиную, чтобы присоединиться к нам за бокалом шерри. Надеюсь, наш смех укажет им путь на случай, если у них возникнут сомнения.

Марк и Дигби последовали за ним, пожимая плечами и многозначительно стуча себя по лбу. Проф явно был сегодня в том настроении, которое они про себя называли маразматическим.

— Доброе утро, — приветствовала их, вставая с кресла у камина, мисс Кловис. — Входите же и обогрейтесь. Вы, наверное, замерзли с дороги.

Взгляда на руки Дигби ей хватило, чтобы понять: несмотря на вязаные варежки, они красные от холода, точно обморожены.

— Так, так… И что же Генри счел уместным

нам принести? — размышлял вслух профессор Мейнуоринг, удаляясь к приставному столику и поднимая различные графины. Ни дать ни взять жрец у алтаря, бесстрастно подумал Марк. — «Тио Пепе»… Вам он не покажется слишком сухим? Или амонтильядо? Ах да, имбирное вино, безалкогольный ликер, весьма согревающе, полагаю, для жизненно важных органов.

— Я бы предпочел «Тио Пепе», — храбро сказал Марк. — Люблю сухой шерри.

— А мне амонтильядо, пожалуйста, — попросил Дигби, думая, что надо бы чем-нибудь выделиться.

Насколько он мог понять, никаких подсказок относительно правильного выбора не предвиделось. Происходящее напоминало тесты-вопросники, которые иногда придумывала для своих журналов Кэтрин, где получаешь за ответы баллы, и общая сумма набранных указывает, за мужчину какого типа вам следует выйти замуж, или действительно ли вы хорошо ухожены, или хорошая ли из вас получится жена.

Ему, правда, пришло в голову, что следовало бы выбрать имбирное вино, как Примроуз, которая не любила спиртного. Ванесса повела себя очень женственно и нерешительно и в итоге предло-

жила профессору выбрать за нее, что как будто пришлось ему очень по нраву. Но Дигби казалось, что от них с Марком ждут чего-то другого.

— Мы с мисс Кловис пили… э… — Внимательно посмотрев на свой бокал, профессор удивленно закончил: — Джин. Уже и забыл, почему мы так решили.

— Я не слишком люблю херес, — бесцеремонно откликнулась мисс Кловис.

— Ах да, поэтому. Вы предпочитаете усладу тихих домохозяек. — Он со вкусом рассмеялся, и молодые люди с толикой сомнения к нему присоединились: им казалось не совсем правильным шутить насчет мисс Кловис.

В этот момент раздались гулкие удары гонга, и на пороге появился Генри.

— Ленч подан, — торжественно возвестил он.

— Обойдемся без церемоний, незачем составлять пары, — объявил профессор Мейнуоринг. — Пожалуй, мы с мисс Кловис проложим путь просто потому, что знаем, куда идти.

Дигби едва не поперхнулся последним глотком хереса. Марк сердечно бухнул его по спине, что не улучшило положения.

Столовая была обита темно-алыми обоями. По стенам висели картины маслом, которые выгля-

дели так, будто могли иметь немалую ценность, главным образом потому, что были такими темными и старыми с виду. С толикой вероятности можно было предположить, что это натюрморты с мертвыми фазанами, зайцами, омарами и прочими ингредиентами будущих блюд. Стол был накрыт тяжелой скатертью двойного белого дамаста, искрились начищенное столовое серебро и хрустальные бокалы. В центре возвышалась большая эдвардианская ваза, полная фруктов не по сезону.

— Интересно, чем нас побалует сегодня миссис Баш, — сказал уверенно профессор Мейнуоринг. — Ага, суп, славное начало. И, вижу, подавать нам будет Барбара. Она так добра, что приходит из деревни, когда у меня гости.

Высокая неуклюжая девица с красными руками начала предлагать всем суп.

— У моей матери была горничная по имени Барбара, — задумчиво произнес профессор.

Над столом повисло вежливое выжидательное молчание.

— У нее была песенка про иву, — продолжал он, возможно, удивительно не к месту, но Марк сумел уловить аллюзию, хотя и не понимал, что ему полагается с ней делать.

— «Отелло», — пробормотал он.

Генри внес и поставил на буфет оленью вырезку.

— В годы последней войны, — продолжал профессор, — у нас в деревне квартировали американские солдаты.

Барбара прикрыла рот ладонью, сдерживая смешок.

— М-да, пожалуй, лучше тут эту историю не продолжать, — с сожалением прервался он. — Итак, у нас есть все, что нужно?

К оленине подали жареный картофель и брюссельскую капусту, а еще желе из красной смородины и густую темную подливу со вкусом портвейна.

«Давайте уже браться за еду, хватит болтать», — в отчаянии думал Дигби. Утром они с Марком не нашли на кухне практически ничего съестного, и голод давал о себе знать.

— Интересно, что вы скажете про это вино? — доброжелательно спросил профессор Мейнуоринг, обращаясь ко всем четверым, когда Генри стал обходить стол с бутылкой. — Мне бы хотелось знать ваше мнение.

«Ну да, как же», — подумал Марк, хотя сарказма в голосе старика как будто не чувствовалось.

— Очень полнотелое, — пробормотал он вслух.

Дигби не рискнул высказать мнение, а Ванесса сказала, что на вкус оно как запах ладана.

— Так вы католичка, мисс Ивс? — проницательно спросила мисс Кловис.

— О нет, я вообще не верующая, но обожаю католические церкви, а вы? — Ванесса повернула головку в сторону профессора Мейнуоринга, так что игриво качнулись длинные малахитовые серьги.

— В опросном листе к заявке на грант не было пунктов о религиозных воззрениях кандидатов, — задумчиво ответил тот. — Возможно, ответы получились бы интересные. Вероятно, ошибкой было сосредоточиться только на академических успехах. В годы моей молодости было несколько иначе. Требовалась смелость, позвольте сказать, возможно, не великая, но тем не менее смелость, чтобы объявить себя рационалистом. А теперь как будто более мужественно быть баптистом или методистом. Есть что-то модное в католичестве римского и англиканского толка, как во-вашему?

— Служба в «высокой» церкви интереснее, — внес свою лепту Дигби. — И ритуалы более живописны.

— Вы верите в целибат для духовенства? — внезапно выстрелила мисс Кловис.

— Не знаю. Боюсь, я никогда об этом не думал, — ответил Дигби.

— Ну а как насчет целибата антрополога в экспедиции?

— О, разумеется, мужчине там нужна спутница, — с чувством сказал Дигби.

— Женщина может быть таким большим подспорьем в его работе, — нежно проворковала Ванесса. — В конце концов, всем мужчинам нужна любовь.

Взгляд томных глаз словно бы относился и к профессору, а не только к Марку и Дигби.

— Так вы не считаете антрополога столь же сдержанным, как священник? — продолжала мисс Кловис.

Молодые люди замешкались с ответом, поскольку, хотя и считали, что, будучи антропологами, стоят выше обычных людей, в том числе и священников, никак не собирались отказываться от удовольствий, которым предаются существа низшего порядка.

— В конце концов, без кое-чего мужчине не обойтись, — сказал Марк, имитируя акцент своего американского коллеги Брэндона Дж.

Пербрайта.

— На мой взгляд, это заблуждение, — объявил профессор Мейнуоринг. — Подобно тому, что в тропиках следует пить больше алкоголя, а это целиком и полностью ошибочно. На самом деле чем меньше там пьете, тем лучше себя чувствуете.

Молодых людей его тирада повергла в унылое молчание. Лишенная любви и выпивки работа в экспедиции казалась уже совсем не такой притягательной.

— Не думаю, что антропологам следует жениться. Могут возникнуть осложнения, дети, например, и все такое, — сказала, чуть покраснев, Примроуз.

— Разумеется, все великие люди всегда были в том или ином смысле преданы своему служению, — задумчиво продолжал профессор и перечислил имена одного-двух, которые были таковыми, и еще больше тех, которые, по его мнению, таковыми не являлись и чьи имена было бы возмутительно здесь упоминать.

— Я всегда думала, что мистер Моллоу на свой лад очень предан своей работе, — заявила мисс Кловис. — У него как раз вид ревностного служителя. Я очень опасалась, что он женится на мисс Свон, но, насколько я понимаю, из этого

ничего не вышло. Разумеется, я всецело за то, чтобы соединять сердца, но там, где это может послужить на благо антропологии, а в данном случае девочка, на мой взгляд, слишком уж юна.

— Фанатичный огонь горит в его глазах, когда он говорит о роли брата матери, — вставил Марк, который уже был чуточку подшофе.

На стол поставили открытый яблочный пирог и блюдо с пирожными.

— Иными словами, мы — существа скорее честолюбивые, нежели ревностные, да? — как будто подвел итог профессор. — Помните строку из «Опыта о человеке» Поупа? — И сам же процитировал: — «…почти как ангел…». Конечно, дальнейшие его доводы не совсем тут уместны и слишком пространны, чтобы сейчас в них вдаваться, хотя, уверен, у нас получилась бы очень интересная и плодотворная дискуссия. Так каковы ваши планы работы в экспедиции в случае, если вы получите грант? — спросил он вдруг деловито. — Пойдем по кругу? Мисс Ивс?

К тому времени кандидаты уже основательно размякли от еды и выпивки, так что сумели развить и даже приукрасить заготовленные скудные наброски. Выходило, что каждый собирается принести какому-нибудь примитивному пле-

мени такую огромную пользу, что трудно будет решить, кому грант не давать. Будут раскрыты таинства секретных обществ, что позволит залечить старые обиды и раны и упростить задачу перегруженных работой колониальных чиновников; примитивные методы сельского хозяйства после тщательного изучения местных социальных систем и правил землепользования подвергнутся революционным преобразованиям, и пустыня расцветет, как роза; положение женщины улучшится несказанно, и она сможет занять свое место как равный мужчине гражданин на благо всем. И наконец, отчеты и статьи потекут рекой во славу чистого знания и для преумножения объемов научных журналов.

Профессор Мейнуоринг слушал внимательно, но Дигби, которому выпало говорить последним, показалось, что старик начинает понемногу засыпать. Один раз его глаза даже как будто закрылись, а голова грозила свеситься на грудь.

— Полагаю, кофе будем пить в курительной? — пронзительным голосом спросила мисс Кловис, поскольку Генри топтался возле стола в ожидании распоряжений.

— Что-что? Кофе? — Серебряная борода вздернулась. — Разумеется, как хотите. Я ненадолго

удалюсь в кабинет.

— Он немного вздремнет, — уверенно сказала мисс Колвис, разливая кофе по чашкам и проливая при этом сколько-то на блюдца. — Полагаю, вам захочется осмотреть сад? Мне еще нужно кое-что сделать, поэтому я с вами не пойду.

— Как по-вашему, тот лакей над нами насмехался? — спросил Дигби, пока они гуляли вокруг декоративного прудика. — И что он сделал с нашим багажом? Очень надеюсь, что никто его за нас не распаковывал. Кажется, так было заведено в некоторых домах до войны.

— Очень на это надеюсь, — хихикнула Ванесса. — Догадываюсь, в какую газету Примроуз завернула тапочки!

— Для упаковки нет ничего лучше «Таймс», — серьезно заметил Марк. — Листы у нее побольше и попрочнее. Наверное, в этом даже есть своя мораль.

— Все эти разговоры про целибат вас, мальчики, явно выбили из колеи, — сказала Ванесса. — Странно, правда, что Феликс так и не женился, а ведь он до сих пор привлекателен. Интересно, я смогла бы сделать его счастливым? У нас каких-то пятьдесят лет разницы, даже меньше.

— Только представьте себе заголовки! — хохот-

нул Марк. — Семьдесят повенчаны с двадцатью.

— Как по-твоему, Кловис на него нацелилась? — спросил Дигби. — Или даже старая Минни Форсайт?

Они некоторое время обсуждали на довольно фривольный и неуместный манер брачные перспективы профессора, а потом, поскольку приближалось время, когда можно было надеяться на чай, и похолодало, так что гулять стало нерадостно, вернулись в дом. Мисс Кловис они застали в малой гостиной. Профессор Мейнуоринг, по всей видимости, еще «отдыхал». Принесли чай, и мисс Кловис, не привыкшая обращаться с причиндалами изысканного чаепития, попросила разлить молодых женщин. Однако в итоге как раз Дигби, неторопливый, но методичный, сумел преодолеть затруднения в виде серебряного заварочного чайника и чайника для кипятка на спиртовке.

— К обеду можете не переодеваться, — сказала мисс Кловис. — Впрочем, я сомневаюсь, что вы привезли с собой вечерние туалеты, — добавила она, вспомнив скудость их багажа.

— У меня есть чистая рубашка, — шутливо отозвался Марк, — но, может, нет необходимости ее надевать? Как по-вашему, профессор Мейнуоринг

такого ожидает?

— О нет, он примет вас такими, какие вы есть, — довольно туманно ответила мисс Кловис. — В любом случае столовая не слишком хорошо освещена. — И, собираясь уходить, сказала с ноткой веселья: — Через часок увидимся!

Обед был таким же замысловатым, как и ленч, и кандидаты подозревали, что блюда и напитки являются частью испытания, которому их подвергают. По окончании обеда все перешли пить кофе в парадную гостиную, которую молодые люди еще не видели. Это была комната благородных пропорций, где по стенам тоже висели картины маслом, которые из-за плотной буроватой коричневатой текстуры казались — как и те, что встретили их в столовой, — ценными. Несколько как будто были портретами, предположительно предков профессора, хотя никакого прямого сходства различить было невозможно.

Одна была особенно интересной и как будто имела прямое отношение к искусству или науке антропологии. На ней джентльмену в костюме восемнадцатого столетия прислуживал негр в тюрбане. Мужчина держал в руках череп и задумчиво взирал на него. На мрачном, нечетком фоне сидели, прислонясь к покосившейся колонне, две

или три неясные фигуры — людей или, может, обезьян.

— Какая восхитительно романтическая картина! — воскликнула Ванесса, принимая перед ней не менее романтичную позу. — Так и хочется в ней оказаться!

— Сомневаюсь, дорогая, что вам и впрямь это понравилось бы, — добродушно изрек профессор Мейнуоринг. — Изображенный на картине Роберт Уайверн Мейнуоринг был подвержен приступам глубокой меланхолии, — как вы помните, в конце восемнадцатого века это был модный культ, — и, боюсь, в общении был не самым приятным человеком. Кто сейчас читает великих поэтов того времени, Уортона, Блейра и Янга? — внезапно выстрелил он.

— Боюсь, у нас нет времени читать стихи, — с толикой вызова ответил Дигби.

— Какая жалость, но, полагаю, таковы времена. Вижу, вы рассматриваете мои книги, — добавил профессор, обращаясь к Марку.

— Труды по антропологии, наверное, у вас в кабинете?

— Труды по антропологии? — хмыкнул профессор. — В этом доме вы таких не найдете. Я все передал в дар Исследовательскому центру

Форсайта.

— Но ведь… — Дигби был слишком шокирован, чтобы закончить фразу.

— Я уже стар, а потому могу без них обойтись. Это не то чтение, которое сопроводит меня до могилы.

— Но что же вы читаете? — спросил Марк.

— Есть и другие книги. Я все чаще обращаюсь к Шекспиру и Библии — классические кандидаты в спутники на необитаемый остров. Их читать не перечитать. А в настоящий момент я с головой ушел в «Athenae Oxoniesis»[19] Энтони Вуда. Знаете такую?

— Ну, эта книга не для молодежи, — быстро вставила мисс Кловис. — Одержимость Вуда мыслями о бренности бытия — совсем не в их духе, да от них такого и не ждут.

— А бодрость духа они чаем поддерживают, да? — хмыкнул профессор, бросая на нее плутоватый взгляд.

— Конечно, мы иногда читаем Шекспира и Библию, — сказал Дигби, чувствуя, что они производят впечатление узколобых, и стремясь

---

[19] Примечания: 19

«Оксфордские Афины» (*лат.*) — полное название «Оксфордские Афины: правдивая история всех писателей и епископов, получавших образование в Оксфордском университете с 1500 по 1690 гг.».

его развеять. — Вот только так трудно втиснуть побольше культурных книг, которые хочется прочесть.

— И мисс Катбуш довольно много читает Маркса, — язвительно вставила Ванесса.

— Ну, как насчет музыки? — спросил профессор, подходя к музыкальному инструменту. — Как говорится, она обладает чарами успокаивать мятежный дух, что представляется весьма уместным. Возможно, кому-нибудь захочется под музыку складывать пазл. Вон тут у нас есть один с картинкой Гранд-канала в Венеции. «Четыреста кусочков, полностью совмещаемых», — прочел он на коробке. — Это займет вам головы и руки, пока вы слушаете музыку.

— Как мило… Мы в этом году ездили на каникулы в Венецию, — сказала Ванесса.

— Тем проще окажется для вас пазл. Путешествия, как известно, весьма способствуют образованию.

— Вы играете на рояле, профессор? — спросил Дигби.

— Да нет, пожалуй, но питаю иллюзию, что умею. Видите ли, это механическая пианола. — Достав с полки рулоны перфорированной ленты, он сверился с названиями. — Что бы подошло для

нашего вечера? Что скажете, мисс Кловис?

— О, мне совершенно безразлично. Вы же знаете, что я одного композитора от другого не отличу.

Молодые люди расселись вокруг стола с пазлом. Дигби, что характерно, взял пригоршню кусочков неба и попытался их сложить, оставив более интересные участки с гондолами, водой и зданиями Марку и девушкам.

Профессор Мейнуоринг принялся бодро нажимать на педали. Зазвучала мелодия из эдвардианского комедийного мюзикла, несомненно, любимая с юности. Орудуя педалями и клавишами, профессор мурлыкал себе под нос, а иногда даже выводил какой-нибудь отрывок несильным, но недурным тенором. Мелодия следовала за мелодией, но все были в одном ключе: «Две девушки в голубом», «Не покину мою деревянную хижину», «Оптимист и пессимист» и прочие в том же духе.

— А ведь возникает живенькая картинка зеленой юности Феликса, — пробормотал Марк. — Так и вижу, как он обретается у заднего выхода мюзик-холла. «Гейэти» или «Дейлис», например.

— Неудивительно, что он в те времена мало что публиковал, — сказал Дигби.

— Как он, наверное, был красив в смокинге, — вздохнула Ванесса.

— Надо же, каким противоречивым может быть у человека характер, — заметила Примроуз. — Подумать только, вести такую жизнь, а потом уехать в Африку изучать племя. Интересно, что его на это толкнуло?

— Наверное, несчастная любовь, — задумчиво протянула Ванесса.

— Но и в наше время молодые антропологи веселятся. Когда им это по карману, — сказал Марк, вспоминая свои успехи на танцах. — Не вижу тут ничего необычного. Проблема — в калечащей нехватке денег.

— Да, но у Феликса были средства, — печально отозвался Дигби.

— Так или иначе, с этим покончено, — запальчиво ответила Примроуз.

— Тихо, не то мисс Кловис услышит, — предостерег Дигби.

Тут все вздрогнули от пронзительного звонка телефона где-то за стеной. Никто не попытался ответить, но минуту спустя на пороге возник Генри.

— Звонок мисс Кловис.

Мисс Кловис вышла из комнаты.

— Ах, Антонио уехал в Ионию, — пел профессор. — Очаровательно! А «Флорадора»... Знаете ее? Сдается мне, современная молодежь уже не такая беззаботная, — продолжал он, и все четверо вздрогнули, испугавшись, вдруг он расслышал их разговор. — Интересно, с чего бы?

— Две войны, автомобили, что ни день изобретаются все новые и все более страшные бомбы, — ответил Марк. — Какая тут беззаботность? Унылый вечер на дешевых местах в кинотеатре, никаких потом гримерных или распивания шампанского из туфелек. Вы когда-нибудь шампанское из туфельки пили, профессор Мейнуоринг? — спросил он храбро, но почтительно.

— Ах золотые деньки! — откликнулся, увиливая от ответа, профессор. — В чем дело, Эстер? — спросил он, когда мисс Кловис вернулась. — Надеюсь, никаких дурных новостей? У вас вид несколько distraite[20].

— Феликс, мне нужно поговорить с вами наедине, — заявила мисс Кловис, которая действительно выглядела одновременно взволнованной и рассерженной.

— Ладно. — Встав от пианолы, он следом за ней

---

[20] Примечания: 20
Расстроенный (*фр.*).

вышел из комнаты.

Над пазлом разговор прямо-таки загудел от предположений относительно того, какие новости получила мисс Кловис. Трудно было угадать, что за событие способно произвести такой эффект: казалось маловероятным, что ее сильно расстроит даже смерть близкого родственника или друга, настолько лишенной обычных человеческих чувств они ее считали.

— Может, «Фантазия» сгорела дотла или вломился грабитель и украл диван конского волоса, — предположил Марк.

— Или что-то стряслось с братом мисс Лидгейт, — сказал Дигби. — Как по-вашему, может, он неожиданно сбежал со своей экономкой?

Из-за двери доносились голоса, скорее гневные, чем горестные, и можно было разобрать обрывки нескольких фраз: «Выдающаяся ведь!..», «Такого мы не забудем...». Но и они не проливали свет на случившееся.

— Не слишком дурные новости? — вежливо спросил, надеясь на какую-то информацию, Марк, когда старшие вернулись.

Мисс Кловис на обычный свой манер фыркнула, но профессор Мейнуоринг сказал умиротворяюще:

— Ничего особенного, в сущности. Может, все еще обернется не так плохо. А теперь как насчет того, чтобы пропустить по стаканчику виски на ночь? Или вы бы предпочли какао? Уверен, у всех вас был утомительный день и вы были бы рады лечь. Оставьте пазл на столе, закончите завтра.

Наверху кандидаты много болтали и смеялись, прежде чем наконец разошлись спать.

— Интересно, комнаты распределены как-то по-особенному? Может, они смежные? — полюбопытствовал Марк, когда они с Дигби пожелали девушкам доброй ночи. — Помнишь, мы читали, что тогда в загородных домах после вечеринок творилось.

— Не знаю, — кисло ответил Дигби. — Что-то последнее время у тебя одни забавы на уме. Лично я устал.

— Интересно, мы сегодня хорошее впечатление произвели? — задумчиво продолжал Марк. — Уж точно было не просто. Жаль, что не представилась возможность поподробнее изложить мой неомалиновский план экспедиции[21].

— Тогда избавь меня от лекции до другого раза, — зевнул Дигби. — Смотри-ка, печенье у

---

[21] Примечания: 21

Малиновский, Бронислав Каспер (1884–1942), — английский этнограф и социолог, основатель функциональной школы в этнографии.

кровати, неплохая мысль и легкие романчики… Приятно, наверное, почитать на сон грядущий. Как думаешь, когда тут завтрак?

— В девять, мне кажется. Спокойной ночи!

Вскоре они благополучно уснули, но внизу профессор Мейнуоринг и мисс Кловис проговорили за полночь.

— Что делать? — вопрошали они время от времени в пустоту, но спать легли, так и не найдя ответа.

19

— Доброе утро! Вы всем довольны? Когда у меня гости, миссис Баш обычно подает к завтраку большой выбор блюд, поэтому, надеюсь, вы найдете что-нибудь себе по вкусу.

Поглаживая бороду, профессор Мейнуоринг расхаживал взад-вперед по комнате. Была половина девятого утра воскресенья, день обещал стать погожим. В манере профессора не чувствовалось ни тени тревоги, поэтому можно было бы заключить, что вчерашние новости, какими они ни оказались, не произвели глубокого впечатления.

— Мисс Кловис осталась у себя, — продолжал он. — Она прислала сообщить, что позавтракает наверху.

— Надеюсь, она не заболела? — спросил Марк, вежливо, но с ноткой надежды.

— Нет, нет, просто немного устала. Надеюсь, вы все хорошо спали?

— Великолепно, спасибо, — откликнулась Ванесса. — Чудесно было слышать уханье сов в зарослях. Я правда чувствовала, что действитель-

но за городом.

— Следовало бы организовать вам львов, — сказал профессор Мейнуоринг. — Мой предок, чьим портретом вы вчера восхищались, держал частный зверинец. — Это слово он произнес на французский манер, что придало ему нечто экзотическое и чуть шокирующее. — Думаю, рев диких зверей был слышен на много миль. Конечно, когда будете в экспедиции, там наслушаетесь.

— Думаю, мы скорее услышим рев мощного автомобиля какого-нибудь современного антрополога, — сказал Марк. — По крайней мере в Западной Африке. У новых путеводителей названия вроде «Через земли йоруба на “Кадиллаке”», а не старые добрые «Первые шаги чего-то там».

— Да, возможно, это достойно сожаления, — согласился профессор. — Итак, кто сегодня утром в церковь? — с удивительной живостью спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Или вы предпочли бы прогулку по лесу? Помните у Вордсворта:

Вам больше вешние леса
Дадут понять без слов,
Чем письмена и голоса

Почтенных мудрецов[22].

Вот тут перед кандидатами на грант возникла дилемма. Ни один из них церковь регулярно не посещал, хотя, разумеется, каждый пошел бы на службу, чтобы доставить удовольствие профессору Мейнуорингу. Но тот факт, что он предложил альтернативу, сбивал с толку. Чего он от них ждет?

— Разумеется, сейчас не весна, как у Вордсворта, — стал тянуть время Марк, — хотя, надо полагать, ту же пользу можно извлечь и из осеннего леса.

— Ходить в церковь против моих принципов, — напрямик сказала Примроуз. — Поэтому я предпочту прогуляться.

— Дома я иногда хожу с мамой, — сказал Марк. — Церковь тут старинная?

— Нет, довольно безобразная, — заявил профессор. — Была построена одним моим предком в стиле, сходном с этим домом, который, как вы, наверное, догадались, перестроили лет сто назад. Тогда же снесли и старую церковь. У моего предка были собственные взгляды на архитектуру и интерьеры. Тем не менее, надо думать, в без-

---

[22] Примечания: 22
Перевод В. Платонича.

образном здании молитвы могут быть лучшего качества. Меньше вероятности, что молящихся будет отвлекать интерьер.

Это казалось довольно необычной точкой зрения, поскольку повсеместно считается, что красота и старина создают наилучшую атмосферу для молитв, но никому не хотелось спорить. В итоге Дигби с Ванессой пошли на утреннюю службу, а Марк с Примроуз — гулять по лесу. Неизвестно, как провели воскресное утро профессор Мейнуоринг и мисс Кловис, но перед ленчем они появились пропустить по бокальчику в малой гостиной. Посетившие церковь были исполнены сознания собственной добродетели, поскольку пели прихожане от всего сердца, а проповедь была краткой, но хорошей. Гулявшие, возможно, не приросли духовно, но раскраснелись от свежего воздуха и были готовы поесть. Мисс Кловис казалась несколько бледной и подавленной. Два бокала джина она выпила в мрачной сосредоточенности.

За стол в столовой кандидаты садились в последний раз, поскольку подразумевалось, что они уедут после раннего чая.

После супа на буфет поставили пару утят, и профессор Мейнуоринг встал разрезать птицу.

— Надеюсь, все любят утку? — спросил он.

— Ах, очень, спасибо, предпочитаю ее курице, — сказала Ванесса, и остальные уместно забормотали.

— Полагаю, вы недоумеваете, почему я пригласил вас сюда на уикенд, а не провел более официальные собеседования в компании моих уважаемых коллег, профессора Фэрфекса и доктора Вера, — продолжал профессор.

— Мы очень благодарны, — сказал Дигби.

— Да, и мне кажется, теперь я вас лучше знаю. Каждый из вас показал свое истинное лицо, проявил себя как личность. Вы, моя дорогая, — обратился он к Примроуз, — храбрая молодая женщина с большевистскими взглядами. Думаю, вы займетесь добрыми делами, стараясь исправить мир.

Марк подавил смешок.

— А вы, мистер Пенфолд, — продолжал профессор, поворачиваясь к нему, — многообещающий молодой человек, который далеко пойдет. Я вижу вас в богатой обстановке, любителем удовольствий, возможно, вовсе не антропологом, — задумчиво продолжил он, словно стараясь разрешить противоречие в терминах.

— Не могу представить себе, как повезу дюжину

бутылок этого отличного кларета в буш, — легко откликнулся Марк, но про себя пришел в уныние, поскольку гранта ему, похоже, теперь не видать.

— А вы, — обратился профессор к Ванессе, — впечатлительная молодая женщина, которая в жизни будет искать любви и романтики. Возможно, вам будет трудно усвоить отстраненность, необходимую для успешной полевой работы.

— О боже ты мой! — воскликнула Ванесса. — То есть грант мне не светит.

Своей очереди Дигби ожидал с изрядной долей самодовольства. Все как будто шло к тому, что избраны будут они с Примроуз. И все равно, думал он, оценка характера Марка гораздо интереснее той, какую сейчас давал его собственному профессор Мейнуоринг.

— Думаю, вы достойный молодой человек. Возможно, пороха вы не выдумаете и, как говорится, звезд с неба — а в нашем случае из буша — хватать не будете, — добавил он с хохотком, — но вы очень честны и добросовестны, и из вас выйдет отличный муж и отец.

Марк бросил ехидный взгляд на Дигби, который с раздражением поймал себя на том, что краснеет.

— Интересно, кто из вас читал «Тимона Афин-

ского» Шекспира? — спросил профессор. — Не самая великая пьеса Барда, но там есть отличные пассажи, и тут, возможно, уместно было бы…

— Это невыносимо, Феликс, так больше нельзя… Вам придется им сказать. Нельзя дольше держать их в неведении, — вырвалось у мисс Кловис.

— А не могли бы вы, моя дорогая Эстер? Из уст женщины могло бы прозвучать мягче…

— Я? Конечно, скажу. — Замолчав, она сделала большой глоток вина и заговорила короткими грубоватыми фразами: — Вот какое дело. Денег нет. И нет исследовательских грантов. Все украл отец Джемини. Мы вчера узнали.

Молодые люди не нашлись, что сказать.

— О боже! — рискнул наконец Дигби, чувствуя, что беспомощность этого восклицания вполне соответствует характеристике, которую ему только что дали.

— Прискорбное известие, сэр. — Марка шок сделал развязным.

Девушки поначалу вообще ничего не сказали, но некоторое время спустя Ванесса спросила, при чем тут отец Джемини и как он мог «украсть» деньги.

— Каким-то образом, возможно, мы никогда не

узнаем как, — объяснила мисс Кловис, — он убедил миссис Форсайт отдать на его собственный проект деньги, которые она обещала нам. Гертруда — то есть мисс Лидгейт — позвонила мне вчера вечером. Не знаю наверняка, не приложила ли она сама к этому руку, хотя не могу поверить, что Гертруда могла принимать участие в такой свинской затее, — с жаром завершила она.

— Так, значит, миссис Форсайт на самом деле денег не давала? — спросил Марк.

— Ну, да. — Слова мисс Кловис прозвучали взволнованно. — Но она обещала. Так ведь, Феликс?

— Несомненно, обещала, — откликнулся он небрежно, почти незаинтересованно. — Теперь вы понимаете, почему я вспомнил про «Тимона Афинского»? Вы забыли пьесу? Давайте я освежу вашу память относительно сцены пира. Когда поднимают крышки с блюд, оказывается, что там нет ничего, кроме теплой воды!

— К вашему-то столу это не относится, — ответил Дигби, как ему казалось, великодушно.

— После Тимон удаляется в пещеру, — продолжал профессор Мейнуоринг, — но, пожалуй, не следует так далеко заводить параллели. Мне очень жаль, что так вышло. Естественно, я сделаю

все, что в моих силах, чтобы вы получили гранты на экспедиции откуда-нибудь еще. Хотя, — задумчиво протянул он, — я часто спрашиваю себя, не слишком ли раздувают важность всяких там экспедиций для изучения примитивных племен. Жара, неудобства, болезни, разочарования… и под конец что? — Он почти с вызовом поглядел на слушателей, точно требовал ответа, но его фраза была встречена молчанием. — А теперь я удалюсь в мою… э… пещеру, чтобы поразмыслить о интригах Минни… миссис Форсайт, — быстро поправился он. — Генри вызовет такси, которое отвезет вас на станцию, поскольку машины у меня нет.

Молодые люди, смутившись, встали. Потом Ванесса подошла и пожала ему руку, благодаря за гостеприимство. Остальные последовали ее примеру. После ухода профессора мисс Кловис осталась с ними, и пить кофе все перешли в курительную.

— Сдается мне, что за всем этим стоят иезуиты, — сказала она.

— А разве отец Джемини иезуит? — спросил Марк.

Мисс Кловис фыркнула:

— Нет. Иезуиты — люди недюжинного ума,

даже их враги это признают. Но известно, что в прошлом году он несколько раз посещал одно их учреждение. Могу себе представить, что за заговоры там плелись. Отец Джемини слаб, он был как воск в их руках. А миссис Форсайт неоднократно катала его в своей машине. Кто знает, что там между ними произошло?

— Интересно, наверное, было бы послушать их разговор, — мягко произнес Дигби.

— Интересно! Это еще слабо сказано!

— Если позволите толику критики, — сказал Марк, — то, думается, было бы лучше, если бы профессор Мейнуоринг заручился деньгами, прежде чем пытаться раздавать гранты.

— А мне его жалко, — тепло вступилась Ванесса. — Вся эта история, наверное, большой удар по его репутации. Думаю, по его странному поведению видно, что он очень глубоко ранен.

— О, он снова поедет в турне по Соединенным Штатам, — сказала мисс Кловис. — Он еще не утратил способности убеждать пожилых дам расстаться с деньгами. — В ее тоне проскользнула нотка презрения.

— Такой способностью мы все хотели бы обладать, — откликнулся Марк. — Интересно, а молодой человек может ее приобрести?

— Вы далеко пойдете, мистер Пенфолд, — отрезала мисс Кловис. — Это очевидно.

— Но в каком направлении? — спросил Дигби.

— Никто из нас в настоящий момент этого не знает, — сказал Марк. — Наверное, нам лучше собрать вещи.

— Надеюсь, эта злополучная история не означает, что я больше не увижу вас в исследовательском центре? — спросила мисс Кловис, пока они ждали такси.

— Нет-нет, на вас мы зла не держим, — дерзко ответил Марк, но ему можно найти извинение, если он чувствовал, что их отношения претерпели незаметную перемену, которая оправдала бы такой тон.

— Думаю, мисс Кловис была очень расстроена, — сказал Дигби, когда они уже ехали в поезде. — В конце концов, случилась довольно неприятная вещь, это еще надо пережить. Разве ты не понимаешь, что Фэрфекс и Вер, да и Тодд с Эпфельбаумом будут злорадно потирать руки, прыгая от счастья у антиподов? И нам это дает своего рода преимущество. Думаю, наш статус теперь определенно повысится.

— Несправедлива сама система, — возмущенно заявила Примроуз. — Жизненно важная работа

не должна зависеть от подачек богачей.

— Храбрая молодая женщина с большевистскими взглядами, — нараспев затянул Марк, передразнивая профессора Мейнуоринга.

Обхватив девушку обеими руками, он попытался ее поцеловать, но она его оттолкнула, и последовала добродушная возня с потасовкой. Теперь, когда с них спало напряжение от попыток понравиться, на словах и в жестах они стали легкомысленными, почти распущенно фривольными. И возможно, к счастью, что поезд был почти пуст и в купе они были предоставлены сами себе.

Дигби сносно изобразил, как мисс Кловис сообщает прискорбное известие, потом они придумали план похитить профессора Мейнуоринга и заточить его в пещере и как раз решали, какое из научных обществ даст наибольший выкуп, когда поезд пришел на вокзал Виктория.

Прекрасное настроение не покидало их за совместным ужином в «Корнер-хаусе», но наконец все устали, притихли и разошлись каждый своим путем: Ванесса домой в Кенсингтон, Примроуз — на съемную квартиру в Западном Хэмпстеде, Марк с Дигби — к себе в Кэмден-таун.

— Думаю, — с наигранной небрежностью

сказал Дигби, — я быстренько позвоню Дейдре и расскажу, что случилось. Надеюсь, еще не слишком поздно, не хотелось бы тревожить ее домашних.

Трубку взяла Рода. Дейдре была у себя наверху — сочиняла или старалась сочинить письмо Тому. Она начала познавать сложности переписки с человеком, которым скорее увлечен, а не испытываешь искреннюю любовь или дружбу. Когда она покончила с весьма скудными мелкими новостями, писать как будто стало нечего. Она его любила, она по нему скучала, она все еще чувствовала себя Шахерезадой, старающейся удержать его любовь и интерес, но не могла же она продолжать твердить одно и то же. Дейдре даже задумалась, что написала бы Кэтрин, но ведь опять же Кэтрин была писательницей и, возможно, отнеслась бы к письму не как к спонтанному выплеску чувств, а как к литературному произведению, сочиненному ею самой под стать определенному человеку. У Дейдре имелись собственные представления, о чем следует, а о чем не следует писать в любовном письме, но Том был первым, на ком она всерьез практиковала это искусство, к тому же он почему-то не укладывался в тот тип человека, который должен

получать те письма, какие она могла написать. Его собственные были полны различных новостей, на которые она не знала, что ответить, не говоря уже о том, чтобы с ними тягаться: политические интриги, выборы, местные сплетни, но однажды он написал: «Помнишь тот вечер, когда мы гуляли у реки и сидели на скамейке под бузиной? Ее запах напомнил мне детство — мгновение из Пруста». Дейдре плохо помнила цветы, только то, что она впервые объяснилась в любви и он как будто ответил взаимностью. «Так мне что, теперь надо читать Пруста?» — с отчаянием спросила она себя, мысленно увидев перед собой двенадцать синих томов с красными полосами по корешку в книжном шкафу Кэтрин, — она и в лучшие-то времена читать не слишком любила.

Теткин стук в дверь и ее появление на пороге принесли почти облегчение, хотя Дейдре и сделала раздраженное лицо, что ее потревожили.

— Тебе звонят, дорогая. Голос мужской, — не удержалась и добавила Рода, поскольку это был не Бернард, а ее мучило любопытство, кто может звонить племяннице в столь поздний час.

К аппарату Дейдре спустилась подозрительно, но, услышав голос Дигби, тут же потеплела. Они проговорили очень долго, а Рода могла подслуши-

вать через дверь гостиной, которую специально оставила приоткрытой. Голос Дейдре звучал то возмущенно, то нежно и пообещал встретиться со звонившим завтра на ленче.

— Интересно, как это Тому понравится? — доложила Рода сестре, которая штопала рубашку Малькольма и слушала религиозную передачу по радио.

— Что? Что Дейдре идет на ленч с другим молодым человеком? Но почему ей нельзя? — с обычной мягкостью спросила Мейбл. — В конце концов, они не помолвлены.

— Это был Дигби Фокс, — сказала, входя в гостиную, Дейдре. — Просто позор, что денег на форсайтовские гранты все-таки не оказалось. Отец Джемини умыкнул их на свои лингвистические исследования.

— Как, тот маленький священник, друг мисс Лидгейт? — удивилась Мейбл. — Ну надо же! А ведь такой смешной человечек.

— Дигби Фокс — друг Тома, верно? — спросила Рода, подправляя ситуацию к собственному удовлетворению.

— Да, и мой тоже, — ответила Дейдре. — Надо пойти рассказать обо всем Тому… Я как раз ему писала.

Ей еще предстояло заполнить половину листа авиапочты, и новости Дигби послужили отличным завершением. Даже для нежных прощаний места почти не осталось. Перечитав письмо, она поцеловала его и запечатала. Приятно будет завтра пойти на ленч с Дигби. Впервые с отъезда Тома она сознательно что-то предвкушала.

Дигби отошел от аппарата, улыбаясь и напевая неопределенный мотивчик. Он видел себя таким, каким его описал профессор Мейнуоринг, — достойным, терпеливыми и выжидающим. Возможно, выйдет как в басне про черепаху и зайца: Том с узким аристократическим лицом и яркими серыми глазами и Дигби (он остановился посмотреть на себя в зеркало над стойкой для зонтов): мышиные волосы, голубые глаза, здоровые зубы…

— Ты хоть понимаешь, — сказал, выходя из кухни, Марк, — что у нас ни крошки съестного на завтрак нет?

— Нет, — рассеянно ответил Дигби.

— Все, что было, мы съели вчера да так и не удосужились сходить за покупками, — объяснил Марк. — Позвоню-ка я Кэтрин, вдруг она нас выручит. Может, пригласит к себе на пиво.

Но телефон Кэтрин звонил и звонил в пустой

квартире, пока сама она пила в пабе горькое пиво с Аларикомом Лидгейтом. Она сделала храбрый, решительный шаг, который посоветовала бы не повторять читательницам своего журнала: пригласила его к себе на воскресный ужин, поскольку знала, каким унылым он может быть для того, кто живет один. Потом она подумала, что ему захочется пойти куда-нибудь выпить. Вот так и вышло, что они очутились в пабе за круглым мокрым столиком, и Кэтрин слушала рассказ Аларика про сундуки с заметками на чердаке.

— Том Моллоу ко мне не обращался, — говорил он, — а если бы обратился, то мне пришлось бы отказать ему в доступе, пока я сам не использую материал.

Кэтрин тактично умолчала о том, что Том считал его заметки совершенно бесполезными для своей работы.

— Да, вполне вас понимаю, но… — она подняла на него глаза — широко раскрытые и практически без тени обычного ехидства, — вам обязательно писать и использовать материал? То есть разве это не слишком утомительно?

Ее предположение настолько возмутило Аларика, что он решительно не нашелся, что сказать. Почти с тех самых пор, как он себя помнил, он

намеревался «использовать свой материал». Аларик почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, и почти неимоверным усилием заставил себя встать и сходить к стойке еще за пивом.

Когда он вернулся, Кэтрин увидела у него в руках два двойных виски. Боже ты мой, подумала она, он ужасно похож на истукана с острова Пасхи или даже на мистера Рочестера в «Джен Эйр».

— И что сейчас теперь у вас на уме? — спросил он с легким сарказмом.

— Я думала, — медленно начала Кэтрин, — что не только мы, несчастные женщины, можем искать утешения в литературе. Мужчины тоже могут получить свою долю, воображая себя кем-то вроде Хитклифа или Рочестера. Интересно, часто с ними такое бывает?

— Какая чепуха, — резко ответил он. Но по каменным уступам словно бы скользнул солнечный лучик, и он вдруг улыбнулся. — Но что же мне делать со всеми этими заметками, если я не собираюсь их использовать? — спросил он.

— Да что-нибудь скоро придумаем, — весело откликнулась Кэтрин.

20

Встреча мисс Кловис с мисс Лидгейт после того катастрофичного уикенда обернулась бурной сценой. С обеих сторон было сказано такое, о чем после жалели, и обе стороны испытали извращенное удовольствие, какое получаешь, наговорив именно такого. Крайне редко мы можем сказать своим друзьям, что на самом деле о них думаем. Некоторым так и не предоставляется случай, и они, возможно, беднее, поскольку не испытали подъема, какой переживаешь, швыряя в лицо близкому человеку оскорбления и затаенные обиды, которые в других обстоятельствах показались бы смешными.

После ссоры обе чувствовали себя как выжатые лимоны, а еще были голодны. Они вместе пошли на кухню, где мисс Лидгейт все еще дрожащими руками попыталась открыть банку сардин. Посмотрев на подругу, мисс Кловис с грубоватой нежностью отобрала у нее банку.

— Прости меня, Гертруда, — сказала она. — Теперь я понимаю, что ты тут ни при чем.

Мисс Лидгейт нагнулась над хлебницей, чтобы

достать буханку.

— Давай смешаем растворимый кофе покрепче, — сказала она. — Нам обеим кофе не повредит. Не могу избавиться от чувства, — продолжала она, наливая воду в чайник, — что я могла быть чуть прозорливее. Когда мы с ним ходили на ленч, он намекнул на какую-то аферу, на хитренький такой манер, — сама знаешь, как он тогда улыбается. И говорил, что придумал, где раздобыть средства. Наверное, мне следовало бы догадаться.

— Но даже если бы ты знала, что бы ты могла сделать?

— Предостеречь вас с Феликсом. Избавить от неприятного уикенда.

— Ну, молодежь несколько раз хорошо покормили, гораздо лучше, чем они обычно питаются. Должно же быть что-то хорошее.

— Джемини… Так знак Близнецов на латыни называется. Даже в его фамилии есть что-то двуличное, — с отвращением заявила мисс Лидгейт.

За стол они сели довольно притихшие.

— Наверное, это было очищение, катарсис, — сказала мисс Кловис. — На нас случившееся подействовало как развязка в древнегреческой трагедии. Все чувства из нас как бы вымыло.

— Это конец нашего лингвистического сотрудничества. А я знаю, что сделаю! — Положив вилку и нож, мисс Лидгейт бухнула кулаком по столу. — Мы вместе писали статью, но она не закончена. Я не дам ему мои материалы по ганскому глаголу! — сурово заявила она. — Без него вся статья развалится, но он его не получит!

— Да, Гертруда, — сказала, помолчав, мисс Кловис. — Понимаю, что ты чувствуешь, и ценю твою преданность. Но ты слишком большой ученый, чтобы выполнить свою угрозу. Те материалы о ганском глаголе слишком важны, чтобы лежать в столе. И их следует опубликовать вместе с исследованиями отца Джемини.

— Да, понимаю, о чем ты. Это больше любого из нас, и каким-то образом надо уметь подняться над нашими мелкими дрязгами.

— Вот именно. Floreat scientia![23] — воскликнула мисс Кловис.

Из-за стола они встали, даже не подумав убрать посуду, поскольку это было у них не в обычае.

— Меня беспокоит Аларик, — сказала мисс Лидгейт. — Я вчера вечером ему позвонила, а его не было дома. Миссис Скиннер как будто не знала,

---

[23] Примечания: 23
Да цветет наука! (*лат.*)

куда он ушел.

— Наверное, он ей не сказал… Возможно, решил, что нет необходимости.

— Но она говорила, что, когда уходила на вечернюю службу, он был дома, а когда вернулась, обнаружила, что он ушел и записки не оставил. Она не знала, что с ужином делать.

— Он взрослый человек, — коротко хохотнула мисс Кловис. — Я всегда думала, что однажды он сорвется с поводка.

— Не думаешь же ты, что это что-то в таком духе? — Вид у мисс Лидгейт сделался встревоженный. — Я на пятнадцать лет его старше и всегда чувствовала себя за него в ответе. Мама вечно называла его слабым.

— Может, он просто пошел в кино, — утешила ее мисс Кловис. — Но если ты так беспокоишься, давай к нему нагрянем. Он ведь должен был бы вернуться, через двадцать-то четыре часа.

— Давай. Поедем на автобусе.

Когда они сошли с автобуса и двинулись по улице, то услышали череду взрывов, — одни звучали на расстоянии, другие поразительно близко, — а потом вдруг ночное небо осветилось ракетой, которая рассыпалась дождем золотых и зеленых звезд. В холодном воздухе запахло порохом.

— Ха! Да сегодня же ночь Гая Фокса! — воскликнула мисс Кловис. — Фейерверки запускают.

— Сомневаюсь, что Аларик стал бы хоть как-нибудь праздновать, — сказала мисс Лидгейт, когда они подходили к его входной двери.

— Ну, не знаю, — откликнулась мисс Кловис, заглядывая за угол дома. — Там как будто большой костер в саду, или, может, это у соседей.

Они позвонили, но довольно долго никто не появлялся. Потом миссис Скиннер открыла дверь. Выглядела она еще встревоженнее обычного, и большие серьги-цветы неуместно контрастировали с обеспокоенным сморщенным личиком.

— Ах, мисс Лидгейт! — воскликнула она. — Мистер Лидгейт в саду, и мисс Олифент с ним.

— Мисс Олифент? Кто такая мисс Олифент?

— Мы с ней познакомились в то воскресенье, когда… — начала объяснять мисс Кловис, но мисс Лидгейт уже широким шагом преодолела коридор и выскочила через заднюю дверь.

— Аларик! — позвала она. — Что ты делаешь?

Ответа не последовало, поэтому они прошли чуть дальше в сад и застыли посреди лужайки при виде представшей перед ними картины.

За огородом полыхал большой костер из веток и старой травы. Две фигуры — высокий мужчина

и маленькая женщина — энергично тыкали в него длинными палками, останавливаясь время от времени, чтобы подбросить очередную связку бумаг из жестяного сундука, который стоял открытым неподалеку.

— Аларик! Что ты делаешь?! — Крик мисс Лидгейт перерос в пронзительный рев.

— А, привет, Гертруда! — откликнулся тот. — Костер жжем.

— Да, — подтвердила Кэтрин, ее лицо сияло в свете огня. — У Аларика на чердаке уйма хлама скопилось, а ночь Гая Фокса — самое подходящее время хотя бы от части избавиться.

«Она называет его по имени», — не к месту подумала мисс Лидгейт.

— Но это же твои заметки! — завопила мисс Кловис, выхватывая с края костра обгоревший лист бумаги. — «Они не знали ни когда, ни почему их предки покинули стоянку у Большой скалы и равно не могли сказать, как долго живут в своем нынешнем обиталище…» — прочитала она, потом отбросила нетерпеливым жестом. — Таблицы родства! — взвизгнула она. — Только не их!

Она потянулась за другим листом, покрытым треугольничками и кружками, но, перехватив ее

руку, Аларик подтолкнул его палкой подальше в огонь.

— Без толку, Эстер, — сказал он. — Теперь мне незачем это писать. Если бы Кэтрин меня не надоумила, мне никогда бы не пришло в голову, что можно раз и навсегда избавиться от этой ноши.

— Вы порочная женщина, мисс Олифент! — крикнула мисс Кловис и замахнулась, точно хотела ее ударить.

— Костер — моя идея, — сказал Аларик. — А теперь пойдемте-ка все пить глинтвейн.

— Что, и миссис Скиннер тоже? — выпалила мисс Лидгейт, опять же не к месту, но мысль о том, чтобы выпивать с миссис Скиннер, определенно поражала.

— Да, и она с нами выпьет.

Он бросил в огонь еще связку из сундука. Некоторые бумаги, изъеденные белыми муравьями, разлетелись вспыхнувшими конфетти.

— Как красиво! — воскликнула Кэтрин.

— Но что ты будешь теперь делать? — возмущенно спросила мисс Лидгейт.

— Пока не знаю. Буду волен делать, что пожелаю. Конечно, буду писать рецензии, но, наверное, и роман можно состряпать.

Повисло шокированное молчание.

— Он собрал просто поразительный материал, — сказала Кэтрин.

На лужайке появилась миссис Скиннер.

— Глинтвейн готов, — несколько неуверенно объявила она.

— Тогда пошли его пить, — скомандовал Аларик. — Потом можно будет выйти посмотреть, не погас ли костер.

Как раз это «потом» наблюдала Рода, расположившаяся на страже в темноте у своего незашторенного окна: у соседей танцевали, или так ей показалось, вокруг костра. Ей показалось, хотя по-настоящему она не могла видеть, что кое-кто там в масках. Одна маленькая женщина, это вполне могла быть Кэтрин или даже миссис Скиннер, была завернута в какую-то туземную накидку или одеяло.

Рода вернулась с ужина в доме пастора, поэтому начало костра не видела — только эту странную «оргию», ведь происходящее действительно казалось почти таковой.

— Ты видела, как они начинали? — обвиняющим тоном спросила она сестру.

— Нет, я собирала к ужину, а из моей комнаты их сад не виден.

— Тебе надо было пойти в мою.

— Но откуда мне было знать, что там что-то происходит? — сварливо спросила Мейбл. — Малькольм привел к ужину Филлис, и много чего надо было сделать.

— Уж и не знаю, как это понимать, — сказала Рода. — Я было подумала, Дейдре с ними, раз уж там Кэтрин.

— Да нет, Дейдре у Лоувеллов, помогает им с фейерверком. Она ушла после чая.

— А, понимаю… — Рода как будто помешкала, точно спрашивала себя, в чем заключается ее долг. — Тогда мне, наверное, надо пойти к Лоувеллам.

У соседей праздник был в самом разгаре. Мистер Лоувелл радовался как дитя, запуская фейерверки и поджигая шутихи. Рой и Питер как будто его энтузиазма не разделяли, но за собственным упоением он вскоре забыл о таком разочаровании. Мальчики прикорнули на безопасном расстоянии, временами зажигали что-нибудь мелкое и с опасливым восторгом смотрели, как оно горит. Перепуганная Дженни льнула к Дейдре, которая, вспомнив собственную детскую боязнь фейерверков и ужас перед надвигающейся ночью Гая Фокса, утешала девчушку и старалась отвлечь ее красотами пейзажа. Миссис Лоувелл осталась

дома со Снежком, которому было позволительно бояться, поскольку по радио передали, что домашних животных лучше держать взаперти. Он смирно сидел на своем обычном стуле у огня, щетиня жесткую белую шерсть.

— Ума не приложу, что там творится у мистера Лидгейта, — сказала Рода, спотыкаясь в потемках на лужайке. — Они жгут бумаги на костре и вокруг него танцуют. Так… — она помедлила, подыскивая слово, — …неуместно, — выдавила она наконец. — У нас такого обычно не происходит, верно?

— Давно пора! — весело откликнулся мистер Лоувелл. — Давайте, последнюю! Кто подожжет? Рой? Питер?

Мальчики попятились.

— Ну и ладно, тогда, наверное, придется самому. Смотрите все!

Послышались возгласы радости, ужаса и облегчения, когда последняя ракета со свистом улетела в небо, где распалась дождем золотых и серебряных звезд.

Мистер Лоувелл пригласил соседок в дом подзаправиться, и они пили какао и ели сандвичи в холодной полупустой гостиной с обшарпанной скандинавской мебелью. Поскольку на един-

ственном мягком стуле сидел пес, им пришлось пристроиться у камина на корточках, и вскоре все разошлись, так как миссис Лоувелл надо было уложить детей, а мистеру Лоувеллу — вывести Снежка на вечернюю прогулку.

— Смотри, там тоже расходятся, — с жгучим интересом сказала Рода, поскольку в палисаднике перед домом мистера Лидгейта слышались голоса.

Когда они подошли чуть ближе, стало возможно разглядеть на крыльце мисс Кловис и мисс Лидгейт. Кэтрин скрывалась в тени у лавров, и когда остальные отбыли, подошла поговорить с Дейдре.

— Какие вести от Тома? — спросила она.

— О, я только что ему написала. Так трудно понять, как у него там на самом деле. Кажется, он занят, — с сомнением добавила девушка.

— Знаю я эти письма! — улыбнулась Кэтрин. — Так ужасно занят такими великими вещами! Но милый Том, мы же не хотим, чтобы он менялся, верно?

Дейдре не слишком понравилось «мы», но ей оставалось только согласиться.

— И не забудь, что поздравления к Рождеству надо посылать заранее, — посоветовала

Кэтрин. — Чуть ли не сейчас, кажется.

— Да, знаю, — суховато ответила Дейдре.

— Том всегда посылает разные смешные открытки со сценками из африканской жизни, но от них только кажется, что он еще дальше, и они неизменно приходят за много недель до Рождества.

Кэтрин не знала, да и откуда бы, что Тому не суждено послать открытки на Рождество. Он не сумеет этого сделать, так как будет лежать мертвый — случайно застреленный в политических беспорядках, в которые ввязался скорее из любопытства, чем из страстных убеждений.

У перегруженного работой молодого колониального чиновника, в чьем ведении находилось происходящее, и так забот был полон рот, а потому он не мог беспокоиться еще и о том, как обеспечить защиту антропологам, лезущим не в свое дело. Но ему нравился Том Моллоу (они часто выпивали вместе по вечерам), и именно он нашел рождественские открытки, уже со штампами и готовые к отправке, на столе в хижине Тома. Их он выбросил, сочтя, что теперь они только расстроят его друзей. На столе рядом с ними лежало еще и неоконченное письмо — явно девушке, и чиновник не знал, что с ним делать. Он вспом-

нил, что Моллоу однажды достал фотографию девушки на скамейке в саду, а у ее ног лежали две собаки — золотые ретриверы, решил он. Но потом, собирая бумаги погибшего, он наткнулся на письма от двух разных девушек. Так которая же с собаками? Она была подружкой Тома или просто фотографии той, другой девушки у него не имелось? Впрочем, это не его дело, и вообще лучше не встревать и избегать осложнений. Поэтому чиновник приложил письмо к заметкам о родстве и землепользовании и все вместе переслал семье Моллоу в Англию.

21

Марк и Дигби услышали новость от профессора Фэрфекса, который, возможно, из-за нервозности говорил игриво, точно Тома поймали на какой-то ребяческой проказе.

— Антропологи в экспедиции обычно не умирают, — заметил Марк. — Стоит ли удивляться, что Фэрфекс не справился. В следующий раз, когда такое случится, у него, возможно, лучше получится.

Они разговаривали в присущей им манере, поскольку не знали, как иначе выразить свои чувства, да и вообще, каковы эти чувства сейчас. Дигби первым делом подумал о Дейдре и о том, как на ней отразится смерть Тома, Марк — о внезапно освободившемся гранте на экспедицию и о том, кто этот грант скорее всего получит.

— Деньги-то с ним не умерли, — разумно указал он. — Очевидно, их отдадут кому-то другому. Почему не тебе?

— Почему именно мне?

— Мне самому они, вероятно, не понадобятся. Я собирался как-нибудь тебе сказать, что, на-

верное, брошу антропологию, — протараторил Марк. — Отец Сьюзен поговаривает о том, чтобы предложить мне пост в своей фирме.

— Ну, возможно, ты более нас всех пригоден носить котелок и зонтик-трость, — откликнулся Дигби.

Говорил он легкомысленно, но про себя был потрясен, что Марк способен вот так дезертировать, бросив их жизнь борьбы и бедности ради перспективы довольства и роскоши. Точно монах оставил свой монастырь ради мирских благ.

— А как же Кэтрин? — спросил он вдруг. — Ей кто-нибудь рассказал? Возможно, следует попробовать ее утешить.

Про утешение Дейдре он умолчал, чувствуя, что в присутствии Марка там нет необходимости.

Они приехали к ней в середине дня. Кэтрин открыла дверь — волосы встрепаны, никакого макияжа — и предложила им пива из квартовой бутыли, которую открыли, но не закупорили снова. Пиво выдохлось и скисло. На столе стояли чайник и чашка, в машинку был заправлен лист бумаги. Марк изогнулся прочесть, что она пишет: похоже, это была статья о том, как устроить «недорогую» вечеринку с коктейлями.

— Да, дорогой, «недорогую» или, говоря честь

по чести, дешевую, — чересчур оживленно затараторила Кэтрин. — Не покупайте лучший французский вермут и не забывайте постоянно докладывать гостям лед, так чтобы по мере того, как идет время, люди все больше пили бы подкрашенную воду со льдом и сами того не замечали бы! А если что-то заподозрят, то они противные люди и вообще не из тех, кого хочется к себе приглашать. Писать — такое утешение, верно, так всегда говорят… Очень даже позволяет отвлечься. Мне же иногда кажется, что, наоборот, позволяет больше уйти в себя, и, по сути, это самое худшее.

— Кэтти, дорогая, нам так жаль, — беспомощно начал Дигби. — Мы приехали узнать, нельзя ли…

— Спасибо, мои хорошие, но что тут можно поделать? Так благородно правда умереть, сражаясь за свободу угнетенных против тирании британского правления? Теперь вы понимаете, что на самом деле все было оправданно? Разрыв с воспитанием, большим домом, частной школой… В последний раз он вернулся от них совсем расстроенный… Он думал, что неправильно поступил, бросив все это.

— Но было-то все не так, да? — несколько раздраженно спросил Марк. — Он же с теми людьми сошелся по чистой случайности. Сомневаюсь, что

он намеревался перейти в оппозицию к кому-либо или к чему-либо, он просто там очутился, как мог бы на его месте любой другой антрополог.

— Любой другой антрополог! — презрительно бросила Кэтрин. — Другие прятались бы по своим хижинам за горами заметок. Вы всегда ему завидовали, все вы, потому что знали, что вам с ним никогда ни в чем не сравняться…

Разрыдавшись, она выбежала из комнаты. Они услышали, как она уходит в спальню, а потом вообще из дома — хлопает за собой входной дверью. Поспешив к окну, Дигби увидел, как Кэтрин вскочила в автобус, который как раз отходил от остановки.

— Наверное, она знает, куда едет, — неуверенно сказал он. — Наверное, просто решила покататься, пока не успокоится. Зря ты с ней заспорил, надо было с ней соглашаться, что бы она ни говорила.

— Но так утомительно будет, если из Тома сделают нового Лоуренса Аравийского, — возразил Марк. — Я не хотел ее обижать, но все это так далеко от правды.

— Интересно, поможет ли тебе любовь к правде в твоей бизнес-карьере? — насмешливо поинтересовался Дигби. — Скорее уж будет помехой.

Они начали препираться самым бессмысленным образом, а потом покинули квартиру. Дигби перед уходом позвонил Дейдре и договорился о встрече, а затем начал беспокойно репетировать, что ей скажет. Марк ушел к себе дуться. Ему было жаль Тома, но на его веку пока что умирали только пожилые люди да еще дальние родственники. Поэтому происшедшее он сформулировал для себя как «немножко множко». Бросаясь в крайности, Том зашел слишком далеко.

В автобусе у Кэтрин было время успокоиться и даже пожалеть, что она так резко обошлась с Марком. Она погрузилась в своего рода покой и начала думать о Томе. Но поймала себя на том, что вспоминает не то, что у них было общего, а то, что их разделяло, и к спонтанному горю по нему теперь примешивалась более эгоистичная и личная печаль по изъянам в их отношениях, в которых была повинна она. Как, наверное, его раздражали ее безумные фантазии и цитаты! Она вспомнила первый и единственный раз, когда они вместе шли по этой улице предместья, вспомнила дом под названием «Нирвана» и каменных львов со стертыми носами и лапами. Теперь сады были по-зимнему голыми, небольшие палисаднички — скучными и ободранными, под землей,

наверное, тянутся к поверхности луковицы, но ростков пока не видно. Повсюду внутри безопасность и уют. В одном окне женщина, нагнувшись над огнем, поджаривала в камине лепешки. Кэтрин вообразила, что по краям они подгорели, но вкусно пропитались тающим маслом… В другом доме ребенок, сидя за столом, накрытым зеленой бязевой скатертью, рисовал яркими мелками. В некоторых комнатах уже были задернуты шторы, и она могла только гадать о том, что происходит внутри. Когда Кэтрин почти дошла до дома Свонов, то случайно посмотрела через дорогу и успела увидеть движение за красновато-коричневыми шторами, и из-за них высунулась голова старой миссис Дулк.

— Кэтрин! Как приятно вас видеть! — Дверь на ее звонок открыла Рода. — Вы как раз к чаю.

Значит, по всей очевидности, про Тома здесь еще не знают.

— Дейдре дома? — спросила Кэтрин после того, как должным образом ответила на приветствие Роды.

— Нет, она только что ушла… Странно, что вы не заметили ее по пути от остановки. Наверное, едва-едва разминулись. Ей позвонил один из ее мальчиков и пригласил на чай. — Тон Роды был

полон удовлетворения.

— Вы знаете, кто?

— Дайте-ка подумать… у нее столько мальчиков, и она, конечно, не всегда рассказывает тетке или даже матери, с кем встречается, но я случайно слышала, как она разговаривает по телефону, и я думаю, что это Дигби, тот милый светловолосый юноша.

— Хорошо, что она с ним, — сказала Кэтрин. — Боюсь, мы получили трагичное известие… Тома убили в Африке.

— О нет… Какой ужас! Туземцы?

Рода была шокирована — это явно отразилось на ее лице, и Кэтрин почудилось, что можно заглянуть в ее мысли: там бесновалась, орала и размахивала копьями толпа чернокожих… а из джунглей вдруг вылетела коварная стрела, наконечник которой был отравлен ядом, от которого нет спасения.

— Нет, по всей видимости, были какие-то беспорядки во время выборов, и полиции пришлось открыть огонь. Том оказался в толпе. Разумеется, это был несчастный случай, его просто не заметили.

— Но ведь белый, среди туземцев… — запротестовала Рода.

И Кэтрин снова увидела, как она представляет себе Тома: британский антрополог в безукоризненно белых шортах и пробковом шлеме, с блокнотом и карандашом в руках.

— Боюсь, все было не совсем так, — сказала она вслух. — Скорее всего на нем был местный длинный балахон, он часто в них ходил.

— Ох, какая ужасная ошибка! — вырвалось у Роды. — Когда так опускаешься, добра не жди.

— Он говорил, что так удобнее, — с запинкой ответила Кэтрин, чувствуя, что они отклоняются от сути.

Они стояли в коридоре, но теперь Рода провела Кэтрин в гостиную. Из радиоприемника лилась легкая позвякивающая музыка, и ее звук вместе с ярким огнем в камине, ситцевыми креслами, диваном в цветочек и Мейбл Свон, сидевшей, закинув ноги на пуфик, и читавшей последний роман известной романистки, дали Кэтрин ощущение безопасности и комфорта, поскольку в тот день она нигде домашнего уюта не видела — только запустение собственной квартиры. Она была просто счастлива несколько минут посидеть за пустой болтовней с Мейбл, пока Рода заваривала чай. Мейбл, по всей видимости, дремала над книгой, поэтому Кэтрин ничего не

сказала про Тома. Только когда вернулась Рода, ей сообщили новости.

Рода взяла твердый тон, точно боялась, что с Мейбл случится истерика.

— Не надо плакать, дорогая, — сказала она сестре, которая, похоже, и не собиралась. — Мы должны быть сильными ради Дейдре.

— Он был таким приятным молодым человеком, — туманно сказала Мейбл. — Не могу сказать о нем чего-то большего. На мой взгляд, он ничем от Малькольма или Бернарда не отличался, но для Дейдре был чем-то особенным. — Она обхватила чашку обеими руками, точно хотела согреться. — Он был ее первой любовью, а такое нелегко забывается.

— В ее жизни будут и другие молодые люди, — логично возразила Рода. — Мы должны помочь ей отогнать мрачные мысли.

— Ты должна позволить Дейдре горевать, — сказала Мейбл почти резко. — Ты не знаешь, каково это потерять человека, которого любишь.

— Ты не вправе так говорить, конечно, я знаю…

Голос у Роды задрожал, и она возбужденно начала доливать чай в чашки.

Заметив ее смятение, Кэтрин задумалась, не

пытается ли она себя оправдать, придумать, чем компенсировать стыд, что никогда не теряла любовника или мужа, а только родителей и прочих, кто умер в естественное и положенное им время. Если у женщин нет надежды насладиться всеми переживаниями, какие может предложить жизнь, они, вероятно, действительно хотят даже горестей — не обязательно любить или быть любимой, но хотя бы испытать потерю. Кэтрин думала об этом просто и без тени цинизма. Ей стало жаль Роду, и она попыталась увести разговор прочь от Тома.

Вскоре пришел Малькольм с плоским портфелем и вечерней газетой, и ему сообщили новости. Он неловко застыл на пороге, не зная, что сказать, и бросая смущенные взгляды на Кэтрин. Потом ушел и вернулся с графином шерри и бокалами.

— Вдруг это поможет, — извиняясь, произнес он.

— Наверное, в Африке сейчас очень жарко, — смущенно заметила Мейбл, — хотя, надо думать, там всегда жарко.

— Да, где-то в это время начинается харматтан.

— Что это? — с натужным натянутым интересом спросила Рода.

— Жаркий пыльный ветер, да? — предположил

Малькольм.

— Полагаю, хоронить будут там, — сказала Рода. — Не могут же они…

— Нет, думаю, там есть английское кладбище, — ответила Кэтрин. — Как Китс и Шелли, которые похоронены в Риме, или Филдинг в Лиссабоне. Но Ричард Бертон похоронен в Мортлейке, — и, помолчав, быстро продолжила: — Многие англичане скончались в Африке, понимаете, исследователи и первопроходцы. По большей части от лихорадки или от рук туземцев. Конечно, теперь людям удается сохранять здоровье, хотя там еще можно заразиться уймой неприятных болезней, мне о них Том как-то рассказывал. Бывает, внутри твоего тела заводится и ползает червячок, поймать которого можно лишь тогда, когда он проносится по твоему глазному яблоку…

Повисло молчание. Рода бросила расстроенный взгляд на сестру. Дернул же ее черт упомянуть похороны! Но она и в лучшие времена страшилась пауз в разговоре, а эта была из самых-самых худших.

— Вы останетесь на ужин, правда, дорогая? — спросила она, накрывая руку Кэтрин своей.

— Спасибо, с радостью.

Рода удалилась на кухню, и Мейбл пошла сле-

дом.

— Можно подать суп и открыть бараньи языки, — предложила Рода. — Или приготовим куриные грудки. Или можно подать холодную говядину. Как по-твоему, Дейдре приведет к ужину Дигби?

— Сомневаюсь, что ей или Кэтрин захочется есть, — возразила Мейбл, — я и сама не голодна, а ты?

— Нет, но мужчин надо кормить, — твердо ответила Рода, цепляясь за эту мысль, как за нечто стабильное и утешительное.

Возможно, кое в чем Марфе досталась лучшая участь, подумала она, хлопоча по кухне. Разумеется, можно извлечь удовлетворение из того, что способна быть полезной во времена горестей.

— Как думаешь, надо позвонить отцу Талливеру? — спросила она.

— Лично я сомневаюсь. Не знаю, кто Кэтрин по вере, но на язык она всегда несдержанна. Кто знает, как она к нему отнесется?

— Да, и вообще сегодня репетиция хора. — В голосе Роды прозвучало облегчение.

— Во входную дверь звонят, — сказала Мейбл. — Наверное, Дейдре вернулась.

Дейдре и Дигби стояли, моргая от яркого света

лампочки в коридоре. Дигби был настолько высоким, что задел головой декоративный фонарь, от чего тот заходил ходуном. Дейдре, похоже, льнула к молодому человеку и на протяжении ужина на спускала с него глаз. Она была в таком смятении, потеряв одного возлюбленного и, очевидно, тут же найдя другого, что просто лишилась дара речи.

Кэтрин была даже весела, и Малькольм оказался на высоте, так что получился почти званый ужин, которые любила устраивать Рода. Милый Дигби, похоже, очень предан Дейдре, думала она. Том или Дигби — ей-то как тетке какая разница?

Позднее условились, что Кэтрин останется на ночь, и теперь она сидела в постели в гостевой комнате в ночной рубашке Мейбл, которая была ей длинна настолько, что закутывала ноги. Дейдре стояла в изножье кровати или расхаживала по комнате, по всей видимости, подыскивая слова.

— Ох, Кэтрин, с тобой-то я могу поговорить! — наконец вырвалось у нее. — Знаю, ты не будешь чересчур возмущена, когда я скажу, что на самом деле ничего не чувствую из-за Тома. Возможно, у меня шок и чувства придут потом, но мне кажется, я все их израсходовала, когда он уезжал. Это

была своего рода смерть, — так ведь про расставания говорят, правда? И я так измучилась тогда от слез и от того, что несчастна, а сейчас вообще как будто ничего не чувствую. Так ужасно…

Закрыв лицо руками, она расплакалась.

— Я бы не слишком из-за этого расстраивалась, — сказала Кэтрин.

Она чувствовала, ей следует сказать что-то про то, как Том не хотел бы, чтобы Дейдре печалилась, или еще что-нибудь, что люди с такой уверенностью говорят про мертвых, точно теперь знают их чувства лучше, чем тогда, когда те были живы. Но иногда, думала она, горе — это все, что мы можем предложить умершим, однако и тогда мы сознаем скудость собственных чувств, осознаем как своего рода изъян, мешающий нам страдать так глубоко, так роскошно, как страдают в сентиментальных романах.

— Мне же только двадцать, — говорила тем временем Дейдре, — и хотя я, конечно, ужасно любила Тома, я просто не чувствую себя трагической героиней. А ведь я стопроцентно уверена, что мама с тетей Родой от меня этого ожидают.

— Ничего такого они не ожидают, — умиротворяюще отозвалась Кэтрин. — Они будут только рады, что у тебя есть Дигби, чтобы тебя утешить.

— Ах да, *Дигби*…

При мысли о нем Дейдре снова ударилась в слезы, но через некоторое время их поток иссяк.

— Помнишь, когда мы ходили на ленч, ты сказала что-то про Элейн, про то, как сладки воспоминания о первой любви?

— Да, помню. А воспоминания о второй, возможно, еще слаще, но по-другому. А последняя любовь считается лучшей из всех, — почти игриво добавила Кэтрин.

— Наверное, всегда знаешь, когда она действительно последняя, — довольно безнадежно сказала Дейдре.

— Говорят, что знаешь, — заверила ее Кэтрин. — А теперь давай попытаемся поспать?

Дейдре ушла к себе, а Кэтрин выбралась из постели и некоторое время стояла у окна, глядя в темноту сада Аларика Лидгейта. Там какое-то шевеление… фигура в маске и на ходулях идет вдоль изгороди… Это низкое гудение лягушки-быка или просто ветер в яблонях? Своны предложили погостить у них, и она решила, что ей, вероятно, полезно будет немного пожить той уютной жизнью, которую раньше она видела только снаружи. И за Лариком можно приглядывать, поскольку с того вечера, когда они сожгли его

заметки, она чувствовала себя за него в ответе. Как многие мужчины, он нуждался в женщине, которая сильнее его, поскольку за суровым и грубоватым фасадом истукана острова Пасхи скрывался маленький, неуверенный в себе мальчик.

Наконец она замерзла и снова забралась в кровать. Она сомневалась, что сумеет заснуть, поэтому решила, что будет читать книги, лежащие на прикроватной тумбочке — по большей части триллеры и романы в бумажных переплетах, а еще сборник поэзии. Том не любил поэзию, только стихи Хаусмана, когда был в школе, но обычно позволял ей читать стихи вслух так же, как терпел выдержки из ее винных карт. Она пролистала сборник с начала, пока не дошла до стихотворения Генри Воэна, а тогда прочла:

Что птицы бросили гнездо, нетрудно
Понять. Ты на другой вопрос ответь:
В каких полях, в каких лесах безлюдных
Поют они и будут петь?[24]

Ей вспомнилась церковь, куда она зашла и где зажгла свечку за Тома, потом встречу с двумя

---

[24] Примечания: 24
Перевод В. Платонича.

приятного вида женщинами и священником, который принял ее за кого-то другого. Интересно, вдруг они знали?

22

Однажды утром несколько недель спустя мисс Кловис и мисс Лидгейт сидели за завтраком, читая каждая свои письма.

Вскрыв очередной конверт, мисс Лидгейт презрительно фыркнула и бросила на стол лист грубой бумаги, который взяла затем мисс Кловис. Это оказалась размноженная копия (при том довольно скверная и смазанная) своего рода циркулярного письма, которое начиналось словами «Дорогой коллега, интересует ли вас этимология слова «гиена»?» Далее следовала череда фраз на английском и различных африканских языках.

— «Гиены украли пивные сита дурных сыновей хороших женщин», — издевательски прочла мисс Лидгейт. — Ну надо же!

Мисс Кловис не поняла в точности, обращено ли презрение подруги к какому-то моменту в самой фразе, которая, хотя, конечно, несколько необычная и надуманная, показалась ей не хуже многих других, какие она встречала в учебниках грамматики африканских языков, или ее так разъярила подпись в конце письма: «Эджидио

Джемини».

— Размножено довольно скверно, — прокомментировала она, внимательнее изучив бумагу. — Кажется, есть какая-то жидкость, которой можно замазать ошибки. По всей очевидности, отцам про нее не известно, но ведь они, конечно, не от мира сего.

— Так и вижу, — рассерженно сказала мисс Лидгейт, — как они крутят ручку ризографа или чего там еще и вытирают испачканные чернилами руки о свои сутаны в сыром подвале того огромного амбара в Кенсингтоне. В Северном Кенсингтоне, если быть точным, а мы знаем, что на самом деле никакой это уже не Кенсингтон.

— Ну и как? Тебя интересует происхождение слова «гиена»? — спросила мисс Кловис.

— Речь не о том. Если они таким образом собираются спустить деньги миссис Форсайт, то, на мой взгляд, это просто стыд и срам.

— Тогда послушай вот это, — попробовала успокоить ее мисс Кловис. — Такое милое письмо от Иврарда Боуна, который только что вернулся из экспедиции. Он спрашивает, пришло ли кому-то в голову собрать том эссе в честь семидесятилетнего юбилея Феликса, который будет уже очень скоро.

— Festschrift[25] Феликсу! — расхохоталась мисс Лидгейт. — Какая прекрасная мысль! Надо расстараться и сварганить что-нибудь получше.

Из-за стола они встали, занятые мыслями о юбилейной дани, перебирая имена тех, кого следует попросить написать статью и — что почти равно важно — кого не следует. Вероятно, в составители надо пригласить самого Иврарда Боуна. Мисс Кловис «проведет работу», как она выразилась, подгоняя авторов и терзая типографии. Жена Иврарда Милдред, разумеется, все перепечатает для типографии. Возможно, они даже сумеют выдумать броское название, из тех, которые завлекают людей покупать книги в надежде, что это нечто новое, а не рагу из обрезков, которые годами валялись у авторов без дела. Конечно, всегда есть шанс, что удастся раздобыть что-нибудь свеженькое. Эстер заявила, что статья Гертруды по постпрандиальным фрикативам послужит украшением сборника.

В исследовательский центр она пришла позднее обычного и, заглянув в читальный зал, заметила много новых лиц. «Значит, они приходят и уходят, — подумала она, возможно, несколько

---

[25] Примечания: 25
Юбилейный сборник (*нем.*).

избито, — надеясь на многое и получая временами так мало или не ожидая ничего и получая больше, чем рассчитывали...» Улыбнувшись, она рассеянно кивнула двум неуклюжим студентам, юркому вертлявому священнику и трем молодым женщинам, которые, услышав шаги, подняли глаза от книг. Она заглянула в маленькую комнатку по соседству, задумавшись, а пользовался ли тут кто-нибудь вешалкой для шляп.

Там на разных концах дивана конского волоса сидели Дигби Фокс и Дейдре Свон. Поздоровались они с видом довольно виноватым.

— Ага, вам тут спокойнее работается, да? — просияла мисс Кловис. — Я так рада, что вы получите грант бедного Тома Моллоу, — добавила она, обращаясь к Дигби. — На мой взгляд, вы действительно его заслуживаете.

Она ведь знает этого приятного молодого человека, к тому же, если память ей не изменяет, он помогал переставлять волосяной диван.

— А правда ли, — спросила она, понижая голос, так что вопрос прозвучал почти испуганно, — что ваш друг бросил антропологию и занялся бизнесом?

— Да, боюсь, Марк нас оставил. Это было для меня большим ударом. Он собирается работать

в конторе своего будущего тестя на Лиденхолл-стрит.

— Лиденхолл-стрит! — прошипела мисс Кловис. — Само название звучит ужасно скучно. Впрочем, на ум приходит один африканский обычай, согласно которому жених служит отцу девушки, на которой хочет жениться, но Лиденхолл-стрит… — Похоже, название не давало ей покоя. — Это совсем не то, что насыпать груды ямса.

— Определенно так, — довольно беспомощно ответил Дигби.

— А вы, дорогая?

Мисс Кловис повернулась к Дейдре, намереваясь что-то сказать, а потом сообразила, что и говорить ничего не нужно. Ведь разве не ее — кстати, совсем недавно — застали на этом самом диване с бедным Томом Моллоу? Возможно, лучше все-таки переставить диван обратно к себе в кабинет. Ее мысли устремились к неуклюжим молодым людям в читальном зале, они выглядели дюжими и исполнительными, и если она попросит, как они смогут отказать… Но тут на нее накатила пугающая волна сентиментальности, — к ее удивлению, они в последнее время часто на нее накатывали, и она решила: нет,

пусть диван остается тут, и если молодые люди хотят подержаться за руки, зачем им мешать? С невольной печалью по Тому Моллоу, которому так быстро нашлась замена, она вспомнила, как читала однажды про верования некоего африканского племени. Племя верило, что мертвые не уходят совсем лишь до тех пор, пока о них думают. Когда о них забывают, они умирают во второй раз, а после появляются в виде маленьких грибовидных муравейников в буше. На сей раз они считаются по-настоящему покойными. И мисс Кловис задалась вопросом, а сколько сама она проживет после смерти? В ее-то обстоятельствах… Хотя бы Гертруда будет о ней вспоминать, может быть…

— А, Эстер, дорогая моя, вот вы где!

Перед ней стоял профессор Мейнуоринг в дорогом пальто с каракулевым воротником.

— У меня для вас отличные новости.

— Правда? Интересно, что это может быть.

— Думаю, я смогу получить деньги на исследовательские гранты. И где, как вы думаете, я их возьму?

— Ума не приложу, — откликнулась мисс Кловис чуть резковато.

— Легко догадались бы, но, по сути, так очевид-

но, что не сможете.

— Не знаю. В Швеции? В Китае? В Бразилии?

— Нет и еще раз нет. В Соединенных Штатах Америки! — ликующе возвестил он. — Так просто, правда? И почему нам не пришло в голову это раньше!

— Разве? Мне-то приходило, но как будто все деньги расхватывались другими.

— Но они не знали про миссис Ван Хип! Ее как будто очень интересует наша работа. Корнелия, — задумчиво протянул он. — Ее так зовут. Красивое имя, правда?

— Уж получше Минни.

— А, бедная Минни. Вы, конечно, знаете про нашу душераздирающую встречу? Боюсь, мне пришлось обойтись с ней довольно строго. Понимаете, дорогая моя Эстер, Минни, что называется, святая простота, а святость гораздо лучше без простоты. Можете себе представить? Она правда думала, что, поскольку отец Джемини тоже собирается в экспедицию в Африку, не имеет большого значения, у кого окажутся деньги, что в итоге это будет одно и то же! Я пытался заставить бедняжку понять, как она ошибалась. Интересно, удалось ли?

— О, я полагаю, да, — отрезала мисс Кловис. — А

теперь, Феликс, мне правда нужно вернуться к моей… э… работе.

— А я поеду встречусь с Корнелией за ленчем. Она на следующей неделе возвращается в Штаты.

— Да, и позаботьтесь получить деньги до ее отъезда.

— Непременно. Уж эти-то я из рук не выпущу!

В отличном настроении покинув кабинет, он поспешил на улицу, где подозвал такси.

23

Кэтрин почти две недели прожила у Свонов, где ее баловали, за ней ухаживали и где она почти поняла, что значит быть членом семьи. За это короткое время она испытала все радости и все досадные раздражающие мелочи, какие может доставлять жизнь с исключительно приятными людьми, с которыми у тебя нет ничего общего. Она наслаждалась завтраком в кровати, походами по магазинам, чтением библиотечных книг после ленча и вязанием под радио по вечерам. Иногда это было утро в Вест-энде, за которым следовали ленч и дневной концерт или спектакль с приятным дребезжанием чайного подноса, который передавали над коленями в темноте в начале третьего акта. Но некоторое время спустя она начала испытывать беспокойство, как заточенная птица, которая может быть счастлива в безопасной клетке, но должна выбраться в жестокий мир, потому что это для нее естественно. Она соскучилась по своей квартире, по своей пишущей машинке и своей странной одинокой жизни. У нее нарождались идеи всевозможных

рассказов и статей, и она не могла дождаться, когда вернется к работе.

— Разумеется, вам надо уехать, дорогая, — сказала Мейбл. — Вам ведь хочется вернуться в свою квартиру, хотя нам так приятно было, что вы у нас живете. Вы же знаете, что могли бы писать наверху в своей комнате. Мы были бы ничуть не против.

Кэтрин представила себе, как сидит за столиком в гостевой комнате с газовым камином, а все обитатели дома нарочито тихо, на цыпочках ходят по лестнице. Ее взгляд, несомненно, остановился бы на туалетном столике, где на голубом атласе вышиты дамы в кринолинах… Картина ее расстроила.

— Мы подумывали пригласить завтра вечером мистера Лидгейта, — с надеждой сказала Рода. — И если Дейдре позовет Дигби, а Малькольм приведет Филлис, получится симпатичный званый ужин.

— О да! — с энтузиазмом согласилась Кэтрин, поскольку ей нравились званые ужины и подготовка к ним.

Но вчера Аларик, заглянув через изгородь, пригласил ее в четверть первого в паб, а ей пришлось сказать, что у нее никак не получится, поскольку

в час они всегда едят ленч и ей неловко опаздывать да еще приходить с запахом пива. Лицо у него стало совсем как у истукана с острова Пасхи, и он отвернулся, словно решил, что она не хочет идти именно с ним. Кэтрин чувствовала, что сумеет расставить все по местам, только если будет свободна и станет жить сама по себе.

— Я буду часто к вам приезжать, — сказала она на прощание Мейбл и Роде. — Но мне, честное слово, надо возвращаться в мои собственные трущобы… Вы ведь понимаете, верно?

Они сказали, что да, понимают, но позднее Рода заметила Мейбл, что никак не возьмет в толк, почему Кэтрин всегда говорит о своем жилье такими странными словами. Ведь окружить себя приятными вещами очень просто, а Кэтрин кажется хозяйственной девушкой.

Вот так Кэтрин вернулась в свою квартиру и нашла гостиную в точности такой, какой оставила: лист бумаги в пишущей машинке, чашка и чайник на столе — все не тронуто с того дня, когда она узнала о смерти Тома. Ведь она приходила только взять кое-какую одежду и ограничилась тем, что открыла дверь в гостиную и закрыла ее снова.

Но сейчас она бодро взялась за работу, включив

радио, пока подметала и вытирала пыль. Передавали Брамса, «возвышенную», по сути, музыку, которая словно переносила ее хлопоты в высшую сферу, так что Кэтрин поймала себя на мысли, а вдруг есть что-то стоящее во фразе «достоинство ручного труда», в котором даже у женщин есть своя доля. Покончив с уборкой, она пошла в кипрский ресторанчик за бутылкой красного вина к ужину. Она приготовила себе жирное блюдо с большим количеством чеснока — из тех, какие не ела две недели. Позднее, глядя на себя в зеркале ванной комнаты, она заметила, что зубы у нее потемнели от вина, — так говорили про зубы королевы Елизаветы, подумалось ей.

На следующее утро, когда она за пишущей машинкой сражалась со своей «недорогой» вечеринкой, зазвонил телефон. Из трубки раздался бодрый женский голос, что называется «высшего общества», который привык давать распоряжения в дорогих универмагах «Хэрродс» или «Фортнумс».

— Вы меня не знаете, — сказал голос, — но я Джозефина Конингсби, сестра Тома Моллоу. Ваш адрес мне дала моя тетя, миссис Беддоуз, кажется, вы с ней встречались.

— Да, разумеется, мы… — Фраза Кэтрин увяла,

поскольку трудно было подобрать слова для описания любопытной встречи в тот день, когда Том ее бросил.

— Послушайте, — решительно сказал голос, — мне пришло в голову, что было бы неплохо, если бы мы все встретились за ленчем.

— Все? Боюсь, я не вполне понимаю.

— О, я имела в виду, вы, я, Элейн и та другая девушка. Дейдре, так, кажется, ее зовут… Не могли бы вы ее разыскать? Я думала, мы бы могли… ну… поговорить о Томе.

— А, да, это было бы… правильно, я думаю, — с запинкой произнесла Кэтрин, поскольку сегодня все как будто не поддавалось описанию. — Когда вы хотите встретиться?

Были назначены день и место, которым оказался клуб Джозефины где-то возле Сент-Джеймс-стрит. Кэтрин ждала встречи с некоторой опаской, поскольку богатое воображение немедленно нарисовало ей всевозможные неловкости и стеснительные ситуации. Она долго разговаривала по телефону с Дейдре, главной заботой которой было, что на себя надеть. Ожидается, что она будет в черном или сером — но она никогда не носит эти цвета! — или сойдет и твидовое пальто? И нужно ли ей купить шляпку? Кэтрин считала,

что не будет иметь большого значения, как они оденутся, поскольку маловероятно, что им удастся соответствовать стандарту, установленному Джозефиной и Элейн.

Когда Кэтрин и Дейдре вошли в фойе клуба, прогноз Кэтрин полностью оправдался, поскольку, едва они ступили на мягкий ковер, как к ним направились, встав с кресел, две женщины в хорошо скроенных серых костюмах, маленьких шляпках и нитках жемчуга. Унизительно, наверное, подумалось Кэтрин, что нас с Дейдре так легко узнать: обе без шляпок, в свободных твидовых жакетах и туфлях без каблука. Дейдре стянула распущенные отросшие волосы в хвост и так сильно вычернила брови, что лицо у нее казалось болезненно напряженным. Кэтрин была просто сама собой, но приложила усилия, чтобы выглядеть опрятнее обычного.

Все друг другу представились и довольно нервно сели. Элейн оказалась той из двух, что была посветлее и выглядела моложе. Заглянув за подтянутый фасад выходного костюма, Кэтрин с изумлением обнаружила, что Джозефина — точная копия Тома. Те же широко открытые серые глаза, изящный нос и милая улыбка, но ей не хватало мягкой, довольно безразличной мане-

ры Тома. Общее впечатление странно сбивало с толку.

— Итак, как насчет шерри? — бодро спросила Джозефина, точно никаких иных напитков не существовало. — Полусухой для всех?

Поданные бокалы были благодарно схвачены. Трудно, да, вероятно, и невозможно было произнести тост, поэтому каждая сделала нерешительный глоток и поставила бокал.

— Я думала, что встретиться нам всем и поболтать — удачная мысль, — сказала Джозефина, словно начиная опасаться, что, как раз наоборот, мысль не самая удачная.

— Да, мы все любили Тома, — подхватила бремя разговора Кэтрин. — Полагаю, каждая из нас воплощает разные аспекты его жизни.

— Да. Я, разумеется, знала его дольше всех, — сказала Джозефина, — но Элейн тоже знала его с рождения. Мы вместе ходили на детские утренники, подумать только. — Она улыбнулась улыбкой Тома.

— Он всегда их ненавидел, — заметила Элейн. — Он был таким робким.

— Я знала его меньше года, — внезапно вмешалась Дейдре. — Однажды утром я сидела на факультете антропологии, а он пришел в

своей синей вельветовой куртке, и мы пошли выпить… — Голос у нее пресекся, и она отвернулась.

— Перейдем в обеденный зал? — предложила Джозефина. — Вон та дверь.

Встав, они довольно чинной процессией прошествовали в просторную комнату элегантных пропорций, по стенам которой висели портреты маслом пожилых и престарелых дам. Кэтрин задумалась, кто они и что выдающегося сделали, поскольку ей было не вполне ясно назначение клуба и что, собственно, может объединять его членов. Наверное, решила она, это как-то связано с империей или политикой и уж точно тут есть нечто большее, чем ношение дорогой одежды, мехов и настоящего жемчуга и счета в лучших лондонских магазинах.

— Кто эти женщины? — оживленно спросила она. — Чем они занимались?

— Занимались? — недоуменно переспросила Джозефина. — Сомневаюсь, что они чем-то занимались, просто были в прошлом членами клуба, наверное, самыми выдающимися.

— Может, они охотились с собаками? — спросила Кэтрин.

— Может, и охотились, — с приятной улыбкой

ответила Элейн. — Очень даже вероятно. Понимаете, это лондонский клуб сельских женщин. Раньше в него входила мама.

— Так что будем есть? — Джозефина изучала меню.

Еще одно положили перед Кэтрин, которая словно в тумане прошлась по списку блюд, отметив только с некоторым ужасом, что тушеные потрошки стоят пять шиллингов.

— Я не слишком голодна, — пробормотала Дейдре.

— Но день сегодня холодный, и надо хорошенько поесть, — наставительно произнесла Элейн. — Думаю, для начала суп, а потом, возможно, жареный ягненок или отварная курица.

Остальные приняли предложенное с благодарностью, радуясь, что за них сделали выбор.

— Чиновник местной администрации был так добр, что выслал кораблем все бумаги Тома, — сказала Джозефина, — но они, так сказать, еще не приплыли. Мы с Элейн подумали, вдруг вы или Дейдре захотите забрать их себе. Разумеется, нам совершенно непонятно, что с ними делать, и мы даже не поймем, что в них, — спокойно признала она. — Просто было бы жаль оставлять их у себя, если в них есть какая-то ценность для

антропологии.

— Можно передать их мисс Кловис, — предложила Дейдре. — Она наверняка знает, что с ними делать или кому они могут пригодиться. Или, возможно, еще лучше профессору Фэрфексу.

— А вы сами их забрать не хотите?

— О нет, пожалуйста, я… — Дейдре начала растерянно запинаться, расстроившись при мысли о том, как они с Дигби начнут совместную жизнь под гнетом полевых заметок бедного Тома.

— Конечно, я могла бы передать их на хранение в «Хэрродс», — практично сказала Джозефина. — По-моему, там семь или восемь больших деревянных ящиков. Подумать только, что Том столько написал! — рассмеялась она.

— В некоторых скорее всего резные маски и скульптуры, — поправила ее Кэтрин.

— Вы хотите сказать, африканские скульптуры и маски? — переспросила Джозефина. — Тогда, надо полагать, это будет нечто топорное — не те вещи, какие хочется держать дома.

— О, кое-какие откровенно непристойны! — Кэтрин на мгновение дала себе волю. — Не ко всем комнатам подойдут, — быстро добавила она. — Кажется, у вас прекрасные собаки, — продолжила она, обращаясь к Элейн. — Том часто о

них говорил.

— Да, мои золотые ретриверы довольно милые. Том нам рассказывал, что вы пишете рассказы и вкусно готовите, — просто сказала Элейн.

Кэтрин задумалась, все ли это, что известно Элейн. Она надеялась, что ее избавили от подробностей их с Томом отношений, но чувствовала, что даже знай Элейн, она могла бы понять и простить.

— Тома похоронили там на местном кладбище, — коротко обронила Джозефина. — Дома мы поставим памятную доску в церкви. Мы думали, вам с Дейдре захочется об этом знать. Нечто совсем простое, разумеется.

— Спасибо, — отозвалась Кэтрин, подумав про себя, почему люди всегда говорят нечто вроде «совсем простое, разумеется». Скорее всего в семнадцатом и восемнадцатом веках так не говорили… Ей вдруг захотелось, чтобы на надгробной плите Тома были плачущие херувимы и витой мраморный венок вокруг них. А будет, наверное, плоская каменная или латунная плита с простой и скучной надписью, возможно, обведенной красным — такая, на которую какой-нибудь трусоватый чиновник епархии даст свое соизволение, не боясь подвергнуться критике.

После кофе и недолгих разговоров ни о чем настало время расходиться.

— Я повидаюсь с тетушкой в Белгравии, — сказала Джозефина. — Моя кузина как раз умудрилась найти себе жениха. Подумать только, в первый же свой сезон! Отлично, надо сказать, постаралась.

— О да, — искренне откликнулась Кэтрин. — Ваша тетя беспокоилась из-за ее роста.

— Ну, на то и существуют гвардейские офицеры, — рассмеялась Джозефина, потом снова посерьезнела и, отведя Кэтрин в сторонку, сказала вполголоса: — Наверное, вам никто не сказал, и, по правде говоря, никто другой и не скажет, но на столе в хижине Тома нашли незаконченное письмо к Элейн. Чиновник прислал его с кое-какими личными вещами. Это было милое болтливое письмо ни о чем, понимаете, но по крайней мере она может знать, что он думал о ней незадолго до смерти.

— Да, это мило, я очень рада. — Кэтрин чувствовала себя усталой, ей хотелось уйти.

— И я так думаю. Понимаете, она всегда любила Тома, никогда не было никого другого.

— Очевидно, никогда не было никого другого, — сказала Кэтрин Дейдре, когда они шли прочь от

клуба. — Почему-то такое легко себе представить. Такая милая и, по сути, совершенно неподходящая для Тома… Ой, смотри! — воскликнула она, поскольку они проходили мимо уличного художника, который рисовал головки собак: — Какие у него собаки! По одной голове все видно: такие надежные, бурые и верные. И почему я не спросила, навещает ли Джозефина ту, другую тетку, которая живет в гостинице в Южном Кенсингтоне? У меня такое чувство, что она довольно старая, заброшенная и немного жалкая.

— С тобой все в порядке, Кэтрин? Хочешь, пойдем выпьем где-нибудь чаю? — участливо спросила Дейдре.

— Да, давай выпьем чаю, но сперва мне надо найти монетку для собачника.

— Тебе ведь будет не слишком одиноко? — спросила Дейдре. — Сама знаешь, ты всегда можешь пожить у нас.

— Спасибо, Дейдре, но я не против одиночества. И жизнь у меня не кончилась, знаешь ли, — с легким раздражением ответила Кэтрин. На мгновение она почти пожелала себе жизни, как у той утомительной, надоедливой престарелой родственницы, которая игриво дергает ее за рукав. — Конечно, я приеду вас повидать, и соседей,

вероятно, тоже навещу.

— Ты про мистера Лидгейта? Думаю, он по-своему интересный.

— Это будет хобби и позволит мне отвлечься от своих мыслей. Буду изучать кого-то равно эксцентричного.

— Слова истинного антрополога. Ничего большего тут нет?

— Кто знает! — весело воскликнула Кэтрин, когда они расставались у дверей чайной.

Дейдре вспомнила эти слова некоторое время спустя, когда поднялась в комнату тети о чем-то ее спросить и застала Роду и Мейбл у окна. Рода, похоже, непрерывно комментировала происходящее в саду Аларика Лидгейта.

— Все маски разложены по лужайке, — говорила она, — а теперь… Боже ты мой! Он принес большой щит, два копья и какую-то поеденную молью штуковину из перьев, не могу разглядеть, что это. Думаю, они так и притягивают моль, их действительно надо бы хорошенько проветривать. А теперь он снова ушел в дом.

— Нет, уже вышел, да еще с Кэтрин, — вмешалась Мейбл.

— А, да, и у него в руке нож. Они идут в самый конец сада. Теперь он что-то срезает, а Кэтрин ему

помогает… что они там делают? Ха, теперь она выпрямилась, и у нее в руках охапка ревеня! До чего же странная девушка: сначала сожгла уйму бумаг на костре, теперь вот это. Как диковинно жизнь иногда поворачивается!

А про себя Рода подумала, насколько же комфортнее иногда наблюдать ее с расстояния, смотреть из окна второго этажа, как поступают истинные антропологи.

— Мы сами могли бы дать ей ревеня, — мягко сказала Мейбл. — У нас его много. Ей незачем было беспокоить мистера Лидгейта.

— Вот уж не думаю, что он счел это за беспокойство, — возразила Рода. — А кроме того, может статься, ревень из нашего сада — это совсем не одно и то же.

Вот эту тонкость, подумала она с толикой самодовольства, оценить сполна способна только незамужняя женщина. Но, боже ты мой, если Кэтрин и Аларик поженятся, что за неуправляемая и эксцентричная из них выйдет пара!